

Екатерина Алёшина
Татьяна Разуваева

**Политический диалог
и глобальные конфликты**

Анализ дискурса и медиа

Монография

Под редакцией
Юлии Шурыгиной

Пенза
2021

УДК 81; 32.019.5
ББК 81.2; 66.2
А45

А в т о р ы:
к.и.н., доц. Екатерина Алёшина,
к.п.н., доц. Татьяна Разуваева

Р е ц е н з е н т ы:
доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики
и лексики английского языка Института иностранных языков
Московского педагогического государственного университета
Е. А. Фрейдина;

доктор исторических наук, профессор
кафедры «Всеобщая история и обществознание»
Педагогического института имени В. Г. Белинского
Пензенского государственного университета
В. П. Шувалов

Алёшина, Екатерина Юрьевна.

А45 Политический диалог и глобальные конфликты. Анализ дис-
курса и медиа : монография / Е. Ю. Алёшина, Т. А. Разуваева ;
под ред. Ю. А. Шурыгиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-907521-20-9

Рассматриваются актуальные вопросы политической коммуникации в
различных аспектах, в том числе в ситуации политического конфликта.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, аспирантам, маги-
странтам, студентам, журналистам, а также широкому кругу читателей.

**УДК 81; 32.019.5
ББК 81.2; 66.2**

ISBN 978-5-907521-20-9

© Алёшина Е. Ю., Разуваева Т. А., 2021
© Пензенский государственный университет, 2021

**Ekaterina Aleshina
Tatiana Razuvaeva**

**Political Dialogue
and Global Conflicts**

Discourse and Media Analyses

Monograph

Edited by
Yulia Shurygina

Penza
2021

Authored by:
Dr. Ekaterina Yu. Aleshina
Dr. Tatiana A. Razuvaeva

Reviewers:
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Department of Phonetics and Vocabulary of the English Language,
Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University
Elena L. Freydina;

Dr. Sc. (History), Professor,
Department of General History and Social Studies,
V. G. Belinsky Pedagogical Institute, Penza State University
Vladimir I. Shvalov

Aleshina, Ekaterina.

Political Dialogue and Global Conflicts. Discourse and Media
Analyses / Ekaterina Aleshina, Tatiana Razuvaeva ; ed. by Yulia
Shurygina. – Penza : Penza State University, 2021. – 184 p.

ISBN 978-5-907521-20-9

The book presents the coverage of actual issues of political communication considered in different aspects, particularly, in the situation of political conflict. The target audience of the book comprises researchers, professors, students, journalists and a wide circle of readers.

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

Часть I. Медиа и конфликт

Понятие «Победа» в политическом противостоянии, отраженное в дискурсивной исторической памяти <i>Блох Марк Яковлевич</i>	13
Отражение дискурса памяти о Первой и Второй мировых войнах в современных онлайн-газетах <i>Алёшина Екатерина Юрьевна, Разуваева Татьяна Александровна</i>	21
Просодические конфликтогены в политическом дискурсе <i>Сейранян Маргарита Юрьевна</i>	34
Пользовательский контент в твиттер-публикациях: политический аспект <i>Аренова Алмаша Арыстановна, Нуржанова Шарипа Сыздыковна, Рева Екатерина Константиновна</i>	44
Аспектуальный потенциал метафоры «чрезмерное действие» (<i>shower</i>) в английских политических текстах <i>Николаенко Елена Михайловна</i>	51

Часть II. Политика, память и искусство

«Чужой среди чужих»: образ мигранта в современной российской литературе <i>Францова Галина Васильевна, Тимакова Анна Александровна</i>	65
--	----

Современные кинематографические изображения конфликта в истории: речь королевы Елизаветы при Тилбери <i>Штробль Эржебет</i>	76
Диалектика личного и социального в репрезентациях концепта «Память» <i>Барабаш Ольга Владимировна</i>	88
Публичное политическое выступление как дискурс памяти <i>Алёшина Екатерина Юрьевна</i>	102
Эволюция образа Великой Отечественной войны в международном политическом дискурсе и в исторической памяти россиян <i>Очкина Анна Владимировна, Павельева Ульяна Олеговна</i>	113

Часть III. Политика и общество

Отказ от политического выбора в России: причины и последствия <i>Константинов Всеволод Валентинович, Прохорова Наталья Юрьевна</i>	129
Формирование национальной идентичности и политические репрессии в СССР в 1920–1930-е гг. <i>Сухова Ольга Александровна</i>	144
Социальные конфликты в Англии начала XVII в. <i>Митрофанов Владимир Петрович</i>	153
Дискурс черно-белой памяти: прошлое и настоящее расовых отношений в США <i>Николаев Борис Викторович</i>	165
Информация об авторах	176

Table of Contents

Foreword	10
-----------------------	----

Part I. Media and Conflict

Victory in the Political Confrontation as Reflected in Discursive Historical Memory <i>Mark Y. Blokh</i>	14
World Wars in Contemporary Media Space: a Discursive Perspective <i>Ekaterina Yu. Aleshina, Tatiana A. Razuvaeva</i>	22
Prosodic Conflict Markers in Political Discourse <i>Margarita Yu. Seiranyan</i>	35
User-Generated Content in Twitter Posts: Political Aspect <i>Almasba A. Arenova, Sharipa S. Nurzhanova, Ekaterina K. Reva</i>	45
On Aspectual Characteristics of the Shower Metaphor in Political Discourse <i>Elena M. Nikolaenko</i>	52

Part II. Politics, Memory and Arts

"A Stranger among Strangers": a Migrant's Image in Contemporary Russian Literature <i>Galina V. Prantsova, Anna A. Timakova</i>	66
---	----

Contemporary Filmic Representations of Conflict in History: Queen Elizabeth's Tilbury Speech <i>Erzsébet Stróbl</i>	77
Dialectics of the Personal and the Social in the Representations of the Concept "Memory" <i>Olga V. Barabash</i>	89
Political Rhetoric as Discourse of Memory <i>Ekaterina Yu. Aleshina</i>	103
Evolution of the Image of the Great Patriotic War in International Political Discourse and in the Historical Memory of Russians <i>Anna V. Ochkina, Uliana O. Pavelyeva</i>	114

Part III. Politics and Society

Rejection of Political Choice in Russia: Causes and Consequences <i>Vsevolod V. Konstantinov, Natalia Yu. Prokhorova</i>	130
Formation of National Identity and Political Repression in the USSR in 1920–1930 <i>Olga A. Sukhova</i>	145
Social Conflicts in England at the Beginning of the 17 th Century <i>Vladimir P. Mitrofanov</i>	154
Black and White Discourse: the Past and the Present of Racial Relations in the USA <i>Boris V. Nikolaev</i>	166
Information about the Authors	180

Предисловие

Эта книга – о различных аспектах медиакоммуникации в современном глобальном мире. В центре исследовательского интереса – медийный дискурс, анализ которого позволяет выявить возможности построения политического диалога в конфликтной ситуации, определить дискурсивное выражение исторической памяти, рассмотреть закономерности дипломатической коммуникации.

Первая часть посвящена освещению проблематики политического конфликта в контексте глобальной геополитической ситуации. Спектр этих вопросов и проблем обсуждает доктор филологических наук, профессор Марк Блох. Кандидат исторических наук, доцент Екатерина Алёшина, кандидат педагогических наук, доцент Татьяна Разуваева, доктор филологических наук, доцент Маргарита Сейранян, доктор филологических наук, доцент Екатерина Рева, Алмаша Аренова, доктор философских наук Шарипа Нуржанова, кандидат филологических наук, доцент Елена Николаенко представили результаты исследований, посвященных анализу отражения дискурса памяти в современных СМИ, а также результаты исследования различных языковых аспектов политического дискурса.

Во второй части книги кандидат педагогических наук, профессор Галина Пранцова, кандидат филологических наук, доцент Анна Тимакова, профессор, доктор Эржебет Штробль, кандидат филологических наук, доцент Ольга Барабаш, кандидат исторических наук, доцент Екатерина Алёшина, кандидат философских наук, доцент Анна Очкина, Ульяна Павельева раскрывают проблематику отражения дискурса памяти в киноискусстве, в языке, в литературе, а также обсуждают феномен «войны ценностей».

В третьей части книги доктор психологических наук, профессор Всеволод Константинов, кандидат филологических наук, доцент Наталья Прохорова, доктор исторических наук, профессор Ольга Сухова, доктор исторических наук, профессор Владимир Митрофанов, кандидат исторических наук, доцент Борис Николаев анализируют политические процессы, социальные конфликты в обществе в историческом, национальном и политологическом ракурсах.

Екатерина Алёшина, Татьяна Разуваева

Foreword

The book focuses on the aspects of media communication in the modern globalised world. The research interests reflected in the book lie in media discourse, the analysis of which enables identifying the possibilities to build political dialogue in a conflict situation, determining the discourse-based representation of historical memory and considering the patterns of diplomatic communication.

Part 1 considers political conflict in the context of global geopolitical situation. These issues and problems are discussed by Prof. Dr. Mark Blokh, Dr. Ekaterina Aleshina, Dr. Tatiana Razuvaeva, Prof. Dr. Margarita Seyranyan, Dr. Ekaterina Reva, Almasha Arenova, Prof. Dr. Sharipa Nurzhanova and Dr. Elena Nikolaneiko assess the results of analysing the reflection of discourse of memory in modern media, as well as the results of studying the language aspects of political discourse.

Part 2 is compiled by Dr. Galina Prantsova, Dr. Anna Timakova, Dr. Erzsébet Stróbl, Dr. Olga Barabash, Dr. Ekaterina Aleshina, Dr. Anna Ochkina and Ulyana Pavelyeva. It is devoted to the representation of discourse of memory in language, cinema and literature and to the phenomenon of war of values.

In Part 3 of the book, Prof. Dr. Vsevolod Konstantinov, Dr. Natalia Prokhorova, Prof. Dr. Olga Sukhova, Prof. Dr. Vladimir Mitrofanov and Dr. Boris Nikolaev analyse political processes and social conflicts in the historical, national and political perspectives.

Dr. Ekaterina Aleshina, Dr. Tatiana Razuvaeva

Часть I
Медиа и конфликт

Part I
Media and Conflict

Понятие «Победа» в политическом противостоянии, отраженное в дискурсивной исторической памяти

Марк Яковлевич Блох

Московский педагогический государственный университет, Россия

Аннотация. Рассматривается понятие «Победа» в политическом конфликте. Политика представлена в качестве системы взаимосвязей субъектов, направленных на получение определенной прибыли. Политическая деятельность может быть воплощена в широком наборе форм: от документов различных посланий до военных сражений. В результате определяется понятие «Победа» и выделяются три основных ее вида.

Ключевые слова: победа, политика, противостояние, конфликт, враг, историческая память, добро, зло, разум, глобализация, прогресс

Victory in the Political Confrontation as Reflected in Discursive Historical Memory

Mark Y. Blokh

Moscow Pedagogical State University, Russia

Abstract. The article considers the notion of Victory in political conflict. Politics is presented in the capacity of a system of interrelations of subjects aimed at gaining a certain profit. Political activity can be embodied in a broad set of forms: from documents of various messages up to battles of war. As a result, the notion of Victory is defined and the three main types of Victory are identified.

Keywords: victory, politics, confrontation, conflict, enemy, historical memory, good, evil, reason, non-reason, globalization, progress

Введение

Понятие «Победа» входит в фундаментальную сферу теоретического знания. Порожденное на самой заре Античной эпохи, оно прошло сверкающей стрелой через века и тысячелетия истории цивилизаций человечества и пришло в современность словесной глыбой значений и коннотаций. Оно заняло прочное место в ведущем понятийном комплексе медийно-дискурсивных представлений исторической памяти народа. Поскольку его родоначальной стихией является война и политика, на его политической семантике и назывном использовании я и сосредоточусь в предлагаемой работе (Блох, 2020).

Ключевые определения

Победа есть преодоление противостоящей силы.

Военная победа есть обезвреживание врага.

Обезвреживание врага есть ликвидация его противостоящей силы.

Политика есть система отношений некоторого субъекта к другому субъекту, нацеленная на извлечение выгоды из контакта с этим другим субъектом. Целью политики может также выступать перераспределение властных ресурсов. При этом как общественный феномен, реализуемый в коммуникации, политика определяется и имеет выражение в коммуникативных действиях (Алёшина, 2015).

Выгода может реализоваться в широчайшем диапазоне ценностей – от выгоды добрососедства через выгоды материальных и интеллектуальных ценностей и возможностей до выгоды угроз и враждебных шагов.

Выгода является руководящей силой в выборе соответствующего политического действия, отвечающего запросу политической ситуации. Эти действия могут воплощаться в великом множестве форм – от документированных заявлений, представлений, предложений, требований, угроз открытых и скрытых и т.д., вплоть до войны – как горячей, так и холодной.

Ведущие из этих форм включаются в дискурсивный объем исторической памяти народа.

Понятие «Военная победа»

Военная победа как обезвреживание врага достигается стратегическими и тактическими действиями.

Стратегические действия направлены на конечный результат борьбы.

Тактические действия направлены на отдельный акт борьбы, задуманный как конкретный этап движения к победе. Тактическая цель этапа – наступление или отступление в ходе развивающегося противоборства (с точки зрения принципов теории военной победы – временное отступление, но задуманное как этап движения к победе).

Подходя к понятию «Военная победа» в рамках классификационной разбивки, можно выделить ее три главных типа, кардинально отличающихся друг от друга.

Тип № 1. Уничтожение врага.

Тип № 2. Превращение врага в стратегического союзника.

Тип № 3. Победа на поле боя, но влекущая за собой поражение в области идеологии и культуры.

Приведем примеры на каждый из выделенных типов победы.

Тип Победы № 1 – «Уничтожение врага». Не счесть этих примеров как в многострадальной истории человечества, так и в многострадальной современности. Но будем буквоедами и в качестве конкретного примера приведем событие конечной победы союзных сил над Наполеоном во Франции в 1814 г. (ниспровержение Наполеона как императора вместе с ликвидацией его армии).

Тип Победы № 2 – «Превращение врага в стратегического союзника». Этих примеров тоже не счесть. В качестве образцового примера приведем победу Александра Македонского над прочими землями Древней Греции, которые в результате превратились в части его государства.

Тип Победы № 3 – «Победа на поле боя, но поражение в идеологии и культуре». Примеры тоже бесчисленны, но не настолько, как по первому и второму типам. Первый пример: победа Рима над

Древней Грецией. Итог – принятие культуры Древней Греции вместе с ее наукой и религиозной мифологией. Второй пример: победа Рима над христианской частью Израиля. Итог – поражение римского язычества, христианизация Рима.

Мы рассмотрели понятие «Военная победа». Многочисленные иные типы победы в большей или меньшей степени приближаются по характеру к рассмотренным типам. Что касается нашей работы, то в ее текущем пункте мы передвигаем понятие победы на следующую ступень обобщения, обращаясь к вечной борьбе между Добром и Злом. В качестве непосредственного поля боя мы выбираем современную эпоху глобализации. При этом в качестве двух противостоящих участников сражения мы выбираем Созидательный разум, подаренный Человеку Добром, и Неразумие, пожалованное Человеку Злом.

Понятие «Разумный человек»

Разум есть способность логически и творчески мыслить, в противоположность чувству (Ожегов, 2014).

Обладатель Разума – Человек-личность. Современный разумный человек есть человек, сознающий стратегическое движение человечества к материальному и общественному прогрессу и служащий на своем трудовом месте, в конечном счете, этому прогрессу прямо или косвенно.

Высшая ценность для Разумного человека есть человеческая личность, т.е. личность ближнего, которую следует оберегать физически и просвещать гуманистически. Разумный человек появился в результате процесса совершенствования личности в ходе развития цивилизации со времени ее зарождения.

Понятие Разумного человека соотносится с понятием Говорящего человека и противостоит понятию Неразумного человека. В формуле Homo Sapiens (Человек разумный) философы-эволюционисты смешали два разных понятия, а именно понятие Разумного человека и понятие Говорящего человека (Homo Loquens), ибо Говорящий человек отнюдь не обязательно является разумным. Огромная часть современных говорящих людей, если не большинство, остаются неразумными.

Современный неразумный человек, в отличие от Разумного человека, не осознает прогрессивного развития человечества и не ориентирован на гуманистическую созидательную деятельность. Его мышление определяется тактическими целями удовлетворения своих нужд и желаний без учета интересов ближних. Поэтому он легко поддается экстремистской агитации, отвечающей его эгоистической и эгоцентрической моральной установке.

Отсюда вопрос – по каким установлениям реализуется существенный, столбовой ход истории человечества, приведший в результате к быстро расширяющейся и развивающейся глобализации: по установкам Разумного человека или по установкам Неразумного человека?

Ответ: неумолимые факты развития человеческого сообщества свидетельствуют, что столбовой ход истории, несмотря на его бесчисленные трагические повороты (откаты по вертикальной спирали) в сторону и назад за все время существования Говорящего человека, осуществляется по установкам Разумного человека, вопреки конкретно выражаемой воле огромных масс неразумных людей. Приведем примеры в подтверждение этому.

Первый пример: историческая смена общественных формаций, существенной стороной которых явилось освобождение человека от рабской и крепостной зависимости.

Второй пример: борьба инквизиции с колдунами и ведьмами в эпоху средневековья. Эта истовая борьба велась при шумном одобрении масс неразумных людей. Но прогресс победил и восторжествовал.

Третий пример: борьба средневековых государств и церкви с открытиями и изобретениями, укрепляющими человека в его сложных отношениях с природой (деятельность астрономов, биологов, медиков, технических изобретателей, различных естествоиспытателей и др.). Прогресс и здесь победил и восторжествовал.

Что же касается глобальной победы Разума, то она подсказывается ретроспективой основных эпох неуклонно ускоряющегося человеческого развития (Капица, 2004). Таких эпох, в общей обширной сумме составляющих необъятную эру, можно насчитать семь. Дадим этим эпохам следующие имена по развивающемуся психосоци-

альному типу человека: соответственно, Неговорящий человек, Доцивилизованный говорящий человек, Античный человек, Средневековый человек, Ренессансный человек, Промышленный человек, Кибернетический человек (современный).

Седьмая эпоха – последняя в существовании Воинствующего человека. С окончанием этой эпохи и началом новой, последующей эры война становится бессмысленной в силу огромного накопления на Земле, во-первых, потребительских ценностей, а во-вторых, всеразрушающего оружия, способного уничтожить все земное человечество, включая и того, кто это оружие использовал. Наступающий необозримо долгий период жизни человечества становится таким, который можно назвать «Эрой Умиротворенного человека».

Научное мышление как средоточие Разума, как высший тип получения знания и распоряжения этим знанием в созидательной деятельности, выражено языком. В этом качестве наука, выраженная языком, составляет главную производительную силу личности, общества и государства. Потому что любая деятельность по общественному и государственному назначению задумывается, планируется, регулируется и оценивается соответствующими речемыслительными актами сознания.

Выводы

Итак, учитывая все вышесказанное о Разуме и линии развития Человека как личности, мы можем с большой долей уверенности предвидеть, что именно Университет станет (и на наших глазах становится) повсеместным главным действующим и направляющим мозговым центром всех народов и государств, собирая вокруг себя творческие силы науки и искусства городов и регионов. Информационный взрыв достигает такой интенсивности, что политико-культурная изоляция некоторого государства и этноса становится невозможной.

Речь идет не об «идеальном» обществе, не о реализации утопической мечты просвещенных человеколюбивцев. Разрешимые и неразрешимые людские противоречия всегда останутся. Всегда будут делить жилище и место труда разумные и неразумные люди, умники и глупцы. Всегда Человек будет в поте лица добывать свой хлеб.

Разбитые надежды и мечты, к нашей скорби, никогда не будут заказаны в брэнном мире. Трагедия жизни пребудет с людьми до конца века, таков закон естества. Я хочу лишь сказать, что с седьмой эпохой столбового пути развития Человека как вида заканчивается кроваво-драчливое детство человечества. Мы уже назвали это детство изящным именем «Эра Воинствующего человека». Наступает время зрелости человечества, которое, в свою очередь, мы изящно назвали «Эра Умиротворенного человека». К этой эре, имеющей в обозримом будущем богоугодно наступить, ведет Человека ВСЕПОБЕЖДАЮЩИЙ РАЗУМ.

Список литературы

Алёшина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М. : Прометей, 2015. 220 с.

Блох М. Я. Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья. М. : Прометей, 2020. 345 с.

Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3–16.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и Образование, 2014. С. 980.

Отражение дискурса памяти о Первой и Второй мировых войнах в современных онлайн-газетах

**Екатерина Юрьевна Алёшина,
Татьяна Александровна Разуваева**

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Проводится анализ отражения дискурса Первой мировой войны и дискурса Второй мировой войны в некоторых российских, немецких, английских и американских онлайн-газетах. В качестве методологической основы для анализа была определена концепция жанров публичных текстов Е. Ю. Алёшиной. Отбор статей осуществлялся в определенный промежуток времени в рамках реализации проекта DIREPA DICOME, а также в рамках деятельности консорциума LEMEL. Авторы не претендуют на универсальность выводов, представляя попытку сравнительного анализа отражения дискурса значимых исторических событий в качественных онлайн-газетах некоторых европейских стран.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, дискурс памяти, онлайн-газеты, жанры публичных текстов

World Wars in Contemporary Media Space: a Discursive Perspective

**Ekaterina Yu. Aleshina,
Tatiana A. Razuvaeva**

Penza State University, Russia

Abstract. The article contains the analysis of reflecting the discourse of World War I and World War II in some Russian, German, British and American online-newspapers. Methodologically, the analysis is based on the concept of political discourse genres proposed by E. Aleshina. The articles were selected according to the thematic principle in a certain time span within DIREPA DICOME project and as part of LEMEL consortium activity. The conclusions provided in the article are not to be considered universal, the article featuring an attempt for a comparative analysis of reflecting the discourse of important historic events in some quality European online-newspapers.

Keywords: World War I, World War II, discourse of memory, online-newspapers, political discourse genres

Введение

В последние 20 лет наблюдается тенденция к общему подъему интереса к военной истории России, причем ее двигателем является тема Победы в Великой Отечественной войне. Изменилось и отношение к роли Первой мировой войны в российской истории – к примеру, в школах Первая мировая война и Великая Октябрьская революция сегодня рассматриваются в рамках одного раздела, который называется «Эпоха великих потрясений». В последние годы произошли качественные изменения парадигмы исследовательского поиска, что, в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии Первой и Второй мировой войны. Исторические исследования о войне «все в большей степени входят в общее русло новых веяний и новых подходов, распространенных в мировой исторической практике» (Козлов, 2006).

Характеристика медийного корпуса

Категоризация медийных текстов, отобранных для настоящего исследования, проводилась в контексте жанровой градации текстов, осуществляемой на основе принципа целеполагания текста-дискурса. В качестве базовых жанров медийных текстов определим следующие: информационный; убеждающий; призывный; жанр оправдания/покаяния. Данные жанры были предложены в отношении политического дискурса (Алёшина, 2015). В то же время они отражают основные типы коммуникативной медийной деятельности и могут быть использованы в процессе анализа исторического дискурса (дискурса памяти).

Корпус статей для анализа был составлен в рамках деятельности международного консорциума LEMEL «L'Europe dans les médias en ligne / Studying the media coverage of European issues by online media» (<https://lemel.hypotheses.org/>). Консорциум существует с 2014 г., в его состав входят медиологи, лингвисты и социологи из Франции, Германии, Италии, Польши, Румынии, Канады и России. Целью консорциума является объединение исследователей, занимающихся изучением медийного дискурса, дискурса исторической памяти и его отражения в онлайн-медиа, а также сравнительно-сопоставительным анализом отражения европейской тематики в онлайн-

медиа различных стран. Методы сбора анализа информации, ее кодирования и обработки были определены руководителями консорциума – Л. Радут-Гахи (Университет Сержи Понтуаз, Франция) и Х. Вагнер (Европейский университет Фленсбург, Германия) (Вагнер, 2019).

Анализ медийного корпуса о Первой мировой войне

Предлагаемый в данной статье анализ представления Первой мировой войны в российских, немецких, британских и американских онлайн-медиа базируется на медийном корпусе, состоящем из журналистских публикаций, опубликованных в период с 07.11.2018 по 14.11.2018 на онлайн-порталах русских газет «Российская газета», «Ведомости», на онлайн-портале немецкой газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», на онлайн-портале британской газеты «The Guardian». Для корпуса отбирались только те статьи, которые посвящены теме Первой мировой войны и описанию торжественных событий во Франции, посвященных празднованию юбилея Первой мировой войны. Среди проанализированных статей – публикации новостных агентств, полнотекстовые статьи ведущих рубрик, эссе, репортажи, интервью приглашенных экспертов. При этом все статьи опубликованы на онлайн-порталах газет, которые относятся к качественной журналистике.

Проведенный анализ 15 публикаций в онлайн-изданиях «Российская газета» и «Ведомости» показал, что преобладающим в публикациях является нарратив «забытой войны». На протяжении десятилетий это событие словно отсутствовало в национальной памяти россиян, не являясь чем-то важным для нации. Об этом свидетельствуют результаты проводимых опросов: в 2014 г. треть опрошенных Всероссийским центром изучения общественного мнения считала Россию победительницей (34 %), и такая же доля (35 %) опрошенных полагала, что наша страна эту войну проиграла (Мединский, 2018). По данным опроса 2018 г. более половины (51 %) опрошенных считают, что Россия победила бы в этой войне, если бы не революция.

Кроме того, последнее десятилетие стало временем активизации символической политики в России. В это время происходит институциональное становление ее негосударственных акторов, среди ко-

торых одним из наиболее активных становится Российское историческое общество (Аникин, Бубнов, Комплеев, 2020). Одним из первых проектов Российского исторического общества стал юбилей Отечественной войны 1812 г., реализованный посредством проведения ряда мероприятий. Кроме того, к этой дате были опубликованы фундаментальные энциклопедические и справочные издания, целый ряд публикаций в интернет-пространстве, а также в онлайн-изданиях. По этой причине большая часть проанализированных статей относится к информационному и информационно-убеждающему жанру, поскольку журналисты выполняют важную задачу популяризации и информирования российских граждан об этом историческом событии, что позволяет сделать массив современных знаний о Первой мировой войне доступным самому широкому кругу людей (7 статей), внося тем самым вклад в преодоление нарратива «забытой войны». Помимо обычных информативных статей, встречаются интервью, в частности интервью с французским историком П. Малиновским, из которого читатели узнают о позиции французского историка о роли России в войне, о значимости сотрудничества России с Францией, о жертвах и потерях в Первой мировой войне с обеих сторон.

FAZ («Frankfurter Allgemeine Zeitung», www.faz.net) – немецкий новостной онлайн-портал, который относится к качественной журналистике. Корпус для исследования состоит из 9 статей, отобранных в период с 9 по 11 ноября 2018 г. Среди проанализированных статей – публикации новостных агентств, полнотекстовые статьи, эссе, репортажи, интервью приглашенных экспертов.

Призывный жанр наблюдается в двух статьях, в которых главным действующим лицом является президент Франции Э. Макрон. В статьях описываются торжественные события, которые были организованы во Франции в годовщину столетия Первой мировой войны. Журналисты приводят цитаты Э. Макрона, в которых он призывает мировое сообщество не забывать страшных уроков прошлого.

Анализ медийного корпуса показал, что в статьях преобладают информационный и информационно-убеждающий жанр (6 статей) и призывный жанр (3 статьи). При этом преобладающими являются нарратив Великой войны и нарратив немецко-французского проекта будущего Европы. Ключевой фигурой в статьях призывного

жанра является Э. Макрон. Именно он призывает всех лидеров стран к миру, к решению глобальных проблем с учетом ошибок, совершенных в прошлом, в том числе и с учетом ошибок Первой мировой войны. Национальные памятные места становятся европейскими, а столетний юбилей Первой мировой войны становится началом новой Европы.

Представим результаты анализа медийного корпуса британской онлайн-газеты «The Guardian» – ежедневной леволиберальной газеты в Великобритании (<https://www.theguardian.com/international>). Сайт газеты – самый посещаемый из сайтов британских газет, известных как «качественная пресса». Для анализа было отобрано 17 статей, посвященных Первой мировой войне и опубликованных в период с 9 по 11 ноября 2018 г. Анализ медийного корпуса показал, что все опубликованные статьи относятся к информационному (12 статей) и информационно-убеждающему (5 статей) жанру. Таким образом, медийный корпус британской онлайн-газеты в значительной степени отличается от корпуса русских и немецких онлайн-газет. При этом преобладающим концептом является «глобальное памятное событие» («global commemoration», «unique commemoration»), что находит непосредственное отражение в тематике и в содержании статей. В британских статьях описываются торжественные события, посвященные празднованию столетия Первой мировой войны, в разных странах – от Великобритании до Австралии (7 статей).

Достаточно активно используется прием «oral history», к примеру, при описании торжественных мероприятий приводятся высказывания как политиков, так и обычных жителей, чьи родственники погибли или пострадали в Первой мировой войне. Масштабы и ужасы войны показываются через личные истории простых людей. Однако при описании торжественных событий авторы, как правило, не дают своих комментариев, лишь констатируют факты. Единственным исключением при этом являются статьи, посвященные описанию участия в торжественных мероприятиях Д. Трампа – его отказ посетить американское кладбище в Париже из-за дождя достаточно резко осуждается и критикуется (5 статей).

Особенностью корпуса британских статей также является обращение к отдельным аспектам события, например судьбам женщин во время Первой мировой войны, судьбам чернокожих солдат, прини-

мавших участие в Первой мировой войне. Тем самым, читателям открываются новые страницы в истории этого события.

В рамках данной работы был проведен анализ статей американской онлайн-газеты «The Washington Post», одной из самых влиятельных американских газет (<https://www.washingtonpost.com/>). В период с 9 по 11 ноября в газете было опубликовано 4 статьи, посвященные Первой мировой войне. Несмотря на небольшое количество статей, нам удалось выявить определенные особенности отражения этого исторического события в онлайн-публикации. Две из четырех статей представляют собой мнения журналистов (рубрика «Opinion»): статьи написаны от первого лица, содержат субъективные размышления журналистов о Первой мировой войне. Одна из этих статей относится к призывному жанру: автор пишет о роли американского президента В. Вильсона во вступлении в Первую мировую войну, о его многочисленных ошибках, которые привели к серьезным негативным последствиям. В связи с этим в США Первая мировая война ассоциируется с именем В. Вильсона, что, с точки зрения журналиста М. Бешлосса, является неправильным. В день памяти о Первой мировой войне журналист призывает вспоминать именно об этом историческом событии, а не о действиях политика. Во второй статье, относящейся к информационно-убеждающему жанру, журналист не столько описывает события Первой мировой войны, сколько анализирует и проводит параллели между развитием мирового сообщества в 1920–1930-х гг. прошлого столетия и современностью, находя при этом много общих моментов. Две статьи относятся к информационному жанру – в первой описываются торжественные мероприятия, приуроченные к 100-летию Первой мировой войны, проводимые в учреждениях культуры в США, во второй – торжественные события во Франции. При этом обе статьи также содержат субъективные эмоциональные высказывания журналистов. Особо следует отметить, что ключевым концептом при описании событий Первой мировой войны является «глобальный конфликт» («a global conflict»). Первая мировая война рассматривается как историческое событие, которое повлияло на развитие дальнейшей истории всех (не только европейских) стран. Таким образом, корпус американских статей является более эмоциональным, включая экспрессивные высказывания и критические ремарки журналистов. Первая мировая война при этом рассматривается в

контексте глобальной истории. Описание торжеств во Франции, в отличие от европейской и российской прессы, не является при этом центральной темой в американских онлайн-газетах.

Дискурс памяти о Второй мировой войне в современных российских, немецких, британских и американских медиа

Перейдем к анализу отражения Второй мировой войны в медийном корпусе онлайн-газет. Основу русского медийного корпуса составили 23 статьи из онлайн-газеты «Российская газета», отобранные в период с 8 по 10 мая 2020 г. (празднование 75-летия со дня окончания Второй мировой войны). Анализ корпуса показывает разнотипность опубликованных статей. При этом преобладающим жанром выступает информационный, вместе со своей разновидностью – информационно-убеждающим жанром (13 статей), 5 статей мы отнесли к жанру убеждения, 5 статей – к жанру призыва. Ведущими призывами являются призыв объединиться против фальсификации истории, не забывать уроки войны, а также бороться с неонацизмом. Примечательно, что в 12 статьях (информационно-убеждающий жанр) описываются праздничные мероприятия, которые проходили 8–9 мая в других странах. В статьях часто встречаются словосочетания и фразы «антифашистские мероприятия», «борьба с неонацизмом», «Вторая мировая война – огромное горе для человечества». Таким образом, даже при описании праздничных событий в других странах журналисты подчеркивают важность предотвращения роста нацистского движения в мире.

Следует отметить, что все 5 статей убеждающего жанра посвящены заявлению Белого дома о «победе США над нацизмом». Статьи эмоциональны, поскольку в них описывается реакция российских политиков и российского общества на заявление правительства США. Журналисты приводят мнения политиков, общественных деятелей, которые убеждают общественность не воспринимать всерьез высказывания американских политиков о роли США в победе над фашистской Германией, а верить историческим фактам. 4 статьи относятся к жанру призыва, при этом в трех из них – высказывания европейских политиков о Второй мировой войне, содержащие призывы не забывать уроки войны. Следует выделить статью О. Барабанова (Барабанов, 2020), в которой он затрагивает острую и актуальную проблему образа войны в культуре и исторической

памяти, проблему конфликтующих национальных нарративов, проблему исторической правды и пересмотра истории. В своей статье О. Барабанов проводит сравнение различных нарративов, которые играют не последнюю роль в эскалации войн исторической памяти. Особо опасным нарративом он при этом считает дегероизацию войны.

Если сравнивать русский корпус онлайн-статей, посвященных Первой мировой войне и Второй мировой войне, мы можем увидеть, что в статьях о Второй мировой войне достаточно ярко отражается проблематика фальсификации истории, что обуславливает преобладание статей призывного и убеждающего жанра в медийном корпусе.

Основу немецкого корпуса составили 10 статей онлайн-газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung», отобранные в период с 8 по 10 мая 2020 г. Проанализировав статьи, можно заключить, что все они относятся к информационно-убеждающему жанру. При этом все статьи посвящены воспоминаниям о периоде Второй мировой войны, 3 статьи носят мемуарный характер – о своих воспоминаниях рассказывают свидетели военных событий. Следует отметить, что элементы убеждения в статьях, как правило, появляются в выводах. Авторы статей размышляют, какую роль сыграла Вторая мировая война для Германии. Ключевыми концептами при этом выступают «обнуление времени» (Stunde null), «крах» (Zusammenbruch). Однако при этом 8 мая называется «Днем освобождения» (Tag der Befreiung), «Днем памяти» (der 8. Mai – Gedenktag). Интересно отметить, что в статьях отсутствуют оценочные суждения о том, какую роль сыграли войска СССР и союзников в победе над фашизмом, отсутствуют рассуждения о фальсификации истории, равно как и признаки политизации этого исторического события. Статьи направлены на информирование читателей о Второй мировой войне, о страданиях немецкого населения, о катастрофических разрушениях в городах, о геноциде еврейского населения и т.п. Основную тему статей можно определить высказыванием Э. Эльбих, пережившей фашистское гетто: «Внимательно смотрите и слушайте, чтобы такого никогда не случилось в будущем» (Kampmann, 2020).

Основу корпуса британских статей составили 10 онлайн-публикаций на онлайн-портале газеты «The Guardian» в период с 8 по 10 мая

2020 г. Девять из проанализированных статей относятся к информационно-убеждающему жанру, одна – к призывному жанру.

Сразу же стоит отметить, что день завершения Второй мировой войны в Великобритании называют Днем Победы в Европе (Victory Day in Europe). Само название этого дня несет в себе определенный символический смысл. Что касается статей, часть из них посвящена описанию празднования этого дня в других странах, часть – описанию высказываний ведущих политиков о Второй мировой войне, часть – воспоминаниям очевидцев тех событий (oral history), часть – высказываниям современников. Журналисты, как правило, приводят различные мнения, предоставляя читателям возможность самим сделать выводы.

К статьям призывного жанра относится онлайн-публикация, в которой описывается речь британской королевы Елизаветы II, приуроченная к 75-летию окончания Второй мировой войны. В своей речи королева подчеркнула, что посланием этого дня является «Никогда не сдавайся, никогда не отчаивайся» (Never give up, never despair) (Jessica & Marsh, 2020). При этом ключевую роль в статье играет призыв не забывать уроки прошлого. Интересно отметить, что практически во всех статьях проводится параллель войны с современной ситуацией – пандемией COVID-19, которая рассматривается как серьезный вызов современному миру. Центральной мыслью при этом является утверждение возможности принять этот вызов, который представляется посильным по сравнению с пережитыми войнами.

В американской онлайн-газете «The Washington Post» в период с 7 по 10 мая 2020 г. было опубликовано только 3 статьи, посвященные 75-летию со дня окончания Второй мировой войны. Все три носят информационный характер, при этом они различаются по содержанию. В статье «The Devastation of World War II in Europe Ended 75 Years Ago» М. Е. Руане приводит воспоминания различных людей разных наций о дне завершения Второй мировой войны (Ruane, 2020). Это воспоминания американских генералов, простых жителей Франции, Германии, Англии, Венгрии, Италии. Все они вспоминают радость, которую им принесло известие о завершении войны. Воспоминания перемежаются краткой фактической информацией об участниках войны. Упоминается Холокост; о Советском Союзе сказано, что сотни тысяч советских солдат погибли

в этой войне и испытали на себе все зверства фашистов. Эта статья – своего рода «нарезка» фактов и воспоминаний. При этом автор не делает никаких заключений, оставляя читателю право сделать выводы.

Статья А. Хортон и А. Юзеро «Defense Secretary Esper Stood beside World War II Veterans – without a Mask» описывает торжество, посвященное чествованию ветеранов Второй мировой войны в Вашингтоне с участием Д. Трампа (Horton & Usero, 2020). Статья носит информационный характер, поскольку описывает только это событие. При этом одной из центральных тем является тема пандемии коронавируса.

Статья «Americans Fighting for Two Victories in World War II Only Got One» А. Л. Кироса и Дж. Страсбурга рассказывает читателям, что в Америке Вторая мировая война традиционно рассматривается как «победа союзников в Европе», «победа демократии над фашистским злом», однако при этом многие американцы не знают, что в это время в США шла другая война – война против расизма (Quiros & Strasburg, 2020). Многим неизвестны такие факты, что афроамериканцы шли на Вторую мировую войну, пытаясь убежать от расовой несправедливости, с которой они сталкивались в США. Таким образом, «The Washington Post» пытается избежать политизации Второй мировой войны, в статьях отсутствуют призывы, убеждение, преобладает фактическая информация.

Выводы

Анализ медиаматериалов в российских, немецких, британских и американских онлайн-газетах иллюстрирует возможности использования исторической памяти в процессе освещения Первой мировой войны и Второй мировой войны. Жанровая градация медиадискурса, основанная на принципе целеполагания высказывания, позволяет определить преобладание текстов информативного и убеждающего характера в проанализированных корпусах. Призывы, которые также можно обнаружить в рассматриваемых медиатекстах, связаны с необходимостью сохранить историческую память и предотвратить новые глобальные конфликты. Историческая память о мировых войнах, актуализированная в

дискурсе европейских СМИ, выступает значимым средством социальной консолидации и формирования национальной идентичности.

Список литературы

Horton A., Usero A. Defense Secretary Esper Stood beside World War II Veterans – without a Mask // The Washington Post. 08.05.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2020/05/08/wwiime-morial-trump-esper/>

Kampmann D. Der Hölle entkommen // FAZ. 2020. № 106. URL: <https://www.faz.net/aktuell/rhein-main/frankfurt/holocaust-ueberlebende-der-hoelle-entkommen-16757417.html>

Jessica M., Marsh S. The Queen Makes VE day Address 75 Years since End of WWII // The Guardian. 08.05.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2020/may/08/ve-day-2020-75th-anniversary-two-minute-silence-red-arrows-flypast-live>

Quiros A. L., Strasburg J. Americans Fighting for Two Victories in World War II Only Got One // The Washington Post. 08.05.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/08/americans-fighting-two-victories-world-war-ii-only-got-one/>

Ruane M. E. The Devastation of World War II in Europe Ended 75 Years Ago // The Washington Post. 07.05.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/05/07/ve-day-victory-in-europe-anniversary-wwii/>

Алёшина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М. : Прометей, 2015.

Алёшина Е. Ю. Падение берлинской стены (9 ноября 1989 года) в современных СМИ: дискурс памяти // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября – 3 декабря 2020 г.). Пенза : ПензГТУ, 2020.

Аникин Д. А., Бубнов А. Ю., Комплеев А. В. Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (53). С. 114–124.

Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5–11.

Вагнер Х. Отражение прошлого Европы в онлайн-медиа. Пенза ; Фленсбург ; Сержи-Понтуаз : Изд-во ПГУ, 2019.

Глебова И. И., Большакова О. В., Минц М. М. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований : сб. обзоров и реф. : препринт. М. : ИНИОН РАН, 2013.

Козлов В. П. Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Междунар. науч. конф. (7–8 сентября 2004 г.). М. : Наука, 2006.

Манойло А. В. Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике // Мир и политика. 15.03.2013. URL: <http://mir-politika.ru/3999-politicheskie-konflikty-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-i-mirovoy-politike.html>

Мединский В. В камне, в бронзе, в живой памяти // Российская газета. 2018. № 253. URL: <https://rg.ru/2018/11/10/v-kamne-v-bronze-v-zhivoj-pamiat.html>

Просодические конфликтогены в политическом дискурсе

Маргарита Юрьевна Сейранян

Московский педагогический государственный университет, Россия

Аннотация. Одной из основных целей анализа политического дискурса является поиск способов манипулирования выбором языка для создания конкретного когнитивного образца («матрицы») для конкретного политического эффекта. Учитывается столкновение взглядов, убеждений, целей и действий участников, рассматривается ряд просодических черт и их переменных как неотъемлемая составляющая функций просодии в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, просодический конфликтоген, политический дискурс

Prosodic Conflict Markers in Political Discourse

Margarita Yu. Seiranyan

Moscow Pedagogical State University, Russia

Abstract. One of the core aims of political discourse analysis is to seek out the ways in which language choice is manipulated to create a particular cognitive pattern ("matrix") for specific political effect. The article takes into account the clash of participants' views, beliefs, aims and actions and views a number of prosodic features and their variables as an integral component of prosody's functions in political discourse.

Keywords: political communication, prosodic conflict marker, political discourse

Введение

Изучение просодической реализации политического дискурса, как и любого другого дискурса, неизбежно связано с анализом функционального аспекта просодии, в частности с проблемой дифференциации общих, первичных и частных, вторичных функций просодии. «Приписывая просодии любую функцию организации и смысловой организации высказывания, важно различать самостоятельные и вспомогательные функции просодии» (Дубовский, 1983).

Среди наиболее известных значений просодии, как правило, выделяют синтаксическую, экспрессивную, коммуникативно-логическую, эмоционально-модальную, коммуникативную (смысло-различительную, организующую), стилистическую, социальную, эмоционально-модальную, прагматическую, грамматическую, социальную, дискурсивную функции, функцию выражения отношения говорящего, а также риторическую и конфликтогенную функции (Соколова, 2010; Фрейдина, 2005).

Просодическая реализация политического дискурса

Представляется, что просодическая реализация политического дискурса характеризуется полифункциональностью, что позволяет анализировать фонетические средства реализации не только универсальных для всех видов дискурса функций, но и специфических, характерных для конфликтогенной политической коммуникации. Подобный ракурс исследования предполагает сосредоточенность на проблеме выбора просодических средств участниками конфликтного дискурса в определенном коммуникативном контексте, который создает структуру предпочтений, а последняя создает новый контекст (Kotthoff, 1993; Spiegel, Franz-Fogasy, 2001). Продуктивным, в связи с этим, считаем использование междисциплинарного подхода, с привлечением методов и методик таких направлений, как социофонетика, прагмафонетика, разговорная фонетика, что позволяет проследить взаимосвязь и взаимовлияние просодии и контекста, в частности, влияние совокупности социокультурных, прагматических, историко-идеологических факторов на просодическую реализацию конфликтного дискурса. Под контекстом мы понимаем совокупность экстралингвистических факторов (социокультурных, прагматических, личностных, историко-идеологических), например, цели говорящего, его коммуникатив-

ную установку, языковую и интеллектуальную готовность к восприятию речи, социальный статус, роль, исторические и идеологические предпосылки и условия взаимодействия коммуникантов и т.д. Иными словами, значимым является взаимообусловленность лингвистических (просодических и лексико-грамматических) характеристик дискурса и экстралингвистических факторов, которые создают лингвокультурную оболочку дискурса – «характеристики, интересы, значимости, свойственные определенному обществу или социальной группе, признающей их в качестве своих» (Серио, 1999).

Прежде чем перейти непосредственно к примерам просодических конфликтогенов и маркеров, следует отметить, что к настоящему моменту в результате усилий исследователей достаточно подробное освещение получили следующие аспекты просодической реализации конфликтного дискурса: роль просодии в формировании конфликтной тональности в профессиональном диалоге и полилоге, сочетание лексических конфликтогенов и просодических средств, роль просодии в реализации отрицательного отношения коммуникантов к ситуации общения и отрицательного отношения друг к другу, просодические средства, обуславливающие нарушения гармоничного взаимодействия, в частности нарушения принятых в определенной лингвокультуре постулатов вежливого и этичного взаимодействия людей. Общим для данных исследований является вывод о роли мелодических, темпоральных и динамических характеристик как сигналов интерактивной установки говорящего (конфликтной или кооперативной). Просодия играет ведущую роль в нарушении кооперативного характера взаимодействия коммуникантов, в формировании конфликтной тональности общения. В работах, посвященных анализу вербального аспекта конфликтного общения, показано, что «сбои в коммуникации» проявляются на всех языковых уровнях. Однако зарубежные и отечественные исследователи-фонетисты правомерно признают ведущую роль просодии в реализации некооперативного общения, эскалации конфронтации.

Так, в ходе комплексного исследования просодического компонента политического дискурса были выявлены просодические характеристики и их различные комбинации, которые выступают не только в качестве маркера конфликтного взаимодействия, но и в качестве конфликтогена, провоцирующего конфликт и его эскалацию.

Например, в результате сопоставления просодических характеристик открытого и скрытого конфликта было выявлено, что основ-

ную роль в эскалации конфликта в отсутствии других вербальных и невербальных факторов играет вариативность тональных и темпоральных характеристик.

Динамические характеристики не являются объективными маркерами наличия конфликта. Следует признать, однако, незначительную разницу между просодическим рисунком открытого и скрытого конфликта, что указывает на ведущую роль просодии в эскалации конфликта. В обоих случаях конфликт маркирован просодическим контрастом конфликтосодержащего фрагмента и окружающего контекста. Просодия, таким образом, усиливает действие конфликтного контекста ситуации.

В открытом конфликте мы отметили равномерное распределение шкал: 50 % ступенчатой и 50 % постепенно нисходящей. В скрытом конфликте ступенчатая шкала встречается в 20 % образцов, в остальных 80 % превалирует постепенно нисходящая шкала. Статистика терминальных тонов представлена нисходяще-восходящим – 50 % образцов открытого и 45 % скрытого конфликта; низким восходящим – 30 % случаев открытого и 25 % скрытого, и равным тоном среднего уровня в 20 % открытого и 30 % скрытого конфликта.

Скорость речи в открытом конфликте вариативна и распределяется между медленной (10 %), средней (45 %) и высокой (45 %). Скорость в скрытом конфликте варьируется между средней – 55 % и высокой – 45 %.

Анализ динамического параметра реализации открытого конфликта выявил высокую громкость в 40 % случаев, среднюю – в 50 %, и только 10 % приходится на низкие показатели громкости. В скрытом конфликте отмечаем практически равномерное распределение данного показателя: высокая громкость в 35 % исследовательского корпуса, средняя – 35 % и низкая – 30 %.

Важным аспектом просодии политического дискурса является реализация индивидуального стиля участника дебатов за счет комбинаторики просодических средств: вариативности диапазона, мелодического компонента, ритмической организации высказывания, динамической неоднородности и т.д. В связи с этим следует отметить значимость просодического компонента дискурса как индикатора типа личности говорящего, например, явного и скрытого агрессора.

Таблица 1

Просодические характеристики явного и скрытого политика-агрессора

Характеристика	Явный политик-агрессор	Скрытый политик-агрессор
Тональный уровень	Высокий	Средний
Тональный диапазон	Расширенный, средний	Суженный
Характер и скорость изменения терминального тона	Чередование средних и крутых нисходяще-восходящих, высокиснисходящих тонов	Чередование пологих низких нисходящих, средних ровных и низких восходящих тонов
Мелодические шкалы	Превалирование ступенчатой шкалы и высокой ровной шкалы	Превалирование постепенно нисходящей шкалы и ровной шкалы среднего уровня, скользящая шкала
Скорость речи	Вариативность скорости от умеренной до сверхвысокой	Вариативность скорости от умеренной до медленной
Громкость	Вариативность от умеренной до повышенной	Умеренная
Паузация	Преобладание сверхкратких и сверхдлительных пауз	Преобладание кратких и средних пауз

Также мы установили, что тональные, темпоральные и динамические характеристики указывают на конфликтогенное состояние говорящего. Результаты исследования позволяют констатировать, что просодические характеристики дифференцируют коммуникативные установки говорящего («установка на конфликт», «установка на гармонизацию»). Просодические единицы языка маркируют стадии конфликта, а также смену коммуникативной тональности, обусловленную сменой стиля коммуникативного поведения гово-

рящего. При этом, при смене конфликтной тональности на гармонизирующую, тональные, темпоральные и динамические характеристики речи коммуникантов способствуют конструктивному взаимодействию в поисках решения проблем, породивших конфронтацию.

К числу просодических маркеров конфликтности, обусловленной предшествующим контекстом ситуации, следует отнести повышенный тональный уровень речи, расширенный диапазон, превалирование в речи говорящего высоких нисходящих тонов, увеличение скорости речи и превалирование сверхкратких пауз.

Ключевые просодические характеристики реализации конфликтного взаимодействия можно представить в виде следующих таблиц.

Таблица 2

Частотность употребления мелодических шкал при реализации конфликта

Шкала	Частотность употребления (в %)
Ступенчатая	30
Постепенно нисходящая	20
Скользящая	10
Высокая ровная	10
Ровная шкала среднего уровня	30

Таблица 3

Частотность употребления терминальных тонов в конфликте

Терминальный тон	Частотность употребления (в %)
Нисходяще-восходящий	45
Высокий нисходящий	30
Низкий восходящий	15
Низкий нисходящий	5
Ровный тон среднего уровня	5

Таблица 4

Частотность показателей громкости в конфликте

Громкость	Частотность показателей громкости
Сверхвысокая	15
Высокая	45
Умеренная	15
Низкая	25

Таблица 5

Частотность показателей скорости речи в конфликте

Скорость	Частотность (в %)
Высокая	40
Умеренная	30
Сверхвысокая	15
Низкая	15

Таблица 6

Распределение пауз по длительности в конфликте

Паузы	Распределение (в %)
Краткие	45
Средние	25
Длиительные	15
Сверхдлиительные	15

Выводы

На материале исследовательского корпуса были выявлены следующие просодические конфликтогены: ступенчатая шкала, акцентирование каждого элемента интонационной группы, реализация ремы высказывания нисходяще-восходящим тоном, низкий восходящий тон в утверждениях и риторических вопросах, имитация голосового регистра автора цитируемой фразы, сверхкороткие интонационные группы, контрастное чередование сверхкратких и длительных пауз на стыках интонационных групп, эмфатическое

выделение смысловых центров высказывания, высокая скорость и громкость на протяжении всего высказывания.

Проанализированные примеры просодической реализации конфликта в политическом дискурсе позволяют говорить о роли определенных тональных, темпоральных и динамических характеристик речи в реализации конфликтотенной функции, как в собственно конфликтном, так и гармоничном дискурсе. Среди основных функций просодического конфликтотенна следует выделить следующие:

- 1) маркирование конфликта;
- 2) провоцирование конфликта в гармоничном взаимодействии;
- 3) эскалация актуального конфликта;
- 4) индикация скрытого конфликта;
- 5) дифференцирование двуплановых стратегий как кооперативных и конфликтных;
- 6) формирование конфликтной коннотации стратегий и тактик говорящего;
- 7) формирование конфликтной тональности дискурса.

Список литературы

Kotthoff H. Disagreement and Concession in Disputes: on the Context Sensitivity of Preference Structures // Cambridge Journal. 1993. Vol. 22. P. 193–216.

Roach P. English Phonetics and Phonology. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

Wichmann A. Intonation in Text and Discourse: Beginnings, Middles and Ends. London : Pearson Educational Limited, 2000.

Дубовский Ю. А. Просодические контрасты в языке. Симферополь : СГУ, 1983.

Постникова А. В. Просодия политического дискурса в британской и американской лингвокультурах. М. : УРСС: Книжный дом «Либроком», 2011.

Потапова Р. К. Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006.

Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй : монография. М. : Прометей, 2016.

Серио П. Как читают тексты во Франции: вступительная статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999.

Соколова М. А. Теоретическая фонетика английского языка. Дубна : Феникс+, 2010.

Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодия. М. : Прометей МПГУ, 2005.

Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М. : ЛЕНАНД, 2016.

Пользовательский контент в твиттер-публикациях: политический аспект

**Алмаша Арыстановна Аренова¹,
Шарипа Сыздыковна Нуржанова²,
Екатерина Константиновна Рева³**

*^{1, 2} Казахский национальный университет
имени Аль-Фараби, Казахстан*

³ Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Рассматривается пользовательский контент в публикациях Twitter и его влияние на внешнюю политику в разных странах и работу президента Республики Казахстан за последние годы. Публикации Twitter отражают изменения в восприятии процессов, происходящих в различных явлениях в глобальной политике. Благодаря Twitter отношения между социальными сетями и дипломатией стали быстро развивающимся явлением, показывающим, что социальные сети могут играть важную роль в обеспечении мира между странами.

Ключевые слова: контент, пользователь, социальные медиа, «Твиттер», политика, коммуникация

User-Generated Content in Twitter Posts: Political Aspect

**Almasha A. Arenova¹,
Sharipa S. Nurzhanova²,
Ekaterina K. Reva³**

^{1, 2} Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

³ Penza State University, Russia

Abstract. The article considers the user-generated content in Twitter publications and its impact on foreign policy in different countries and the work of the President of the Republic of Kazakhstan in recent years. Twitter publications reflect changes in the perception of processes taking place in various phenomena in global politics. Thanks to Twitter, the relationship between social networks and diplomacy has become a rapidly developing phenomenon showing that social media can play an important role in ensuring peace among countries.

Keywords: content, user, social media, Twitter, politics, communication

Введение

В современную эпоху активного развития IT-технологий, различных онлайн-платформ от каждого специалиста, работающего в том числе в области международных отношений, требуется профессиональное владение новыми видами межкоммуникационного взаимодействия. Особую актуальность данный вопрос начинает приобретать для тех, кто в настоящее время работает в структурах государственной службы Республики Казахстан. Прошедшие годы показали, что без приобретенных профессиональных навыков работы с современными IT-технологиями, без освоения современных онлайн-платформ работа специалиста в любой сфере деятельности обречена на существенные трудности.

Актуальность данной проблематики особо остро стоит перед специалистами в различных сферах, работающими сегодня в структурах государственной службы Республики Казахстан и других органах власти. Изменившиеся на фоне пандемии условия традиционной коммуникации поставили на повестку дня вопрос об обретении, в том числе и профессионалами в различных областях, новых компетенций, которые способствуют успешной деятельности. В подобных условиях оказались также и государственные деятели как среднего, так и высшего звена. В сложившейся ситуации обостряющегося соперничества на мировой арене, вызванного издержками созданной более полувека назад системы международных отношений, успешность того или иного государственного деятеля во многом зависит от того, идет ли он «в ногу со временем» или нет. При этом важным фактором является не только желание отдельного государственного деятеля следовать современным тенденциям, но и наличие у него отвечающих новому времени необходимых компетенций лидера. Достичь этого данный государственный деятель может при условии постоянного овладения новыми знаниями и соответствующими новыми навыками.

Цель исследования – раскрыть особенности ведения твиттер-аккаунта президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева.

Twitter зарекомендовал себя очень удобной площадкой для обмена идеями и информацией, а также для общения с миром и отдельными людьми. На этом сервисе имеются инструменты, позволяющие контролировать информацию, которую получает пользователь, доступны публичные сведения об аккаунте, что также является одним

из способов самовыражения в Twitter. Управлять твитами очень просто, интересная и нужная информация копируется с помощью ретвита либо лайка. Информацию также можно переслать на электронную почту, WhatsApp, Facebook и другие социальные сети, прочитать информацию можно в браузере или посмотреть на YouTube.

Кроме этого, достаточно нажать на значок в верхней части любого твита в ленте на главной странице, чтобы перестать читать конкретного автора либо добавить учетную запись в список игнорируемых или так называемый черный список, пожаловаться или оперативно выполнить другое действие. Таким образом, пользователь сам выбирает и формирует свой пользовательский контент, а также публикует свою авторскую информацию, фото и видео, к которым добавляются комментарии, и вырисовывается психологическая особенность аудитории, по которой возможно провести исследование пользовательских реакций.

Twitter является более предпочтительной и приоритетной платформой подачи сиюминутной информации, комментария и просмотра контента. На этом ресурсе очень развита коммуникация и взаимосвязанность пользователей по интересам, жанрам, сюжетам, исследованиям.

Коммуникации и общение в условиях новой медиареальности

Twitter объединил абсолютно все: науку и космос, НАСА и Роскосмос, политику и президентов стран, Генерального секретаря ООН и Главу ВОЗ, НАТО и министров обороны, 5G и искусственный интеллект, пандемию коронавируса.

В Twitter очень удобная навигация, фильтрация уведомлений, оптимизация ленты новостей, игнорирование ненужного контента, содержащего определенные слова, фразы, имена пользователей, эмодзи или хештеги. Все медиафайлы легко загружаются, пользовательский контент можно группировать по темам, достаточно легко, используя те или иные ссылки на нужный контент, в итоге найти материалы, которыми часто делятся пользователи в своих комментариях. Здесь можно сказать о сетевой культуре и пользовательских реакциях аудитории. Это важная составляющая твиттер-публикаций.

Дипломатия использует Twitter очень активно, практически каждый министр иностранных дел, каждый посол, посольство, дипмиссия, консульство имеет свой аккаунт. Появился и прижился новый термин *Twiplomacy*, имеется такой аккаунт и сетевое сообщество. Современные международные отношения в условиях второго года пандемии коронавируса претерпели значительные изменения. Twitter, как лакмусовая бумажка, немедленно реагирует на любую риторику и выпады, комментарии пресс-секретарей глав государств. Одними из наиболее интересных для изучения являются публикации президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева, который завел свой аккаунт, еще будучи Заместителем Генерального Секретаря ООН в Женеве.

Твит-публикации К.-Ж. К. Токаева как первоисточника являются быстро и четко структурированной новостной лентой, которую Глава государства ведет на трех языках: казахском, набранным кириллицей, английском, русском, добавляя публикацию на казахском языке латинским шрифтом. Для пользователя, внимательно следящего за контентом президента Казахстана, созданы условия, которыми может воспользоваться каждый. Этой возможностью пользуются, в первую очередь, журналисты и блогеры, общественность удовлетворена возможностью читать контент на предпочтительном языке. Комментаторам ничего не остается, кроме как выразить эмоциональную поддержку инициативам президента страны, либо, наоборот, оппозиционно настроенным в очередной раз задеть межнациональные или межрелигиозные темы.

Пресс-служба Президента Казахстана 5 января 2021 г. опубликовала статью президента РК К.-Ж. К. Токаева «Независимость дороже всего» – «Тәуелсіздікбәріненқымбат», в которой обозначены цели четвертого десятилетия Независимости Казахстана и подводятся итоги 30-летия Независимости страны (URL: <https://twitter.com/AkordaPress/status/1346293943877718020>).

1.01.2021 президентом был сделан твит: «1 января 2022 года легендарной певице Розе Баглановой исполнится 100 лет. Народная артистка Казахстана и СССР, Герой Казахстана, участница концертов на фронтах Великой Отечественной войны, она до сих пор популярна среди любителей песенного творчества в нашей стране и за рубежом. Дал поручение принять меры по увековечиванию ее памяти» (URL: <https://twitter.com/TokayevKZ/status/1345013834994561025>).

Несмотря на пандемию коронавируса и локдаун, 2020 г. прошел достаточно динамично в плане проведения в онлайн-форматах международных форумов, саммитов и конференций. Президент Казахстана 18 декабря 2020 г. принял участие в заседании Совета глав государств СНГ, о чем было много опубликованной информации. В завершении 2020 г. (27 декабря) Глава Государства поделился ссылкой НИА Казинформ, опубликовавшего итоги заседания Совета глав государств СНГ, где президент Казахстана отмечает «важность завершения согласования Соглашения о свободной торговле услугами и его ключевого элемента – Раздела об инвестициях, который принесет реальную выгоду каждому государству» (URL: <https://twitter.com/TokayevKZ/status/1343297567170375685>).

Президент отметил: «Приняли обновленную Концепцию дальнейшего развития СНГ. Документ принесет реальную выгоду каждому государству. Наша задача – укрепить потенциал Содружества в новых геополитических реалиях. В 2021 году мы отметим 30-летие СНГ» (URL: <https://twitter.com/TokayevKZ/status/1339907255156785154>).

2 декабря 2020 г. президент Казахстана принял участие в сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, которая прошла в формате видеоконференции. В Саммите приняли участие президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, президент Российской Федерации Владимир Путин, президент Таджикистана Эмомали Рахмон, премьер-министр Армении Никол Пашинян, исполняющий обязанности президента Кыргызстана Талант Мамытов, а также генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась. Информацию о мероприятии опубликовал официальный аккаунт пресс-службы президента РК (URL: <https://twitter.com/AkordaPress/status/1334120966818066433>).

Выводы

Современная неустойчивая система международных отношений и динамично меняющееся соотношение сил в самих мировых хозяйственных связях, где свои интересы активно продвигают наиболее крупные и сильные акторы, требует новой формации государственных деятелей, политиков, получивших фундаментальное и качественное профессиональное образование, имеющих широту взглядов на актуальную проблематику по всему спектру внешнеполитических, внут-

риполитических и социально-гуманитарных, этнокультурных, а также религиозных проблем. Для появления таких политиков необходимы соответствующие условия, обеспечивающие им приобретенный солидный опыт государственной службы на различных должностях исполнительной и законодательной ветвей власти. Подобные политики в определенной степени могут также «создавать» себя путем повседневного развития своих профессиональных знаний, навыков и компетенций.

Требования, предъявляемые к современным государственным деятелям в различных странах мирового сообщества, за последние годы резко возросли. Свидетельством этому является смена поколений государственных деятелей и приход к власти компетентных управленцев новой формации. Сегодня профессиональный лидер любой страны не может только иметь статус «симпатичного» политика, уважающего сложившиеся традиции конкретного государства. Лидер новой формации – это профессионал-управленец, обладающий многими компетенциями, приобретенными во время своей государственной службы.

В сложившихся условиях президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев стал активно использовать социальные сети, что позволило ему не только оперативно реагировать на проблемы граждан Казахстана, но начать развивать концепцию «слушающего» государства.

Используя возможности социальных сетей, действующий глава государства наглядным образом продемонстрировал не только прозрачность и открытость в принятии различных решений, но и получил «обратную связь» с гражданами Казахстана, которые по достоинству оценили известные нововведения.

Список источников

URL: <https://twitter.com/AkordaPress/status/1346293943877718020>

URL: <https://twitter.com/TokayevKZ/status/1345013834994561025>

URL: <https://help.twitter.com/using-twitter/how-to-tweet#source-labels>

URL: <https://twitter.com/TokayevKZ/status/1339907255156785154>

URL: <https://twitter.com/AkordaPress/status/1334120966818066433>

Аспектуальный потенциал метафоры «чрезмерное действие» (shower) в английских политических текстах

Елена Михайловна Николаенко

*Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского, Россия*

Аннотация. Представлены результаты исследования прагматического потенциала метафоры «чрезмерное действие» (shower), реализующей аспектуальную семантику чрезмерного действия, в политических текстах. В ходе исследования была проанализирована семантическая структура метафоры «чрезмерное действие» (shower) (соотношение между источником и целями, метафорические проекции), условия контекста и сопровождающие языковые явления, которые позволяют выявить положительное или отрицательное оценочное значение, реализуемое политическим текстом, в котором употребляется метафора, а также степень его убедительности.

Ключевые слова: чрезмерное действие, аспектуальность, метафора воды shower, английский язык, политический дискурс

On Aspectual Characteristics of the Shower Metaphor in Political Discourse

Elena M. Nikolaenko

Bryansk State University named after I. G. Petrovsky, Russia

Abstract. The goal of the article is to explore the pragmatic potential of the SHOWER metaphor naming excessive action and functioning in political texts. The focus is on the analysis of the semantic behaviour of the SHOWER metaphor and the use of contextual elements and linguistic phenomena accompanying the use of WATER metaphors which help to discriminate between positive and negative evaluative meaning of a political text in which this metaphor is used as well as to define its persuasive power.

Keywords: excessive action, aspectual studies, water metaphor shower, English, political discourse

Введение

Данное исследование посвящено аспектуальному потенциалу метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER в политических текстах. Исследование выполнено в рамках теории концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson, 2003) и функциональной грамматики (Kövecses, 2011), основными терминами являются источник (source), цель(и) (target), метафорические проекции (mappings), аспектуальность и аспектуальная ситуация.

Первой стадией исследования был анализ особенностей функционирования данной метафоры в художественном тексте, что позволило выделить семантические, синтаксические и прагматические особенности функционирования метафоры SHOWER, называющей чрезмерное действие. Была выдвинута гипотеза о том, что одним из факторов, влияющим на функционирование разных подтипов общей концептуальной метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = WATER (shower, flood и пр.) является тип текста. И так как метафора SHOWER, обозначая чрезмерное действие, обладает отрицательным прагматическим потенциалом, она может являться одним из регулярных языковых средств, используемых в публицистическом тексте, который всегда эмоционален и всегда конфликтен. Данное предположение было подтверждено на второй ступени исследования, объектом которого был политический текст.

Методология исследования

Для детального описания функционирования метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER использовался метод от целого к частному (top-down approach) и от частного к целому (bottom-up) (Kövecses, 2011) – собирались примеры и на основании их анализа были сделаны выводы об особенностях функционирования метафоры. Семантические и синтаксические особенности метафоры были проанализированы с помощью компонентного анализа и анализа по непосредственным составляющим. Примеры из английских художественных и политических текстов были собраны вручную и с использованием корпуса текстов (British National Corpus).

Теоретические основы исследования

Любое действие имеет аспектуальную характеристику, так как протекает и разворачивается в пространстве и времени.

С точки зрения плана содержания, данная аспектуальная характеристика представлена качественным и количественным аспектуальным значением. К качественной аспектуальности относятся значения предельности/непредельности и фазовости действия. К количественной аспектуальности – значения многократности/однократности, продолжительности (длительность или повторяемость) и интенсивности действия. Интенсивность действия реализуется в контексте как исчерпанность действия внутренним пределом (например, упился) или большая сила, скорость или другая характеристика действия, которую можно отнести к сверхнорме.

Чрезмерность действия (чрезмерное количество действия) относится к зоне количественной аспектуальности.

С точки зрения плана выражения, в английском языке аспектуальность ситуативна, то есть превалирующим средством выражения аспектуальной семантики является контекст в силу отсутствия грамматической категории вида и лексико-грамматической категории способов действия (в английском языке отсутствует категория способов действия, аналогичная данной категории в русском языке, который считается языком-эталонem при описании аспектуальности. Есть небольшая группа слов, в значении которых заложена аспектуальная характеристика).

Одним из средств выражения чрезмерности действия в английском языке служит метафора Воды – WATER. Анализ примеров из художественной литературы позволил выделить общую метафору ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = ВОДА (*excessive action / too much action quantity is WATER*). Анализируя особенности функционирования ВОДЫ в качестве источника метафоры, необходимо ответить на ряд вопросов.

Почему Вода выбрана человеком в качестве источника для обозначения абстрактного понятия «чрезмерное действие»? Ответ лежит в особенностях этого элемента. Вода – это одна из четырех главных стихий/элементов на земле, у человека с водой происходит постоянный физический контакт, вода – это самая разрушительная сила

на земле и «вода всегда ассоциируется у человека с большой массой» (Zelinsky-Wibbelt, 2003), а масса – это значит МНОГО.

Какие количественные характеристики действия позволяют ВОДЕ быть источником для метафоры? Это движение в виде потока, обильность и сила.

Все ли формы ВОДЫ могут функционировать в качестве источника для называния чрезмерного действия?

Вода существует в трех состояниях – твердое (ice in snow, glacier, hail, frost), жидкое (liquid/fluid) и газообразное (clouds, mist, steam). Объект данного исследования – жидкие водные объекты (river, sea, ocean, shower, flood и т.п.). Только те из них, которые в своей семантике имеют компоненты «быстрое движение» и «обильность/масса», могут использоваться в качестве источника для метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = ВОДА. SHOWER удовлетворяет этим требованиям, так как в своей семантике имеет следующие компоненты:

an abundance of small drops which come in bursts which start and stop suddenly and have a short duration, they fall down together (downward direction, in a bound current) or move through the air (upward direction and to the sides) and cover a small area.

Таким образом, мы можем выделить метафору ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER как подтип общей концептуальной метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = ВОДА.

Исходя из семантической структуры метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER, была сделана метафорическая проекция, которая позволяет детально описать все случаи метафорического функционирования SHOWER для обозначения чрезмерного действия:

- 1) an abundance of small drops → an abundance of objects (big or small, heavy or light, concrete or abstract (time, emotions));
- 2) moving down/up through the air → downward movement, in a bound current or flying upward and to the sides;
- 3) coming out in bursts and suddenly → coming out suddenly and/or when the container is broken;

4) short duration → the movement finishes quickly;

5) covering the area → covering the surface with a layer of objects/substance.

Исходя из целей/targets, с которыми соотносится источник/source SHOWER, все случаи функционирования данной метафоры можно разделить на две (2) большие группы в соответствии с компонентом значения, который выходит на первый план:

Группа 1. Масса тяжелых или легких предметов, падающих вниз.

(1) *The force of the casual blow was such that Yet was flung back against a bookcase. Books showered about him.*

Группа 2. Масса легких предметов, движущихся/разлетающихся в воздухе в разных направлениях.

(2) *Clare picked up the shovel and put some more coal on the fire. She poked it and sparks showered away into the dark chimney (P. Lively).*

В свою очередь каждая группа представлена несколькими подгруппами, которые различаются между собой по типу цели (target) и второстепенным компонентам значения (табл. 1).

Таким образом, в художественных текстах метафора ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER:

1) чаще всего употребляется в контекстах о падающих тяжелых/легких предметах, материальных (благосостояние) вещах (gifts, money), словах и отношениях (love, contempt);

2) в большинстве случаев передает негативное отношение говорящего к действию;

3) в контексте всегда присутствуют элементы, обозначающие: направление действия, покрываемую предметами область, внезапность действия, «разбиение сосуда» / "breakage of a container" (Group 1.1 (heavy objects) and 2.1 (light objects));

4) часто сопровождается «взрывом метафор» (a burst of metaphors) (Corts, Pollio, 1999), также относящихся к общей концептуальной метафоре ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = ВОДА:

(3) *She saw herself pull back her arm, and, with more than human strength, launch a red missile. Streaking a fiery path through space it blasted into the kiosk wall. Crash! The ketchup bottle cascaded out into a million glass fragments which showered down in slow motion; floating and turning lazily like snowflakes, the light shivering in them like jewels.*

Таблица 1

Случаи функционирования метафоры

Groups	Targets (objects)
Source – "shower" (direct meaning – downpour)	
1.1. Heavy objects falling in a mass	glass (fragments, shards), bolts, books, sprigs, broken ceramics, shoes, rocks, earth, (brick) dust, coins
1.2. Time	moments
1.3. Emotions (to be overcome)	realization, fear
1.4. Attitude	adulation, flattering remarks, contempt, love, affection, grace, praise(s)
1.5. Material things	benefits, donations, presents, gifts, rewards, coins, fortune, riches, material things, jewels, cloths, money
1.6. Words	complaints, congratulations, invitation, questions, words, advice, benediction
Source – "shower" (indirect meaning – showering equipment)	
2.1. Light objects flying up and falling in a mass	money, sparks, petals, confetti (and rice), flowers and petals, leaflets
2.2. To cover with a tangible substance	concrete nouns in the plural (seeds, arrows, confetti, insects) or by collective nouns (powder, dust)
3. To cover with intangible substance	kisses, voice, light, vapour, colour

Была выдвинута гипотеза, что семантическое (различие по соотношению источника SHOWER с целями/targets), синтаксическое и прагматическое поведение метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER может различаться в зависимости от типа текста. Данная гипотеза была подтверждена результатами исследования публицистических текстов – политических статей, выступлений и т.п.

Публицистический текст всегда эмоционален и конфликтен, поэтому использование метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER в нем можно назвать закономерным. Значение чрезмерного действия уже само по себе эмоционально (Körtvélyessy, 2015), а в публицистическом тексте автор зачастую еще и намеренно преувеличивает сказанное для большего прагматического воздействия на реципиента.

В политических текстах превалирует употребление метафоры SHOWER в негативных контекстах в следующих экстралингвистических ситуациях:

Группа 1. О террористических атаках, чтобы подчеркнуть их силу и весь ужас происходящего.

Группа 2. О социальных протестах, чтобы красочно описать поведение протестующих и их отношение к происходящему.

Группа 3. Критика политиков (а также известных представителей искусства и спорта, данные тексты затрагивают социальные проблемы), чтобы вызвать у реципиента сильную негативную реакцию.

Функционирование метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER в данных ситуациях отличается по нескольким параметрам.

1. По метафорическим моделям, т.е. источник/source соотносится с разными целями/targets.

Группа 1 (терроратаки) – SHOWER сочетается с существительными, называющими объекты, причиняющие физический ущерб, например, debris / shots / pellets / shattered glass. Наиболее часто встречающееся сочетание – это SHOWER + debris.

Группа 2 (протесты) – SHOWER сочетается с существительными, называющими объекты, наносящие физический (rotten eggs / rubbish / splinted glass / shards of glass/ broken bottles and bricks) или моральный ущерб (leaflets). Все существительные, называющие объекты, наносящие физический ущерб, объединяет общий элемент значения "bits and pieces".

Группа 3 (критика) – SHOWER сочетается с существительными, называющими объекты, относящиеся к материальным благам, например, gifts, presents.

2. По элементам значения SHOWER, которые выходят на первый план (salient focus) (Kövecses, 2011).

Группа 1 (терроратаки) – элемент значения «разбитие сосуда» (breakage of the container), из которого выплескивается масса предметов:

(4) *Containing up to 200lb of high explosive, it was left in a white Transit van that blew apart at 9.20pm on Friday, shattering windows and showering debris and razor-sharp slivers of glass (Daily Telegraph).*

Группа 2 (протесты) – элемент значения «масса предметов, движущаяся вниз»:

(5) *There may also be trouble when the Queen meets Chancellor Helmut Kohl in Bonn on October 20. Hooligans showered him with rotten eggs and he was even punched in Schwerin, east Germany (The Daily Mirror).*

(6) *Pacifist Pamphlets Showered On House of Commons by Girl (title) (The New York Times, 1933).*

Группа 3 (критика) – элемент значения «масса предметов, движущаяся вниз»:

(7) *(about a statesman) rented a luxury flat near his home at a cost of 385 a week and showered her with expensive gifts. Jean, 61, discovered the other life of the... (Today).*

(8) *(cinematography) the Academy of Motion Picture Arts and Sciences has allegedly encouraged film-makers to focus on the most degraded aspects of human nature, showering Oscars on The Silence of the Lambs, the story of two serial killers, one of whom skins people while the other eats them. Medved's concern extends beyond such obviously controversial material to the general attitudes that run through film, television and music, from the pervasiveness of violence through the presentation of promiscuity to the idea that kids know best (Scotsman. Arts material).*

Случаи использования метафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER в положительно окрашенных политических контекстах встречаются значительно реже и ограничиваются двумя типами ситуаций:

1. Поздравление политических деятелей, например, с победой на выборах:

(9) *Foreign leaders showered the U.S. president-elect with congratulations. For many, the importance of this election was as much about removing... Diplomats and commentators expressed gratitude, satisfaction and even jubilation, anticipating that Mr. Biden would bring a much-needed return to normalcy – something that alarmingly vanished the day Mr. Trump took office (The New York Times, 2020/11/08).*

2. Оказывать политическим деятелям почести, дарить подарки в знак уважения, например:

(10) *AMERICAN WOMEN FETED IN FIUME; D'Annunzio Showered Honors Upon Mrs. Drake and Other Relief Workers (The New York Times, 1919).*

(11) *Saudi Prince Showered With Gifts; PRINCE MASHHUR GETS MANY GIFTS (The New York Times, 1957).*

Метафора ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER является одним из регулярно используемых языковых средств в публицистическом тексте, способствуя реализации его важных характеристик: эмоциональности и конфликтности.

Чаще всего данная метафора встречается в отрицательно окрашенных контекстах и используется для описания трех экстралингвистических ситуаций: террористических атак, социальных протестов, критики политиков.

Функционирование метафоры в данных ситуациях отличается по нескольким параметрам: по метафорическим моделям (источник/source SHOWER сочетается с ограниченным набором целей/targets в каждой группе) и по элементам значения SHOWER, которые выходят на первый план в каждой группе («разбитие сосуда» / breakage of the container, из которого выплескивается масса предметов или масса предметов, движущаяся вниз).

Случаи использования метафоры в положительно окрашенных политических контекстах встречаются значительно реже и ограничиваются двумя типами ситуаций: поздравление политических деятелей (например, типичная ситуация – это поздравление политика с победой на выборах) и оказание политическим деятелям почестей (награды, подарки).

Интересно отметить, что как в художественном, так и в публицистическом тексте наблюдается преобладающее использование ме-

тафоры ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER в отрицательно окрашенных контекстах, однако, в отличие от художественного текста, «взрыв метафор» / a burst of metaphors (Corts, Pollio, 1999) (сопровождение данной метафоры другими метафорами, относящимися к общей концептуальной метафоре ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = ВОДА) для публицистического текста нетипичен. Это может свидетельствовать о том, что художественный текст намного образнее публицистического, для которого более характерно использование клишированных элементов (Добросклонская, 2021).

Выводы

Таким образом, в политических текстах метафора ЧРЕЗМЕРНОЕ ДЕЙСТВИЕ = SHOWER является стандартизированным средством, и ее использование предсказуемо – она всегда встречается в ограниченном наборе ситуаций, в которых SHOWER реализует определенные семантические элементы своего значения и сочетается с определенным набором целей/targets. С одной стороны, она позволяет упростить процесс передачи информации о данных ситуациях, с другой стороны, обладая эмоционально-экспрессивным значением, она позволяет автору образно и эмоционально описать ситуацию, а также выразить свою позицию и оценку.

Список литературы

Bondarko A. V. *Functional Grammar: a Field Approach*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1991.

Corts D. P., Pollio H. R. *The Spontaneous Production of Figurative Language and Gestures in College Lectures // Metaphor and Symbol*. 1999.

Körtvélyessy L. *Evaluative Morphology from a Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge Scholars Publishing, 2015.

Kövecses Z. *Issues in Conceptual Metaphor Theory // Windows to the Mind / ed. by S. Handl, H.-J. Schmid*. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2011. P. 23–41.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. London : The University of Chicago Press, 2003.

Zelinsky-Wibbelt C. Text, Context, Concepts. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2021. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>

Часть II
Политика, память и искусство

Part II
Politics, Memory and Arts

«Чужой среди чужих»: образ мигранта в современной российской литературе

**Галина Васильевна Пранцова,
Анна Александровна Тимакова**

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Предпринята попытка исследования проблемы изображения иммиграции в современной российской литературе. В результате в зависимости от отношения к процессу иммиграции условно выделены две категории писателей: «сторонники» и «противники». Кроме того, определены основные составляющие образа мигранта в художественном произведении: этническая и гендерная принадлежность, возраст, степень владения русским языком, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, способность к адаптации и интеграции.

Ключевые слова: иммиграция, мигрант, принимающее общество, межкультурная коммуникация

"A Stranger among Strangers": a Migrant's Image in Contemporary Russian Literature

**Galina V. Prantsova,
Anna A. Timakova**

Penza State University, Russia

Abstract. An attempt is made to study the problem of the image of immigration in modern Russian literature. As a result, depending on the attitude to the immigration process, conditionally allocated are two categories of writers: "supporters" and "opponents". In addition, the main components of the image of the migrant in the work of art are defined: ethnic and gender identity, age, the degree of Russian language proficiency, the level of education, the sphere of professional activity, and the ability to adapt and integrate.

Keywords: immigration, migrant, host society, intercultural communication

Введение

Процесс иммиграции в России, как и в ряде других государств Европы и Северной Америки, с одной стороны, играет ключевую роль в стабилизации демографической ситуации, в пополнении трудовых ресурсов, а с другой – создает напряжение в стране за счет углубления этнической, культурной и религиозной фрагментации социума.

Успех взаимного существования между населением принимающей страны и мигрантами в основном зависит от характера межкультурной коммуникации. В процессе взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом неизбежно происходит формирование социальных образов друг друга. В том случае, если эти образы приобретают позитивную или нейтральную окраску, межкультурная коммуникация упрощается и отношения в перспективе могут сложиться бесконфликтными.

Однако образ мигранта складывается не только (и не столько) на основе социальной практики и наблюдений отдельных субъектов. Решающую роль в данном процессе играет общественное мнение. В свою очередь, формирование и генезис образа мигранта в сознании граждан происходит под влиянием ряда факторов, среди которых главным можно назвать фактор информационной среды.

Признавая ключевую роль информационных потоков в формировании общественного мнения, нельзя игнорировать и еще один фактор, влияние которого на массовое сознание также весьма значительно. В качестве такого фактора выступают произведения культуры, главным образом – художественной литературы как наиболее распространенного и влиятельного вида искусства. Отсюда – проблема представлений о мигрантах в российской художественной литературе и образа мигранта, передаваемого в сознание читателя, актуальна для нашего общества сегодня.

Образ мигранта в современной российской литературе: краткий экскурс

Для исследования мы обратились к произведениям русскоязычных писателей, созданным в период после распада Советского Союза и

отражающим современную авторам российскую действительность, в которой их герои, мигранты, сталкиваются с рядом проблем социального и бытового характера, в результате чего перед читателем во всей полноте предстают разные образы мигрантов в России. Однако, несмотря на актуальность и значение темы миграции в современном российском обществе, стоит заметить, что число художественных произведений, прямо или косвенно обращающихся к данной проблеме, довольно ограничено, непропорционально ее важности для нашей страны.

Некоторые авторы, на произведения которых мы опирались в исследовании, родились и выросли в бывших союзных республиках, став гражданами России лишь впоследствии. Это во многом объясняет их глубокое понимание жизни и быта иммигрантов в нашей стране. Многие произведения носят автобиографический характер (Н. Абгранян «Понаехавшая» (2011), Э. Багиров «Гастарбайтер» (2015), Бибиш «Танцовщица из Хивы, или История простодушной» (2004), А. Воросцов «Как я заработал миллион в кризис, или Записки московского гастарбайтера» (2015), Т. Рудык «Я – гастарбайтер» (2008) и др.), в связи с чем, с одной стороны, картина, изображенная писателем, приобретает реалистичный характер, зачастую демонстрируя неприглядные моменты российской действительности, в которой оказываются герои произведений – мигранты. Но с другой – данный факт накладывает отпечаток и на отношение писателя к своим героям: для некоторых произведений характерно идеализирование образов мигрантов при очернении и даже демонизации фигур, олицетворяющих собой принимающее сообщество (Д. Гуцко «Русскоговорящий» (2012), А. Пучков «Ксенофоб» (2010) и др.).

Обратную картину можно наблюдать в произведениях авторов, которые родились и выросли на территории России, а потому знакомы прежде всего с внешними проявлениями явления иммиграции. Ставя своей целью обличение пороков современного российского общества и критику работы правоохранительных органов, писатели избирают проблему иммиграции как наглядный пример демонстрации несостоятельности системы в целом (например, А. Колышевский «МЖ-2: роман о чиновничьем беспределе» (2010)). Как результат, образы мигрантов приобретают в большинстве случаев отрицательные черты и становятся антагонистами главных героев.

Столь отчетливое разделение российских писателей на два лагеря (назовем их условно «сторонниками» и «критиками» иммиграции)

исключает возможность формирования цельного образа мигранта в художественной литературе.

Если сравнить две позиции по поводу отношения самих мигрантов к принимающему социуму, можно заметить резкую поляризацию мнений двух сторон. Первые намеренно отрицают существование негативных проявлений иммиграции, показывая исключительно светлую сторону процесса (если же и описываются отрицательные проявления, то объясняют их ответной реакцией на негативное отношение местного населения к персонажам). Идеализация и сглаживание острых углов – вот отличительные черты произведений «сторонников».

«Критики иммиграции» же, желая быть откровенными с читателем и демонстрируя неприглядную действительность, напротив, впадают в другую крайность. При этом, стремясь изобразить мигранта носителем пороков, они не проводят границ между отдельными представителями и общностью мигрантов в целом. Все мигранты в произведениях «критиков» приобретают характер преступников или сочувствующих им, что совершенно противоречит как здравому смыслу, так и данным статистики.

В результате логично будет выделить общее и показать различия, характерные для персонажей-мигрантов в произведениях обеих категорий современных авторов, а также соотнести литературный образ мигранта с данными, представленными статистикой, и попытаться (по возможности) объяснить несоответствия между художественным произведением и повседневной реальностью. Благодаря этому можно будет выявить вектор и тенденции развития дискурса по проблеме иммиграции в российской художественной литературе.

Что касается самого образа мигранта, то, как мы считаем, он включает в себя несколько составляющих: этническая, гендерная принадлежность, возраст, степень владения русским языком, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, способность к адаптации и интеграции.

Остановимся на гендерной составляющей образа мигранта. С 90-х годов XX века феминизация стала характерной чертой миграционных процессов: женщины составляют порядка 40–50 % мигрантов в

мире (Глущенко, 2008). Во многом это обусловлено структурными сдвигами в мировой экономике, которые заключаются в сокращении занятости в производственном секторе и перераспределении ее в пользу сферы услуг. Это открывает большие перспективы для занятости женщин, так как для них работа преимущественно в сервисных отраслях является традиционной. Однако же применительно к вопросу иммиграции в Россию следует отметить высокую долю беженцев и вынужденных переселенцев в миграционном потоке, в числе которых женщины составляли большую часть.

П. Алешковский, Н. Абгарян и Бибиш главными действующими лицами своих произведений делают женщин. Однако если в случае двух последних авторов данный факт можно попытаться объяснить автобиографическим характером произведений «Понаехавшая» и «Танцовщица из Хивы, или История простодушной», вобравших в себя многое из жизни самих писательниц, то Алешковский в романе «Рыба: история одной миграции» (2007) делает свой выбор в пользу женского образа намеренно. Следуя сложившейся традиции, согласно которой достижение предельного драматизма происходит в числе прочих и путем обращения к образам представителей социально уязвимых групп населения – женщин, детей и стариков, автор рассказывает историю русской женщины Веры, которая в результате ухудшения положения русскоязычного населения в странах Средней Азии переезжает в Россию в поисках лучшей жизни. Алешковский заставляет читателя сочувствовать этой женщине, пережившей множество бед и лишений, ставшей своеобразным символом женской миграции.

Большое значение в повествовании имеет знакомство Веры с Юку Манизером, 96-летним эстонским переселенцем, спасшим ей жизнь, выхотившим ее после болезни и придавшим новый смысл ее существованию. Молчаливый старец, переживший 18 лет сталинских лагерей, вернувшись в родные края, опустошенные после войны, не встретил там ни жены, ни сына (они просто не дожили до этого момента). Но он не опустил руки: восстановил своим трудом и упорством все хозяйство и стал примером рачительного крестьянина, чей девиз заключался в словах «работай, не ленись – все будет». Юку прослыл также великодушным человеком. Трагическая судьба в сочетании с сильным характером выделяют Юку и Веру на фоне других персонажей произведения, не оставляя читателя равнодушным к образам главных героев романа.

Таким образом, Алешковский заставляет сопереживать не отдельным персонажам романа, а целой группе героев-мигрантов, наиболее яркими представителями которой являются именно Вера и Юку. По всей вероятности, согласно задумке писателя, сочувствие читателя персонажам-иммигрантам должно со временем перерасти в аналогичное чувство по отношению к социальной группе в целом.

Похожий подход можно увидеть в произведениях Н. Абгарян и Бибиш, которые создают образы женщин-иммигрантов, покидающих свою страну и переезжающих в Россию в поисках лучшей жизни. Книга Бибиш «Танцовщица из Хивы, или История простодушной» описывает преимущественно трагические события из жизни героини, предшествовавшие ее переезду в Россию из Узбекистана и объясняющие причину такого решения.

Повесть Абгарян «Понаехавшая», напротив, повествует о событиях из жизни армянской девушки, последовавших за ее переездом в Москву, где она сталкивается с рядом трудностей в адаптации к российским реалиям и сложностями интеграции в местное общество. Несмотря на существенные различия в характере, пафосе («Понаехавшая» – комическое произведение, в то время как «Танцовщица из Хивы» – трагедия) и структуре произведений, нельзя не отметить их общую проблематику и цель – придать драматизм образам главных героинь и вызвать у читателя чувство сопереживания и симпатии к персонажам-мигрантам.

Основываясь на рассмотренных выше художественных произведениях, можно утверждать, что изображение образа женщины-иммигранта в творчестве российских писателей – вполне осознанный прием, к которому прибегают авторы. В соответствии с традиционными представлениями о женщине как о «слабом поле», создание образа женщины-иммигранта кажется более логичным и уместным в рамках достижения поставленной цели произведения, о которой речь шла выше. В качестве дополнительного подтверждения данного суждения можно сослаться на тот факт, что в произведениях «критиков иммиграции» образы женщин-иммигранток отсутствуют. В целом, появление в работах российских авторов женщин-мигрантов является объективным отражением действительности, в которой многими исследователями отмечается значительный рост доли женщин в структуре миграционного потока (Тюрюканова, 2013).

Следовательно, внимание авторов к гендерной составляющей иммигрантского потока является не только стремлением помочь в налаживании взаимосвязи мигрантов и принимающей стороны, но показателем того, с какой позиции – «сторонника» или «критика» – тот или иной писатель относится к проблеме иммиграции в России.

Обратимся к указанной нами выше способности к адаптации и интеграции как одной из составляющих образа мигранта. Эта способность во многом зависит от интенций самого мигранта – как он воспринимает себя в другой стране: человеком с другим паспортом или другой ментальностью? Иными словами, взгляд мигранта на новую для него жизнь определен тем, как он встраивает себя в мирообраз новой социальной реальности. Здесь мы наблюдаем две предсказуемые модели: мигрант – «человек как все» и мигрант – «чужой». Проанализируем, как эти модели воплощаются в художественных текстах за авторством тех, кто называет (называл какое-то время назад) себя мигрантом.

Интересной фигурой в общественно-культурном пространстве Российской Федерации, на наш взгляд, является А. А. Абдусаламов – кандидат медицинских наук, преподаватель Медицинского института БФУ им. И. Канта (Российская Федерация, г. Калининград), автор научных статей и пособий по медицинской тематике и художественной книги «Записки гастарбайтера» (2020). Гастарбайтер в изображении Абдусаламова далек от привычного образа работника, работающего много и тяжело, с постоянным риском быть обманутым. Его герой – декан одного из факультетов Самаркандского медицинского института, которого сманивает (иначе и не скажешь) на работу в российский город Н-ск однокурсница Сонька Жабатулина. Причины переезда в Россию рисуются заманчивые – жилье, врачебная должность, перспектива защиты диссертации, школа для дочери, гарантированная работа для жены и – «Москва близко». Решение героя на важный и опрометчивый шаг обусловлено естественным желанием человека любой страны улучшить уровень жизни, изменить ее привычное течение на новое, открывающее перспективы. И плененный мечтами о возможностях декан «оказался не умен и не осмотрителен» (Абдусаламов, 2020), доверившись одногруппнице с давно и прочно испорченной репутацией никудышного врача, взяточницы и карьеристки. Автор уверенно ведет повествование не об узбекском (татарском, русском) враче, а о системе, жить и работать в которой возможно любому человеку с пре-

тензиями, но без принципов. Система здравоохранения (можем продолжить – образования и проч.) разницы между национальностями не видит и не должна, и Абдусаламов переносит эту модель в свой текст. Образ человека другой национальности (думается, автобиографический) в российском городе в данном случае является художественным приемом, цель которого – заострить внимание на одиночестве человека в мире. Мир при этом враждебен не по социальному (национальному, профессиональному) признаку, а экзистенциально. На это указывает и описание книги «Записки гастарбайтера» на ЛитРесе: «Люди каждый день пренебрежительно воротят нос от гастарбайтеров. Что тому причина? Сложно сказать. Некоторым вообще свойственно винить в своих проблемах кого-то другого. Чаще всего того, кто отличается. На него проще выпустить злобу, спустить всех собак. Иногда люди забывают, что этот безвольный, как им кажется, мешок для битья тоже человек. Со своими мыслями, чувствами, переживаниями, со своей болью. И со своей нерассказанной историей. «Записки гастарбайтера» – это тихий шепот, срывающийся на крик, человека, который хочет быть частью собственной жизни» (Абдусаламов, 2020). Привлекательное внимание название в данном случае маркетинговый прием, работающий на расширение читательской аудитории и популяризацию автора, от чьего имени история гастарбайтера будет звучать пронзительно, а не только социально.

Другая модель отношений с новым для мигранта миром основана на оппозиции «свой/чужой». Мигрант в этом случае воспринимает свою жизнь в системе внешних правил с преградами и наградами. В этой системе отношений с миром есть понятия цели и средств, а также набор вариантов развития ситуации с зарабатыванием денег, упрочением своего положения или возвращением домой. Интересным с этой позиции выглядит текст Льва Воросцова «Записки московского гастарбайтера» (2019). Указанная в заглавиях книг Абдусаламова и Воросцова жанровая природа (записки) выдерживается лишь в тексте последнего. Именно его автобиографические записки на сайте Проза.Ру стали основой книги, тогда как повествование в «записках» врача построено на классической модели «автор и его герой».

С самого начала в произведении Воросцова звучат интонации игры: «Деньги нужно искать там, где они есть и где их больше. Хотите попробовать? Нет ничего проще – покупайте билет и приезжайте.

Нет, вам не раскроют объятия, вам, может быть, и не обрадуются, но у вас будет шанс...» (Воросцов, 2020). Герой Воросцова осознанно принял условность мира и признаки роли гастарбайтера, которую он играет. Так, «подражая героям сериала про гастарбайтеров», зовет своего начальника «насяльника»; соглашается на скромные условия труда («кому нужны строптивые работники?»), возможные трудности с оплатой и проверками мигрантов служащими внутренних органов. Фигура гастарбайтера у Воросцова необычна – он провинциал, мигрант именно для столицы, причем со славянской внешностью, поэтому ему проще, чем другим мигрантам. Но им четко соблюдается принцип своей инаковости, основанный на оппозиции «свой/чужой»: он чужой для сытого столичного мира, но знает правила, играя по которым можно мимикрировать под своего, не стать им (к этому герой не стремится, не желая терять себя), но осуществить свою историю успеха. Для героя Воросцова маркером достижения успеха стала покупка участка под строительство дома в Подмосковье. Следующим этапом игры станет испытание «заработать миллион долларов».

С учетом понимания уровня художественного мастерства анализируемого текста Льва Воросцова, можем все же сказать о реализации в нем элементов карнавализации. Перестановка мотивов «увенчания – развенчания», «верха – низа» даже «сакрального – профанного» (Бахтин, 1990) в таком тексте работает на реализацию игрового момента: разыгрывание партии «мигрант» («гастарбайтер») работает не на раскрытие социального образа рабочего-иммигранта, а на испытание повторяемости законов жизни и самого себя на прочность. Образ мигранта здесь эксплуатируется в силу удобства своих социальных и ментальных характеристик (чужак в городе) для целей автора текстов.

Актуализация игрового характера мотива поиска мигрантом лучшей доли подтверждается изданием в 2012 году книги Муслимы Алламовой «Таро Московской Шахерезады, или Путь гастарбайтеров. Книга + 78 карт». Удачная в коммерческом плане идея (тираж сразу оказался раскуплен) базируется на архетипическом мотиве блудного сына, испытаниях судьбы и стремлении «выгадать», «выиграть» лучшую долю. Заявляет автор и о попытке «специального рассмотрения проблем, которые возникают при столкновениях людей и обстоятельств, относящихся к разным историческим и культурным традициям» (Алламова, 2020). В этом смысле продукт Алламовой

работает как социальный атлас, что повышает его привлекательность для разной целевой аудитории.

Выводы

Итак, образ мигранта в российской литературе разнообразен. Мигрант может быть жертвой системы принимающей стороны или нарушителем ее порядка; быть чужим среди чужих или попытаться встроиться в систему, играя по ее правилам. Образ женщины-мигранта в литературе чаще всего выполнен в теплых тонах, что дает возможность говорить о сохранении в нашей литературе традиций гуманизма и этики.

Список литературы

Абдусалымов А. А. Записки гастарбайтера // ЛитРес. 2020. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/63551391.&art=63551391&trials=1&user=507983668&file=81028306&price=124.00&texttrialbutton=Купить%20полную%20версию%20за%20124.00&uilang=ru&catalit2&half=1&track_reading&friendly_url=%2Fabdufatto-abdumannonovich-abdusalyamov%2Fzapiski-gastarbaytera%2F

Алламова М. Таро Московской Шахерезады, или Путь гастарбайтеров. Книга + 78 карт. 2020. URL: <https://www.labirint.ru/books/363681/>

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990.

Воросцов А. Записки московского гастарбайтера // ЛитРес. 2020. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/48895653/81116537/&art=48895653&user=507983668&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 08.03.2020).

Глушченко Г. И. Миграция и развитие: мировые тенденции // Вопросы статистики. 2008. Vol. 2. P. 65–79. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/analit01.php>

Тюрюканова Е. Гендерные аспекты миграции. Вводная статья // Миграция в России 2000–2012 : хрестоматия : в 3 т. М. : Спецкнига, 2013. Т. 1.

**Современные кинематографические
изображения конфликта
в истории: речь королевы
Елизаветы при Тилбери**

Эржебет Штробль

Университет Кароли Гаспар, Венгрия

Переведено с английского языка на русский язык
**Чирковой Еленой Владимировной
и Красновой Еленой Евгеньевной**

Аннотация. Анализируется речь королевы Елизаветы в Тилбери и ее представления в письменной истории и на экране как момент мифотворчества в культурной памяти нации. Обсуждаются три экранизации речи, чтобы продемонстрировать, способен ли экран передать сложность исторического изучения и текстового анализа.

Ключевые слова: исторический конфликт, королева Елизавета, речь, визуальное изображение

Contemporary Filmic Representations of Conflict in History: Queen Elizabeth's Tilbury Speech

Erzsébet Stróbl

Károli Gáspár University of the Reformed Church, Hungary

Abstract. The article analyzes Queen Elizabeth's Tilbury speech and its representations in written history and on the screen as a moment of mythmaking in the cultural memory of the nation. The article discusses three film adaptations of the speech in order to demonstrate whether the screen is able to convey the complexity of historical study and textual analysis.

Keywords: conflict in history, Queen Elizabeth, speech, visual images

Введение

Времена конфликтов в истории часто становятся временами мифотворчества в культурной памяти нации. Для англичан борьба их маленькой протестантской страны против сил католической Европы в шестнадцатом веке была таким опытом формирования нации. Моментом обострения этого кризиса стал 1588 г., когда Непобедимая армада напала на остров. В разгар войны королева Елизавета произнесла одну из своих самых известных речей – обращение к сухопутным войскам при Тилбери. Некоторые известные строки, такие как: «Я полна решимости в разгар сражения жить и умереть среди вас» или «Я знаю, у меня есть тело – тело слабой и беспомощной женщины, но у меня сердце и дух короля – короля Англии» – известны школьникам, студентам и взрослым по всей стране. Они стали выражением гордости людей за свою страну, нацию и историю.

Однако немногие читали первоисточник текста, книгу, напечатанную в 1654 г., через 66 лет после этого события, или изучали рукописный список речи на бумаге 1680-х гг. в Британской библиотеке. Они не знают о попытках историков восстановить подлинные слова королевы и события того рокового августа, когда маленькая английская нация дала отпор Испанской империи. Их исторические познания в большей степени формируются экранами различных устройств, чем страницами книг по истории. Визуальная, а не письменная история влияет на их историческое сознание.

В свою очередь, режиссеры, желающие заняться исторической темой, не просто развлекают аудиторию, но несут ответственность за формирование национальной идентичности через объективы кинокамер. В последние годы эта проблема решалась благодаря резкому увеличению производства исторических фильмов, а за прошедшие три десятилетия в Великобритании развился особый жанр – фильм-наследие. Королева Елизавета и ее речь при Тилбери, ставшая знаковым моментом в прошлом Англии, являются предметом нескольких постановок. В данной статье обсуждаются три экранизации, в которых речь королевы показана целиком. Анализ того, как эта историческая речь представлена на экране, позволяет выделить различия в режиссерском выборе, что, с одной стороны, показывает, как визуальная история способна передать сложность истории в целом, и, с другой стороны, как она формирует современные интерпретации прошлого для укрепления национального самосознания.

Мы выделили три визуальные интерпретации истории:

1. «Королева-девственница» – телевизионный мини-сериал компаний BBC и Power, состоящий из четырех серий, с Энн-Мари Дафф в роли королевы Елизаветы. Сериал вышел в США в 2005 г., а в Великобритании на год позже.
2. «Елизавета I» – состоящий из двух частей мини-сериал, снятый Channel IV и НВО в 2005 г., с Хелен Миррен в роли Елизаветы.
3. «Золотой век» – британо-американский полнометражный фильм 2007 г. режиссера Шекхара Капура, который является продолжением его популярного фильма «Елизавета» (1998). В роли Елизаветы I снялась Кейт Бланшетт.

Три актрисы, выбранные для роли королевы, являются своеобразным ориентиром, позволяющим судить об отношении режиссеров к истории: в первом случае назовем отношение режиссера «тщательным» и «дотошным» в его восприятии истории, во втором случае – «прагматичным», а в третьем – «мифическим» и «поэтическим».

Прежде чем перейти к анализу речи в Тилбери, проведем обзор исследований на тему отражения истории на экране.

История в кино: письменная история против визуальной истории

В широких академических кругах ведутся споры о целесообразности и уместности серьезного отношения к истории в кино. Однако, хотя популярные полнометражные фильмы часто – и справедливо – обвиняются в исторической неточности, все больше ученых полагают, что история на экране может передать огромный объем информации своим зрителям. По их мнению, подлинность визуальных средств зависит не от точных деталей сюжета, а, скорее, от общей способности быть «воспоминанием о прошлом и комментарием к развиваемой теме», таким образом, привлекая внимание аудитории к предмету и побуждая задавать важные вопросы подобно тому, как это делают историки (Rosenstone, 2012).

Роберт Роузенстоун называет фильм новым типом «видения», или «новой формой исторического мышления», элементами которой

являются изображение, звук и язык. Все три элемента работают одновременно, «создавая царство смысла, которое так же отличается от письменной истории, как письменная история отличалась от устной» (Rosenstone, 2012).

Рассуждая об исторических фильмах, ошибочно предполагать, что представление исторической правды должно быть главной целью произведений о прошлом. Шелдон Холл подчеркивает важность художественных допущений, которые режиссеры позволяют себе, поскольку «кинематографисты, как и другие художники, имеют право на ту степень свободы, какая им необходима для адаптации сырого исторического материала к требованиям художественного фильма» (Rosenstone, 2012). Иными словами, одним из основных аспектов критики должна быть не подлинность исторических деталей, а подлинный дух, передающий ощущение истории.

Фильмы должны быть нацелены не на точность или правильность, а на представление эмоциональной истины, которая вовлекает зрителя на телесном уровне, подобно воспоминаниям. Элисон Ландсберг называет это памятью – «протезом», а не реальным воспоминанием о прошлом, и точно так же, как протез руки является искусственной, а не настоящей конечностью, память-протез – это воспоминание об истории, созданное при просмотре фильма в кинотеатре. Она утверждает, что эти воспоминания-протезы «циркулируют общенародно, и, хотя они не имеют органической основы, тем не менее переживаются телом человека в результате взаимодействия с широким спектром культурных технологий». Она говорит, что «воспоминания-протезы становятся частью личного архива опыта, формируя субъективный мир человека, а также его отношение к настоящему и будущему времени» (Landsberg, 2004). В заключение Ландсберг пишет, что «кинематограф потеснил жизненный опыт как единственный тип опыта, способный формировать или конструировать самосознание», и что такие воспоминания становятся «центральным элементом личности человека – его ощущением того, кто он есть и кем он может стать» (Landsberg, 2004).

В этом смысле популярные художественные фильмы, посвященные истории, оказывают огромное влияние, преобразовывая национальное прошлое и формируя коллективное самосознание своей аудитории.

Для исследования истории речи при Тилбери обратимся к письменным источникам.

Письменная история

Речь, известная как речь «Армада», была произнесена перед войсками в лагере при Тилбери 9 августа 1588 г., через двенадцать дней после имеющей первостепенное значение морской победы над Непобедимой армадой в Ла-Манше. Так как угроза перегруппировки и возвращения испанских кораблей оставалась весьма вероятной, речь королевы в эту решающую минуту стала одним из краеугольных камней в воспоминаниях о тех событиях.

Однако проблема, с которой сталкиваются историки, заключается в том, что это была не записанная ранее речь, которую королева зачитала, а слова, записанные уже после события, и есть сомнения, была ли это единая речь, произнесенная перед войском, или несколько коротких разговоров с офицерами во время посещения лагеря королевой.

Речь впервые напечатали в 1654 г., когда опубликовали письмо 1623 г., содержащее слова речи (письмо было написано через 45 лет, а опубликовано через 66 лет после события!). Этот текст содержит знаковые мысли о происходящем: «Я полна решимости в разгар сражения жить и умереть среди вас», «Я знаю, у меня есть тело – тело слабой и беспомощной женщины, но у меня сердце и мужество короля – короля Англии», «Мы вскоре одержим славную победу над врагами моего Бога и моего королевства».

Тем не менее есть и другие документальные свидетельства о речи королевы: всего через день после того, как она была произнесена, в журнале Гильдии торговцев канцелярскими принадлежностями появилась запись о продающихся на улицах листовках со стихотворением Томаса Делони, посвященным Тилбери. В нем в поэтической форме пересказывалась речь королевы, а использованная лексика была довольно близка к позднему тексту речи.

Еще одно стихотворное переложение было написано Джеймсом Аском не позднее чем через месяц после событий. В нем королева впервые уподобляется «священной богине», и поэт останавливается на тесном контакте и общении королевы с выстроенными перед ней солдатами. В этом стихотворении королева не произносит речи, но при отъезде зовет сержанта-майора в сторону своей кареты и поручает ему зачитать войскам послание.

Еще один текст, датированный 1588 г., сохранился в церкви в Норфолке под картиной, изображающей королеву при Тилбери, а также имеется проповедь, содержащая известные всем строки из речи.

Теперь следует обратиться к трем экранизациям речи королевы Елизаветы и проанализировать, как в них отражены моменты, в которых сомневается современная наука.

Визуальная история: речь при Тилбери на экране

В сериале «Королева-девственница» сцена при Тилбери является кульминацией третьей серии. Режиссер Коки Гедройц столкнулась с необходимостью либо принять условности мифа о неоспоримости текста речи и легенды о королеве Елизавете в нагрудном доспехе и верхом на белом коне, либо смело отвергнуть эти условности и показать более «точное» историческое понимание контекста речи. Коки Гедройц выбрала второй вариант, хотя решила не бросать вызов привычным для зрителя «историческим аксиомам» (Sorlin, 2009).

Речь при Тилбери вписана в последовательность сцен, создающих аутентичную атмосферу для знаменитых строк. Визит королевы в Тилбери начинается с общего плана ее приезда в лагерь, показывающего, как Елизавета со свитой медленно приближается в холодной дымке английского летнего утра, при этом белизна тумана и нечеткость изображения намекают на культовый и мифический статус момента, напоминая зрителям о прошедших с той поры четырех с половиной столетиях. Королева здесь одновременно и богиня, гарцующая на знаменитом белом коне, и воительница в серебряном нагруднике с диагональной красной лентой, как на английском флаге, отчего зрителю становится ясно, что Елизавета олицетворяет Англию. Вместе с тем снятые крупным планом солдаты в лагере создают подлинную мизансцену шестнадцатого века, в которой отдельные детали складываются в общее представление о войне и неподготовленности английской армии.

Строки речи при Тилбери не звучат во время этой сцены, но они произносятся в нескольких последующих сценах. Там показываются этапы составления речи и тем самым подчеркивается то, что руку королевы невозможно отличить – даже в самых известных речах – от голоса правительства страны или составителей официальных

документов. Кинематографическая репрезентация речи намекает на эту неопределенность: слова сначала слышны как закадровый текст, когда Елизавета сидит в палатке за столом и делает заметки, думая о своем народе, который в следующей сцене показан на фоне английского пейзажа. Ее голос затихает, но появляется мужской голос, а на экране группа советников торжественно слушает официально зачитываемый документ. Быстрая смена плана показывает нам солдатские палатки, где снова женский голос – королевы верхом на коне – произносит хорошо известный отрывок: «Я знаю, у меня есть тело – тело слабой и беспомощной женщины...». Камера перемещается от подобной белой королеве фей Елизаветы к лицам ее солдат, переходя от мифа к реальности, и вновь останавливается уже на королеве-воительнице. Благодаря этому приему аналитический исторический подход сочетается с уважением к распространенным мифам как «исторической правде» зрителей.

В телесериале «Елизавета I» режиссер Том Хупер дает прагматичную интерпретацию событий. Он отбрасывает многие мифологические ловушки: королева у него среднего возраста, едет она верхом на гнедой, а не на белой лошади, и хотя на королеве сияющий нагрудник, она выглядит как человек и как обычная женщина, а не как богиня. Его подход затрагивает такие вопросы, как то: откуда королева говорила, чтобы ее слышали все, или как именно она использовала личное обаяние, чтобы повлиять на войска. Хупер выбирает остроумие и юмор в качестве главных пленительных черт своей немолодой королевы, то есть выбирает те черты характера, которые высоко ценятся и в современном обществе. Это хорошо представлено в ее разговоре с графом Лестерским о месте для выступления (вопрос, который интригует даже современных историков). Когда граф ведет лошадь королевы, он спрашивает: «Откуда ваше величество будет говорить?» На что королева отвечает: «Ну, конечно, от сердца». Мы видим высокую платформу с креслом, традиционным местом для публичных выступлений, однако, когда Королева начинает говорить, она покидает это возвышение и проходит среди солдат, напрямую обращаясь к ним с дословным повторением известной речи. Сценарий фильма точно следует историческому тексту, но интерпретирует его в контексте женских возможностей: именно сарказм и остроумие завоевывают любовь и восхищение подданных. Хупер и Миррен создали одну из самых аутентичных женских интерпретаций этого знаменитого выступления.

Фильм «Золотой век» дает наиболее свободную передачу речи: только обращение к армии и одна строка напоминают аудитории об источнике. Все остальное является свободной поэтической и живописной выдумкой, и мифическая традиция переосмысливается для двадцать первого века. Произнесение речи при Тилбери дополнено изображениями морского боя, сценами, которые игнорируют фактическую хронологию событий и усиливают ощущение беспощадности происходящего многочисленными картинками крови, жестокости и увечий. Речь королевы, напротив, представлена в светлых тонах, а свободно распущенные рыжие волосы Елизаветы уложены в стиле воображаемой древней кельтской королевы-воительницы. Она появляется в сияющих доспехах, на белом коне, и вместо 55-летней монархини мы видим нестареющую богиню. Движение камеры вверх придает ей ауру бессмертной богини, живой легенды.

Эта адаптация событий является также самой современной и светской. Вместо христианского контекста шестнадцатого века здесь можно увидеть эзотерическую магию. Джон Ди, придворный астролог королевы, предсказывает гибель одной великой империи и возвышение другой. Финальные сцены битвы становятся апокалиптическим видением борьбы стихий: огонь против воды, скалы против ветра, и посреди всего этого босая Елизавета в белой развевающейся ночной сорочке наблюдает за рождением новой эры. Образы наполнены символизмом, они живописны и значимы, вместо действия перед зрителем живая картина, что радикально нарушает прежний, более традиционный ход художественного фильма. Форд и Митчелл называют режиссерский стиль Капура кинематографическим пуантилизмом, где «вблизи ничего не имеет смысла, но, если мы отойдем в сторону, все встанет на свои места, и мы получим историческую компиляцию, не единственную правду, а одну из правд о Елизавете, женщине и правительнице» (Ford and Mitchell, 2009).

Выводы

В заключение следует отметить, что первая визуальная интерпретация истории подчеркнула аутентичность, собрав исторические детали и применив реалистический подход к прошлому. Коки Гедройц даже осмелилась разрушить образ Елизаветы как королевы фей, показав ее в процессе старения.

Вторая адаптация была более прагматичной и отбросила некоторые аспекты привычных легенд, экспериментируя с феминистским толкованием исторических источников. Финальные сцены сделали акцент на силе характера героини, выходящей за рамки контекста шестнадцатого века: королева простояла в течение 15 часов, а потом торжественно опустилась на пол, готовая умереть.

Наконец, версия Капура не просто охватила мифы прошлого, но и создала глобальный миф об английской королеве, который пришелся по душе не только ее стране, но и всем современным женщинам. Королева, как статуя, застывает на карте, а затем принимает на руки ребенка – не своего – становясь символом нового поколения женщин, уверенных в себе и рискующих всем для осуществления собственной мечты.

Хотя история на экране в целом отличается от письменной истории, ей удастся аналитически взаимодействовать с интерпретацией событий, и, безусловно, она играет немалую роль в процессе формирования индивидуального, национального или даже глобального самосознания.

Список литературы

Aske J. *Elizabetha Triumphans*. London : Thomas Orwin, 1588.

Burghley L., William C. *The Copie of a Letter Sent Out of England to Don Bernardin Mendoza Ambassadors in France for the King of Spain*. London : I. Vautrollier, 1588.

Burgoyne R. *Prosthetic Memory/Traumatic Memory: Forrest Gump (1994) // The History on Film Reader / ed. by M. Hughes-Warrington*. Abingdon : Routledge, 2009. P. 137–142.

Cabala, *Mysteries of State*, in *Letters of the Great Ministers of K. James and K. Charles*. London : Printed for Bedell and Collins, 1964.

Cheshire E. *Bio-Pics: Life in Pictures*. London ; New York : Wallflower, 2015.

Deloney Th. *The Queenes Visiting of the Campe at Tilburie with her entertainment there*. London : John Wolfe, 1588.

Eastwood A. L. *The Secret Life of Elizabeth I // The English Renaissance in Popular Culture: An Age For All Time / ed. by Greg Colón Semenza*. New York : Palgrave Macmillan, 2010. P. 43–54.

Ford E. A, Mitchell D. C. *Royal Portraits in Hollywood: Filming the Lives of Queens*. Lexington : University Press of Kentucky, 2009.

Földvary K. 'Brush up your Shakespeare': Genre-Shift from Shakespeare to the Screen / Reinventing the Renaissance: Shakespeare and his Contemporaries in Adaptation and Performance / ed. by S. A. Brown, R. I. Lublin, L. McCulloch. Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2013. P. 47–62.

Frye S. The Myth of Elizabeth at Tilbury // *The Sixteenth Century Journal*. 1992. Vol. 23 (1). P. 95–114.

Green J. M. 'I My Self': Queen Elizabeth I's Oration at Tilbury Camp // *The Sixteenth Century Journal*. 1997. Vol. 28 (2). P. 421–445.

Green L. Wolves, Sheep, and the Making of England: Towards a Re-appraisal of James Aske's Elizabetha Triumphans (1588) // *Bulletin of the Society of Renaissance Studies*. 2008. Vol. 25 (1). P. 4–25.

Higson A. Private Lives and Public Conflicts: The English Renaissance on Film, 1998–2010 // *Filming and Performing Renaissance History* / ed. by M. T. Burnett, A. Streete. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P. 178–192.

Hooper T. *Elizabeth I. Miniseries*. HBO Films and Channel Four Television Corporation. 2005.

Nichols's J. *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I* / ed. by E. Goldring et al. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York : Columbia University Press, 2004.

Leigh W. *Queene Elizabeth, Paraleld in Her Princely Vertues, with David, Iosua and Hezekial*. London : T.C., 1612.

McKechnie K. Taking Liberties with the Monarch: the Royal Bio-pic in the 1990s // *British Historical Cinema* / ed. by C. Monk, A. Sargeant. Abingdon : Routledge, 2002. P. 217–236.

British Historical Cinema / ed. by C. Monk, A. Sargeant. Abingdon : Routledge, 2002.

Monk C. The British Heritage-Film Debate Revisited // *British Historical Cinema* / ed. by C. Monk, A. Sargeant. Abingdon : Routledge, 2002. P. 176–198.

Quinn J., Kingsley-Smith J. Kenneth Branagh's *Henry V* (1989): Genre and Interpretation // *British Historical Cinema* / ed. by C. Monk, A. Sargeant. Abingdon : Routledge, 2002. P. 163–175.

Rosenstone R. *History on Film/Film on History*. Abingdon : Routledge, 2012.

Rosenstone R. History in Images/History in Words // The History on Film Reader / ed. by M. Hughes-Warrington. Abingdon : Routledge, 2009. P. 30–41.

Sargeant A. The Content and the Form: Invoking 'Pastness' in Three Retro Films // British Historical Cinema / ed. by C. Monk, A. Sargeant. Abingdon : Routledge, 2002. P. 199–216.

Sorlin P. The Film in History // The History on Film Reader / ed. by M. Hughes-Warrington. Abingdon : Routledge, 2009. P. 15–16.

Диалектика личного и социального в репрезентациях концепта «Память»

Ольга Владимировна Барабаш

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. В исследовании рассматриваются особенности репрезентации концепта «Память» в семантическом пространстве русского языка. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации метафорических образов, отражающих специфику осмысления феномена памяти в русской языковой картине мира. Кроме того, приводятся результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление наиболее типичных реакций носителей русского языка на стимул «память». Важным результатом осуществленного эксперимента представляется выявление в полученных реакциях семантических компонентов «долг», «род», «история», что свидетельствует об актуализации проблемы исторической памяти в сознании современного носителя языка.

Ключевые слова: язык, семантика, память, концепт, метафора

Dialectics of the Personal and the Social in the Representations of the Concept "Memory"

Olga V. Barabash

Penza State University, Russia

Abstract. The article considers the peculiarities of the representation of the concept "Memory" in the semantic space of the Russian language. Special attention is paid to the identification and systematization of metaphorical models characterizing the figurative interpretation of the memory phenomenon in fiction writing and media publications as well as in proverbs and sayings of the Russian people. The results of an associative experiment aimed at identifying the most typical reactions of native speakers of the Russian language to the stimulus "memory" are presented. An important result of the experiment is the dominance of the semantic components "duty", "kin", "history" in the received reactions, which indicates the actualization of the problem of historical memory in the consciousness of a modern native speaker.

Keywords: language, semantics, memory, concept, metaphor

Введение

Память является объектом исследования в психологии, социологии, физиологии, генетике, биохимии, кибернетике, математике. В данной работе предлагается лингвокультурологический подход к анализу данного феномена. Трансляция опыта, накопленного и осмысленного поколениями, осуществляется, прежде всего, через слово. Но не только через слово как единицу языка, его этимологию и устоявшиеся, зафиксированные в словарях значения, а, может быть, даже в большей степени через слово как фрагмент дискурсивного пространства, через живую лексическую единицу, обрастающую семантическими связями в высказывании, формирующую новые смыслы и образы в метафоре. Так, человеческая память, являясь важнейшей и при этом удивительнейшей психической функцией, позволяющей сохранять как личностный, так и социальный опыт, вырабатывать стратегии поведения и формировать традиции, обеспечивать связь прошлого и настоящего, становится постоянным предметом рефлексии, научного и творческого осмысления и получает в языке соответствующие формы экспликации.

Цель нашего исследования – выявить особенности репрезентации концепта «Память» в семантическом пространстве русского языка и проследить диалектику личного и социального в его структуре.

Материалом исследования служат лексикографические источники, тексты художественных произведений, публикаций СМИ, пословицы и поговорки русского народа. Кроме того, приводятся результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление наиболее типичных реакций носителей русского языка на стимул «память».

Оговоримся, что мы не претендуем на исчерпывающее описание всего многообразия репрезентаций концепта «Память», однако полагаем, что предложенный комплексный подход позволит, хотя бы фрагментарно, это многообразие продемонстрировать.

Этимология слова «Память»

Память существует и рассматривается в двух планах: в личностном и социальном. В первом случае мы имеем дело, прежде всего, с представлениями о способности человека сохранять и воспроизводить в

сознании прошлый опыт. Иными словами, память – это «одно из свойств нервной системы, которое выражается в способности долго хранить информацию о событиях внешнего мира, делать ее достоянием сознания и руководить поведением» (Психологический словарь, 2007, с. 440). В языке указанные представления о памяти получают соответствующие экспликации.

Так, обращение к этимологии слова «память» свидетельствует о том, что оно восходит к общеславянскому корню «*mn*» и возникает для номинации ментальной категории. В частности, словари обращают внимание на его этимологические связи с др.-лит. *mintis* «мысль, суждение», вост.-лит. *mintis* «загадка», лит. *atmintis* «память», др.-инд. *matih* «мысль, намерение, мнение», лат. *mens* «ум, мышление, разум» (Фасмер, 2003, т. 3, с. 195). Древний префикс *na-*, по-видимому, реализует в слове «память» значение неполного тождества (см. подробнее: Материалы, 1902, т. II, стб. 854, а также: Лопатин, 2016, с. 146–147) и указывает на связь памяти и мышления, памяти и сознания, рассудка. Так, мы помним что-либо тогда, когда думаем об этом. Устойчивое сочетание «любить без памяти» означает «любить безрассудно», т.е. так, что разум «отключается».

Толковые словари выделяют у слова «память» несколько значений, при этом в качестве основного указывается именно способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, а также сам запас впечатлений, хранящихся в сознании человека (Ожегов, 2013, с. 401; Ефремова, 2000). Подобное толкование представлено и в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г.: «1) Способность души сохранять впечатлѣнія, произведенныя на чувства и понятія <...>. 2) Воспоминаніе. <...>» (СЦСиРЯ с. 158). Как видим, развитие полисемии происходит на основе метонимического переноса, при котором семантическая связь вторичного и первичного значений остается довольно тесной. Словарь 1847 г. приводит также устаревшие значения памяти как документа – «письменное отношеніе, сообщеніе» и «духовная запись» (СЦСиРЯ, с. 158), которые в современных толковых словарях уже не упоминаются.

Сближение в русской языковой картине мира понятий памяти и мышления легко проследить и на материале художественных произведений. Так, воспоминания могут быть опосредованы в мыслях,

могут представлять собой результат мыслительного процесса, например:

«...думалось ему, и вспомнил он многое, давно прошедшее» (Тургенев, 1872).

Глагол «вспомнить» нередко употребляется в значении «понять, осознать», как, например, в рассказе А. П. Чехова «Открытие»:

«Вспомнил он, что за все 52 года он ни разу и не подумал даже о существовании в себе какого-либо таланта» (Чехов, 1885–1886).

Таким образом, в сознании носителей языка память коррелирует с рассудком, разумом, способностью мыслить. Отметим, что об этом свидетельствуют и немногочисленные антонимы слова «память» – «беспамятство» (т.е. бессознательное состояние) и «забвение» (т.е. выведение чего-либо за пределы значимого, за пределы бытия), а также русские пословицы и поговорки: *Без памяти разум туп; Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце; В голове вертится, а на память не идет* и многие другие.

Социальная, историческая, культурная память

Память рассматривается не только как когнитивная способность отдельной личности, но и как форма психического отражения реальности, которая заключается в закреплении, сохранении и воспроизведении прошлого опыта *социальной общностью и человечеством* в целом. Соответственно, в таком случае принято говорить о *социальной* памяти, об *исторической* и *культурной* памяти.

Понятие коллективной памяти, введенное М. Хальбваксом (Хальбвакс, 2007), получило развитие в теории культурной памяти Яна Ассмана. Я. Ассман подчеркивает, что культурная память «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций, и в то же время это – память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию» (Ассман, 2004, с. 23). Такую память ученый называет «социальным обязательством», которое накладывается на группу людей, на общество, нацию. Центральным вопросом в таком случае является, по Я. Ассману, вопрос «Чего нам нельзя забыть?» (Ассман, 2004, с. 30), который, будучи обращенным

не к отдельной личности, а к группе людей, и определяет ее идентичность и самопонимание.

Ю. М. Лотман, рассуждая о культурной памяти, пишет, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а не-существовавшее – сделаться существующим и значимым» (Лотман, 1992, с. 200–202). В качестве примера ученый приводит русскую средневековую иконопись, которая стала почитаться как высокое искусство и культурная ценность лишь в XX веке, а также античные статуи, которые, будучи найденными в доренессансную эпоху, не ценились, не хранились, а выбрасывались и уничтожались. Иными словами, в процессе общего культурного развития нации, народа происходит то, что называют переоценкой ценностей, то есть их актуализацией и деактуализацией.

Отвечая на вопрос, поставленный Я. Ассманом, отдельная нация, государство и человечество в целом неизбежно задумываются и о тех событиях и потрясениях, которые оказали воздействие на ход мировой истории, определили специфику существующей международной политики, повлияли на судьбы людей. В таком случае говорят об «исторической памяти». События XX века в нашей стране и в мире включили в тезаурус коллективной исторической памяти такие понятия, как мировая война, геноцид, терроризм, в связи с чем «социальное обязательство», о котором говорит Я. Ассман, заключается в том, чтобы, не забывая страшных событий прошлого, не допустить подобного в настоящем и будущем.

При этом исследователи справедливо отмечают, что «революция конца XX – начала XXI веков в области информационных технологий и войны великих держав за контроль над ними чреваты непредсказуемыми мировыми потрясениями, решительно изменяющими ход мировой истории», соответственно, «если всю предыдущую историю главным аргументом была сила оружия, то в новую эпоху на первый план выходит борьба за общественное сознание, т.е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого» (Илизаров, 1985).

В настоящее время на международной арене предметом неумолкающего обсуждения на грани противостояния является тема Второй мировой войны. Указанная борьба, безусловно, находит отражение в языке.

Так, контекстуальными синонимами в медиадискурсе начинают выступать «историческая память» и «историческая правда». При этом наблюдается актуализация отдельных метафорических моделей, с помощью которых происходит осмысление феномена исторической памяти. Историческая память становится не просто механизмом реконструирования прошлого, но предметом отстаивания политических интересов. Отсюда и включение памяти в метафорику войны, заимствование семантических компонентов из военной терминологии как сферы-источника (*target domain* – в теории Д. Лакоффа и М. Джонса (Лакофф, 2008, с. 144)). Например, широкое распространение в публикациях соответствующей тематики получают образные сочетания типа «политика памяти», «война за историческую память», «атака на историческую память», «плацдармы памяти».

Интересно, что для политического дискурса, в отличие от бытового и художественного, почти не характерна метафорическая модель персонификации (вспомним, например, строки из поэмы Е. Баратынского: «О память! – ты одна беседуешь со мной...» (Баратынский, 1936, с. 271)). Большинство метафор памяти, фигурирующих в политическом дискурсе, относится к пространственной модели, которая реализуется через фреймы «дорога», «плацдарм», «поле» и т.п., например:

«Новое поле битвы – социальная память человечества» (Илизаров, 1985);

«Историческая память – пространство, где решаются политические конфликты» (Россия в глобальной политике, 2019).

Пространственная модель реализуется и в метафорическом названии мультимедийного проекта «Дорога Памяти», направленного на увековечение памяти погибших при защите Отечества.

В. В. Путин в обращении к школьникам на Всероссийском открытом онлайн-уроке называет историческую память «прочной моральной основой», «надёжным ориентиром» и заявляет, что «сохранение памяти – это задача абсолютно государственной важности, для того чтобы,

опираясь на эту память и на нашу героическую историю, уверенно двигаться вперед, в будущее» (Российская газета, 2020).

Концепт «Память»

С целью выявления сформированных в сознании носителей русского языка субъективных семантических полей, вершиной которых является концепт «Память», а также определения характера семантических связей слов внутри семантического поля, мы провели свободный ассоциативный эксперимент с помощью созданного в Google forms опросника.

В первой части эксперимента участникам предлагалось написать первую пришедшую в голову ассоциацию, вызванную предъявленным словом-стимулом. Респондентами выступили жители различных российских городов (всего 221 человек) – носители русского языка старше 15 лет. К указанному возрасту, как мы полагаем, у среднестатистического носителя русского языка уже должно быть сформировано в той или иной степени представление о том, что такое память. Отметим, однако, что ответы все же ранжировались по возрастным категориям участников, и подобное ранжирование оказалось оправданным, так как позволило установить некоторые особенности в формировании ассоциативного ряда к слову «*память*» у разных категорий респондентов.

В ходе эксперимента на слово-стимул «*память*» мы получили более 200 реакций в виде слов, словосочетаний и, в отдельных случаях, предложений.

Обобщая полученные результаты, мы распределили вербализаторы ассоциаций по нескольким группам.

1. Ассоциации, связанные с представлениями о **локализации памяти (58 реакций, 26,2 %)**: мозг (головной мозг) – 50, голова – 4, человек – 1, компьютер – 2, компьютерная – 1.

2. Ассоциации, указывающие на **связь памяти и сознания, мышления, восприятия (24 реакции, 11 %)**: знание/знания – 6, мысль (мысли) – 6, ум – 6, мышление – 1, психика – 1, психический процесс – 1, здравый смысл – 1, восприятие – 1, иллюзия – 1.

3. Ассоциации, номинирующие **процессы памяти и раскрывающие ее суть и типы (11 реакций, 5 %)**: запоминание/запоминать / запомнить – 4, способность запоминать данные – 1, способность человека запоминать информацию – 1, воспроизведение – 1, сохранение – 1, способность человека помнить прошедшие события, прочитанные книги, изученные материалы, приобретенные навыки – 1, хранение информации – 1, кратковременная – 1.
4. Ассоциации, репрезентующие ЛСВ памяти **«воспоминания»** (в том числе с конкретизаторами) **и их содержание** в обобщенном виде **(28 реакций, 12,6 %)**: воспоминание/воспоминания – 20, воспоминания из жизни / из детства / прошлого – 3, моменты – 1, события – 1, информация – 1, то, что нельзя забыть – 1, о человеке – 1.
5. Ассоциации, связанные с понятием **времени (14 реакций, 6,3 %)**: прошлое – 7, время – 3, на века – 1, надолго – 1, вечность – 1, вода (?) – 1.
6. Ассоциации, связанные с представлениями о **жизни и ее периодах (16 реакций, 7,2 %)**: возраст – 5, жизнь – 3, смерть – 1, детство – 3, ребенок – 1, старость – 3.
7. Ассоциации, связанные с понятием **семьи (6 реакций, 2,7 %)**: семья – 1, родители – 1, родительский дом – 1, о родных и близких, которых с нами уже нет – 1, поминать – 1, светлая – 1.
8. Ассоциации, связанные с **историей, в том числе историей нашей страны (20 реакций, 9 %)**: история – 6, война – 2, Великая отечественная война – 2, Победа – 1, предки – 2, вечный огонь – 1, память народа – 1, Родина – 1, историческая память – 1, забвение – 1, вечная – 1, скорбь – 1.
9. Ассоциации с **типом деятельности, где необходима память (7 реакций, 3,2 %)**: работа – 1, учеба – 3, дела – 1, стихи – 1, чтение – 1.
10. Ассоциации, вербализующие метафору **«память – хранилище» (23 реакция, 10,4 %)**: архив – 3, книга/книги – 3, слово / слова – 5, библиотека – 1, письмо – 1, записка – 1, блокнот – 1; фотографии – 2, кадр – 1; компонент компьютера / память компьютера – 3, микросхема – 1, флешка – 1.

11. Ассоциации, содержащие **оценочный компонент (9 реакций, 4,1 %)**: хорошая – 3, девичья – 2, короткая – 1, феноменальная – 1, точность – 1, важность – 1.

12. Ассоциации, связанные с понятием **здоровья (5 реакций, 2,3 %)**: амнезия – 1, врач – 1, здоров/здоровье – 2, энцефалопатия – 1.

Представим полученные результаты в виде диаграммы на рис. 1.

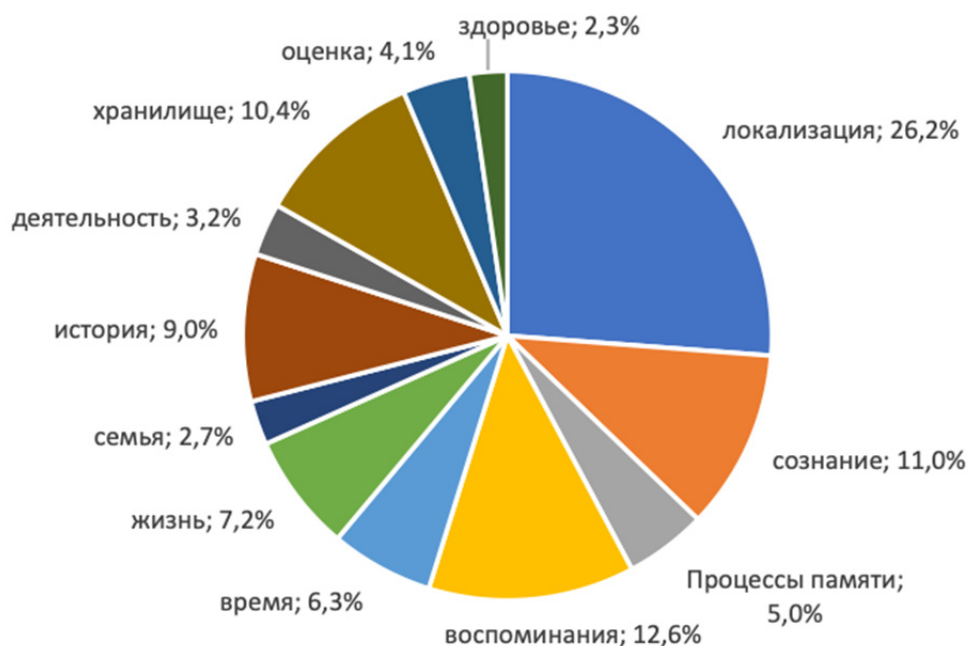

Рис. 1. Соотношение субъективных семантических полей с вершиной «Память»

Безусловно, принятое распределение имеет условный характер, и некоторые ассоциации могут быть формально отнесены к разным группам (например, ассоциация «скорбь» может быть соотнесена как с понятием истории, так и с понятием семьи, так же, как и «ребенок» соотносится с представлениями о семье и о периодах жизни). В то же время предпринятая классификация позволяет наметить некоторые тенденции в концептуализации памяти в сознании современного носителя русского языка. В частности, можно констатировать, что доминируют ассоциации, связанные с представлениями о памяти как о комплексе когнитивных способностей индивида. Подтверждается мысль о том, что одной из базовых метафориче-

ских моделей памяти является метафора «память — вместилище/хранилище». Показательным видится наличие реакций, эксплицирующих семантическое поле «История». При этом отметим, что толковые словари не акцентируют внимание на социальном компоненте в семантической структуре слова «память», однако мы полагаем, что можно говорить об актуализации этих компонентов в сознании современного носителя языка (преимущественно лиц, относящихся к возрастной категории 35–55 лет).

Вторая часть проведенного нами эксперимента имела целью выявление и сопоставление ассоциативных реакций на стимулы с заложенной в них оппозицией личного и социального, выраженной с помощью местоимений «я» — «мы». Участникам было последовательно предложено продолжить фразы «Я должен помнить...» и «Мы должны помнить...», тем самым реакции получали определенное направление и были ограничены семантикой долженствования. Реакции, полученные на каждый из стимулов, были распределены по группам на основе их смысловой близости.

С одной стороны, полученные результаты позволили установить дифференциацию личного и общественного долга в сознании испытуемых. Об этом свидетельствует преобладание в ответах на первый стимул («Я должен помнить...») интериоризованных реакций, образующих субъективные семантические поля, условно названные нами «личное прошлое» (*счастливые моменты, яркие воспоминания и т.п.*), «самоидентификация» (*о том, что я человек и др.*), «родословная» (*свои корни и т.п.*), «семья, близкие», «личная ответственность» (*о своих задачах и т.д.*) и несколько других.

Реакции же на второй стимул («Мы должны помнить...») преимущественно экстериоризованы и свидетельствуют об осознанной самоидентификации личности как части социума, нации, государства. Соответственно, наиболее типичными оказались ответы, включающие указания на значимые исторические события, прежде всего, Великую Отечественную войну, а также реакции, связанные с понятием социального долга, обязательства перед близкими, согражданами, Отечеством.

В целом следует отметить, что результаты осуществленного ассоциативного эксперимента согласуются с результатами анализа контекстов, демонстрирующих функционирование слова «память» в различных типах дискурса.

Выводы

Концептуализация памяти, как мы увидели, происходит в русском языке в двух направлениях: личностном (память как когнитивная способность) и социальном (культурная, историческая память), что позволяет выделить в содержании рассматриваемого концепта два соответствующих слоя. Важно отметить, что это не изолированные слои, их тесное переплетение обусловлено неразрывной связью личности и общества, диалектикой индивидуального и социального. Память о своих корнях, истории семьи позволяет человеку осознать себя не только частью этой семьи, этого рода, но и частью целого народа, с его историей, его прошлым и настоящим. Как для человека потеря памяти означает потерю личности, утрату собственного «Я», так и для общества, для нации утрата культурной, исторической памяти влечет утрату национальной идентичности. Такое понимание памяти как безусловной ценности находит отражение в языке: оно высвечивается в этимологии слова «память», в тонких семантических связях этого слова с другими лексическими единицами, образующими ассоциативные поля с соответствующей вершиной; наконец, проявляется в системе метафорических моделей, демонстрирующих, как феномен памяти получает осмысление в различного рода аналогиях.

В заключение приведем слова академика Д. С. Лихачева: «Память противостоит уничтожающей силе времени. И накапливает то, что называется культурой. Память, повторяю – преодоление времени, преодоление смерти. В этом ее величайшее нравственное значение» (Лихачев, 1984, с. 68).

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Баратынский Е. А. Отрывки из поэмы «Воспоминание». Полное собрание стихотворений : в 2 т. Л. : Советский писатель: Ленингр. отд-ние, 1936. Т. 1. 462 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-слово-образовательный. М. : Русский язык, 2000. 1233 с.

Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.

Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука, 1991. С. 85–91.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства. Критика и время : лит.-крит. сб. / сост. Н. П. Утехин. Л. : Лениздат, 1984. С. 68–74.

Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.

Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Т. II. А – П. – Санктпетербургъ : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1902. 118 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. А. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М. : Мир и Образование, 2013. 736 с.

Психологический словарь / под общ. науч. ред. П. С. Гуревича. М. : ОЛМА Медиа Групп ; ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.

Российская газета. RG.RU. 01.09.2020. URL: <https://rg.ru/2020/09/01/putin-prinial-uchastie-v-otkrytom-uroke-pomnit-znachit-znat-polnyj-tekst.html>

Россия в глобальной политике. 31.12.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-ramyat-eshhe-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politi-cheskie-zadachi/>

СЦСиРЯ: Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. III. О-П. – С.-Петербургъ: Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847. 390 с.

Тургенев И. С. Вешние воды. 1872. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&req=вспомнил+он&g=i_doc&format=html&spp=50&text=lexform&dpp=10&kwsz=5&sampling=1&p=41&mode=main&sr=1&spd=10&nodia=1&out=normal

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3: Муза – Сят: Более 5500 слов / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 832 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издание, 2007. 348 с.

Чехов А. П. Открытие (1885–1886). URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&req=вспомнил+он&g=i_doc&format=html&spp=50&text=lexform&dpp=10&kwsz=5&sampling=1&p=39&mode=main&sr=1&spd=10&nodia=1&out=normal

Публичное политическое выступление как дискурс памяти

Екатерина Юрьевна Алёшина

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Публичная политическая риторика рассматривается авторами как исторический дискурс, который трактуется как текст, определяемый темой, относящейся к историческим событиям, и рассматриваемый в ситуации воспоминания об этих событиях. Наиболее типичной для публичной политической риторики является ссылка на некоторые исторические события, которые кажутся актуальными для оратора при передаче политических взглядов. Историческое повествование, включенное в публичную политическую риторику, можно рассматривать как дискурс памяти.

Ключевые слова: публичная политическая риторика, исторический дискурс, дискурс памяти

Political Rhetoric as Discourse of Memory

Ekaterina Yu. Aleshina

Penza State University, Russia

Abstract. The article considers public political rhetoric as historical discourse which is defined as a text determined by a certain topic related to historic events and regarded in the situation of commemorating these events. Most typical for public political rhetoric is referring to some historic events which seem relevant to the speaker while conveying political views. Historic narrative included in public political rhetoric can be considered as discourse of memory.

Keywords: public political rhetoric, historical discourse, discourse of memory

Введение

Публичная политическая риторика занимает центральное место в политической коммуникации. Риторическая деятельность включает общение политиков между собой, а также обращение политиков к аудитории. Публичное выступление – традиционный вид политического общения. Аристотель определял риторику как «искусство находить возможные способы убеждения относительно любого предмета» (Аристотель). Многовековая риторическая практика политиков показала, что хороший политик – хороший оратор, искусно пользующийся законами построения публичной речи и средствами ее выразительности. Примером тому явился римский оратор и политик Цицерон, прошедший путь от магистратуры до консулария, постоянно совершенствовавший свое ораторское мастерство.

Англосаксонская политическая риторика: краткий экскурс

Англосаксонская политическая риторика имеет свои традиции. Обратясь к более ранним британским политикам, следует отметить известную речь королевы Елизаветы I, обращенную к войскам в Тилбери в 1588 г. («Tilbury Speech»), выступление короля Карла I Стюарта, произнесенное перед публичной казнью в 1649 г. («I go from a corruptible to an incorruptible crown»), а также выступление Оливера Кромвеля, произнесенное при роспуске «Охвостья» английского Парламента в 1653 г. («In the Name of God, Go!»). Очевидна роль упомянутых деятелей в британской и мировой истории. Особую историческую значимость приобретают публичные выступления, звучащие в кризисных, конфликтных ситуациях, в поворотные моменты развития государства и мира в целом. Всемирную известность получили выступления признанного оратора У. Черчилля, произнесенные во время Второй мировой войны («I Have Nothing to Offer but Blood, Toil, Tears and Sweat», «We shall Fight on the Beaches» и др.). Обращения и речи британского премьер-министра и королевы являются неотъемлемой частью британского политического ритуала.

Европейские риторические традиции были восприняты, применены и развиты американскими отцами-основателями. Большой резонанс имела произнесенная в 1796 г. Прощальная речь первого

президента США Дж. Вашингтона («A Passionate Attachment of One Nation for Another Produces a Variety of Evils»). Т. Джефферсон подробно изучал риторику как дисциплину, К. Адамс преподавал риторику в Гарварде, публиковал свои размышления о мастерстве оратора, которые были основаны на классических постулатах античных риторов. Геттисбергская речь А. Линкольна («Gettysburg Address») ознаменовала кардинальный поворот в развитии американского социального устройства.

Возросший интерес к публичному выступлению в начале XX века связан с повышенным вниманием к имиджу политика-оратора, утверждающегося в своем статусе на политической арене. Американские политические лидеры традиционно уделяют большое внимание публичным выступлениям. Общественный и исследовательский интерес вызвали, например, произнесенная в 1933 г. речь Ф. Д. Рузвельта («The Only Thing We Have to Fear is Fear itself»), выступление ортодоксального активиста Малколма X («You Can't Hate the Roots of a Tree, and not Hate the Tree»), датированное 1965 г., речь Р. Никсона, произнесенная в 1973 г. в связи с Уотергейтским скандалом («There Can be no Whitewash at the White House»).

Публичные выступления М. Л. Кинга мл. («I Have a Dream»), Дж. Ф. Кеннеди («Ask not What your Country Can Do for You; Ask What You Can Do for your Country»), Р. Рейгана («Mr. Gorbachev, Tear Down this Wall») и др. приобрели мировую известность и статус образцов публичной политической риторики XX в. в контексте значимых ситуаций внутривнутриполитического и внешнеполитического характера: борьбы за права человека, внутривнутригосударственной политической борьбы, Берлинского кризиса (Алёшина, 2020).

Взаимодействие оратора и аудитории в ходе риторической деятельности реализуется в трех риторических категориях – этосе, пафосе, логосе, единство которых воплощает публичная политическая речь.

Организация содержательной стороны речи, реализующей убеждение, по Аристотелю, осуществлялась согласно правилам риторического учения топики. Учение об «общих местах» (от древнегр. *topoi*) помогает оратору раскрыть тему, развить ее, подобрать необходимые аргументы. При этом аргументы могут быть к морали и нравам (сфера этоса), аргументы к эмоциям и чувствам (сфера пафоса), аргументы логические (сфера логоса).

Этос – ценностные и идеологические ориентиры личности оратора, которые, в свою очередь, соотносимы с личностными характеристиками и идеологическими установками слушателя. Этос определяет существенные характеристики публичного политического текста-дискурса, находя выражение, главным образом, в целевом содержании высказывания. Пафос подразумевает эмоциональные особенности адресата, его способность чувствовать и воспринимать. Актуализация сферы пафоса обусловлена стилизацией посредством импрессивной информации в диктате текста, выражаемой тропами и фигурами речи (Блох, 2000).

Успешная политическая речь, как правило, всегда имеет выраженную сферу пафоса, т.е. обладает выразительностью, связанной с использованием стилистических средств и приемов. Логос служит основой строго риторического доказательства, основанного на законах логики (индукция, дедукция, силлогизм).

Характер взаимодействия политика-оратора и аудитории в процессе риторической деятельности в ситуации политического общения определяется как особенностями самой ситуации политического общения, так и взаимодействием оратора и аудитории в процессе риторической деятельности. По утверждению Ю. В. Рождественского, реализация риторических категорий этоса, пафоса и логоса представляет собой «сложный комплекс различных по своему содержанию влияний, которые могут быть как позитивными, так и негативными». Позитивные либо негативные влияния обусловлены функционированием риторики в социальном контексте (Рождественский, 1997).

В политическом публичном выступлении специфика реализации этоса, пафоса и логоса находится в пределах интересов субъектов политики, преимущественно связанных с политической властью. Публичное политическое общение зачастую осуществляется в процессе борьбы за политическую власть. Интенсивность противоречий оказывает непосредственное влияние на специфику реализации риторических категорий, в то же время находя вербальное выражение, определяясь этосом, пафосом и логосом.

Риторическая деятельность аудитории (слушающего) находится в соотношении с собственными политическими интересами, установками и представлениями о сложившейся политической ситуа-

ции. При этом успешность политического общения напрямую зависит от представлений оратора и аудитории друг о друге, а также о реально сложившейся политической ситуации. Синхронизация данных факторов повышает эффективность политической коммуникации.

Публичное политическое выступление, произнесенное в значимой исторической ситуации, как правило, остается в истории политической риторики и, в свою очередь, формирует историю, которая представлена дискурсом. Обратимся к трактовке дискурса, выдвинутой М. Я. Блохом. Дискурс представляет собой тематически определенный текст, задуманный как целостный и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается (Блох, 2013). Принимая во внимание вышесказанное, будем понимать исторический дискурс как текст, определенный темой, имеющей отношение к историческим событиям, и рассмотренный в ситуации воспоминания об этих событиях. Добавим, что речь может идти также и о ситуации воспоминания о личности. Таким образом, мы можем считать исторический дискурс дискурсом памяти. Дискурс памяти можно обнаружить в разных сферах коммуникации: от политической риторики до каждодневных разговоров (Алёшина, 2021). Его формы и жанры зависят от типа коммуникации. Как сложное социально-коммуникативное явление дискурс памяти является одновременно социальной движущей силой, а также объектом изменений. Эволюция дискурса памяти в меняющемся мире вызвана внешними и внутренними факторами, которые можно считать факторами регуляции коммуникации.

Дискурс памяти занимает особое место в политической риторике. Существует особый вид публичного выступления – памятная/мемориальная речь (*comemmemorative/memorial speech*). Данный вид выступления имеет церемониальный характер и обычно произносится как посвящение персоне, событию, учреждению и др. с целью проинформировать аудиторию о достижениях, важности персоны либо события. Оратор, как правило, обращается к событиям и фактам прошлого, подчеркивая их значение для настоящего.

Проиллюстрировать данный вид речей можно, например, выступлением тридцатого президента США К. Кулиджа, посвященным годовщине подписания Декларации независимости «Declaration of

Independence Anniversary Commemoration», произнесенным 5 июля 1926 г. В своей речи президент напоминает аудитории об исторической ситуации, в которой была подписана Декларация, при этом подчеркивает, что это не является главной целью его выступления:

«It is not here necessary to examine in detail the causes which led to the American Revolution. In their immediate occasion they were largely economic. The colonists objected to the navigation laws which interfered with their trade, they denied the power of Parliament to impose taxes which they were obliged to pay, and they therefore resisted the royal governors and the royal forces which were sent to secure obedience to these laws. But the conviction is inescapable that a new civilization had come, a new spirit had arisen on this side of the Atlantic more advanced and more developed in its regard for the rights of the individual than that which characterized the Old World» (Coolidge, 1926).

Далее в своем выступлении К. Кулидж обращается к анализу Декларации независимости, по ходу речи делая обобщения и выводы, к которым приводит история:

«We are too prone to overlook another conclusion. Governments do not make ideals, but ideals make governments. This is both historically and logically true. Of course the government can help to sustain ideals and can create institutions through which they can be the better observed, but their source by their very nature is in the people. The people have to bear their own responsibilities. There is no method by which that burden can be shifted to the government. It is not the enactment, but the observance of laws, that creates the character of a nation» (Coolidge, 1926).

Более того, в своем выступлении политик связывает прошлое и настоящее, подводя итоги на пути развития американской государственности:

«In the development of its institutions America can fairly claim that it has remained true to the principles which were declared 150 years ago. In all the essentials we have achieved an equality which was never possessed by any other people. Even in the less important matter of material possessions we have secured a wider and wider distribution of wealth. The rights of the individual are held sacred and protected by constitutional guaranties which even the Government itself is bound not to violate. If there is any one thing among us that is established beyond question, it is self-government – the right of the people to rule. If there is any failure in respect to any of these principles, it is because there is a failure on the part of individuals to observe them» (Coolidge, 1926).

В публичной политической риторике исторический дискурс может использоваться политиком с целью информирования аудитории об исторических событиях, имеющих значение в контексте современной проблемы, ситуации. Например, скандально известный американский сенатор Дж. Маккарти в своем выступлении на канале CBS, посвященном разоблачению журналиста Э. Марроу (Prosecution of E. R. Murrow on CBS "See It Now"), 6 апреля 1954 г. приводит историю создания коммунизма. При этом превалирующей по отношению к информированию выступает негативная оценка коммунистической идеологии, которую можно проследить в следующем отрывке из выступления, отмеченном импрессивностью. Выразительность текста обусловлена использованием синтаксического параллелизма, лексических повторов, перечисления, гиперболы.

«A little over a hundred years ago, a little group of men in Europe conspired to deliver the world to a new system, to Communism. Under their system, the individual was nothing; the family was nothing; God did not even exist. Their theory was that an all-powerful State should have the power of life or death over its citizens without even a trial; that everything and everybody belonged to the rulers of the states. They openly wrote – Nothing's secret about it – that, in their efforts to gain power, they would be justified in doing anything; they would be justified in following the trail of deceit, lies, terror, murder, treason, blackmail. All these things were elevated to virtues in the Communist rule book. If a convert to Communism could be persuaded that he was a citizen of the world, it of course would be much easier to make him a traitor to his own country» (McCarthy).

В своем публичном выступлении политик может обратиться к прошлому в целях аргументации. В качестве аргументативного приема может рассматриваться, например, ссылка на авторитетное мнение. В своей речи в Американском университете («American University Commencement Address»), произнесенной 10 июня 1963 г., американский президент Дж. Кеннеди приводит слова своего предшественника президента В. Вильсона и английского писателя Дж. Мейсфильда:

«Professor Woodrow Wilson once said that every man sent out from a university should be a man of his nation as well as a man of his time, and I am confident that the men and women who carry the honor of graduating from this institution will continue to give from their lives, from their talents, a high measure of public service and public support. "There are few earthly things more beautiful than a university," wrote John Masefield in his tribute to English universities – and his words are equally true

today. He did not refer to towers or to campuses. He admired the splendid beauty of a university, because it was, he said, "a place where those who hate ignorance may strive to know, where those who perceive truth may strive to make others see» (Kennedy).

Приведенные высказывания подтверждают мысль оратора о значимости университетского образования для человека и общества.

В публичном политическом выступлении, посвященном проблемам современности, описание прошлого может служить для создания контраста с современностью. В своем известном выступлении «У меня есть мечта» («I Have a Dream»), произнесенном 28 августа 1963 г., американский правозащитник М. Л. Кинг обращается к моменту подписания Авраамом Линкольном «Прокламации об освобождении рабов» в 1862 г. При этом оратор акцентирует контраст между оптимистичными ожиданиями, которые вызвало подписание документа сто лет назад и печальным настоящим, в котором ожидания афроамериканцев на получение прав и достойный уровень жизни не оправдались.

«Five score years ago, a great American, in whose symbolic shadow we stand today, signed the Emancipation Proclamation. This momentous decree came as a great beacon light of hope to millions of Negro slaves who had been seared in the flames of withering injustice. It came as a joyous daybreak to end the long night of their captivity.

But one hundred years later, the Negro still is not free. One hundred years later, the life of the Negro is still sadly crippled by the manacles of segregation and the chains of discrimination. One hundred years later, the Negro lives on a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity. One hundred years later, the Negro is still languished in the corners of American society and finds himself an exile in his own land. And so we've come here today to dramatize a shameful condition» (King).

В целях придания своей речи большей убедительности и с намерением проиллюстрировать сказанное, политик может привести историю из своей жизни. К данному приему использования исторического дискурса обращается американский президент Р. Рейган в своей речи («Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals») 8 марта 1983 г. Выступление получило известность под названием «Империя зла» («Evil Empire») и отличается особой выразительностью. Оратор эмоционально обличает коммунизм, убеждая аудиторию в «греховности» коммунистического режима. В своих рассуждениях президент опирается на мнение

аудитории, приводя историю, случившуюся с ним, в качестве аргумента и иллюстрации отрицательного отношения американцев к коммунистической идеологии:

«A number of years ago, I heard a young father, a very prominent young man in the entertainment world, addressing a tremendous gathering in California. It was during the time of the cold war, and communism and our own way of life were very much on people's minds. And he was speaking to that subject. And suddenly, though, I heard him saying, "I love my little girls more than anything." And I said to myself, "Oh, no, don't. You can't – don't say that." But I had underestimated him. He went on: "I would rather see my little girls die now; still believing in God, than have them grow up under communism and one day die no longer believing in God» (Reagan).

Обращаясь в своем выступлении к религиозной аудитории, президент рассказывает притчу-анекдот, подтверждающий стереотип об аморальности политиков. В своей дальнейшей речи Р. Рейган опровергает данное представление.

«An evangelical minister and a politician arrived at Heaven's gate one day together. And St. Peter, after doing all the necessary formalities, took them in hand to show them where their quarters would be. And he took them to a small, single room with a bed, a chair, and a table and said this was for the clergyman. And the politician was a little worried about what might be in store for him. And he couldn't believe it then when St. Peter stopped in front of a beautiful mansion with lovely grounds, many servants, and told him that these would be his quarters. And he couldn't help but ask, he said, "But wait, how – there's something wrong – how do I get this mansion while that good and holy man only gets a single room?" And St. Peter said, "You have to understand how things are up here. We've got thousands and thousands of clergy. You're the first politician who ever made it"» (Reagan).

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что публичная политическая риторика, отражающая воспоминания об известной личности, событии (памятная, мемориальная речь), может быть рассмотрена как исторический дискурс (дискурс памяти). При этом дискурсом памяти будем считать текст, произнесенный в ситуации воспоминания об определенных исторических событиях, обстоятельствах, персоналиях. Элементы дискурса памяти можно обнаружить в других видах политических речей. Политики-ораторы при-

бегают к упоминанию и рассказу о событиях прошлого в связи со своим намерением аргументировать свою позицию, информировать аудиторию об историческом контексте сложившейся ситуации, придать речи особую выразительность.

Список литературы

Coolidge C. July 5, 1926: Declaration of Independence Anniversary Commemoration. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-5-1926-declaration-independence-anniversary-commemoration>

Kennedy J. F. American University Commencement Address. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkamericanuniversityaddress.html>

King M. L. I Have a Dream. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkhaveadream.htm>

McCarthy J. Prosecution of E. R. Murrow on CBS "See It Now". URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/josephmccarthybsseeitnow.htm>

Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganevil-empire.htm>

Алёшина Е. Ю. Падение берлинской стены (9 ноября 1989 года) в современных СМИ: дискурс памяти // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 30 ноября – 3 декабря 2020 г.). Пенза : ПензГТУ, 2021. С. 211–218.

Алёшина Е. Ю. Публичное выступление, посвященное политическому конфликту. М. : Прометей, 2020.

Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000.

Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.

Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5–11.

Рождественский Ю. В. Теория риторики. М. : Добросвет, 1997.

**Эволюция образа Великой
Отечественной войны
в международном политическом
дискурсе и в исторической
памяти россиян**

**Очкина Анна Владимировна,
Павельева Ульяна Олеговна**

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Новая холодная война выстраивается как глобальная война ценностей, цивилизаций: свобода, открытость и толерантность Запада против тирании, коррупции и дискриминации в России. Образ и того, и другого оппонента упрощен до полной потери связи с реальным прототипом. Сегодня необходимы усилия народной дипломатии для противостояния пропаганде и налаживания взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества, в том числе и для решения глобальных проблем современного мира. Кроме того, России необходимо беречь историческую память о Второй мировой и Великой Отечественной войне, воспитывать молодое поколение в уважении к подвигу советского народа. Но стоит делать это не за счет идеологического давления, а путем вдумчивого и объективного изучения подлинной истории Победы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, холодная война, историческая память

Evolution of the Image of the Great Patriotic War in International Political Discourse and in the Historical Memory of Russians

Anna V. Ochkina, Uliana O. Pavelyeva

Penza State University, Russia

Abstract. The new Cold War is being built as a global war of values, civilizations. Freedom, openness and tolerance of the West are opposed to tyranny, corruption and discrimination in Russia. The images of both opponents are simplified to a complete loss of connection with the real prototype. The world needs today the efforts of people's diplomacy to counter propaganda. The peoples must establish mutually beneficial interaction and cooperation to solve the global problems of the modern world. In addition, Russia needs to preserve the historical memory of World War II and the Great Patriotic War, to educate the younger generation in respect for the feat of the Soviet people. But this must be done not at the expense of ideological pressure, but through a thoughtful, objective and understanding study of the true history of Victory.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, Cold War, historical memory

Введение

Сегодняшнее второе пришествие холодной войны имеет больше экономическую, чем идеологическую подоплеку: у России и Запада нет идеологических противоречий, зато есть очевидное столкновение экономических и геополитических интересов. Новая холодная война выстраивается как глобальная война ценностей, цивилизаций: свобода, открытость и толерантность Запада против тирании, коррупции и дискриминации в России. Образ и того, и другого оппонента упрощен до полной потери связи с реальным прототипом.

Образ Великой Отечественной войны в исторической памяти россиян: краткий экскурс

Однако глобализирующийся мир, относительная прозрачность границ затрудняет конструирование образа и России, и Запада так, чтобы гражданам не были заметны отклонения от реальности. В связи с этим в западной версии идеологического противостояния удар наносится по прошлому, в частности по роли СССР в победе над фашизмом во Второй мировой войне.

«XXI век, как показали первые пятнадцать лет, будет веком, в котором продолжится острое соперничество между разными центрами силы за ресурсы. Это будет борьба за выживание, в центре которой, будет стоять вопрос о судьбе человека, сохранении и развитии культуры и гуманизма. II в этой борьбе великий опыт совместной борьбы против фашизма, осененный идеей социализма, обязательно будет востребован для будущей жизни, потому что именно идея молодого, даже раннего социализма, получившая закалку в горниле войны и в лучах Победы, доказала свою жизнеспособность и явила целому миру притягательную и реальную альтернативу старому миру частной собственности и капитала» (Ундалов, 2015).

Несмотря на турбулентность российской истории, на радикальные перемены последних тридцати лет, которые произошли в общественном строе и идеологии, память о Великой Отечественной войне остается самой защищенной частью общественного сознания, прообразом той национальной идеи, которую Россия так ищет последние годы. Социологи свидетельствуют, что в «российском историческом сознании Вторая мировая война занимала и занимает

особое место. Несмотря на то, что историческая память о войне подверглась и подвергается регулярным, настойчивым атакам как изнутри страны, так и извне, историческое сознание демонстрирует значительную устойчивость» (Проказина, Дорохова, Хатнюк, 2017).

Историческая память общества абсолютно не свободна от политического и идеологического влияния. Особенно – память о войнах, в результате которых меняются границы, перераспределяется власть, устанавливается новый миропорядок.

«Огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это и произошло в начале XX века в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран» (Сенявская, 2009).

Поэтому историческая память, особенно символическое, эмоционально окрашенное и ценностно-чувственное восприятие исторических событий, является, по сути, социальным конструктом, в котором идеология, пропаганда, мифы, реальная история и народная память под воздействием различных социальных, политических и культурных обстоятельств переплетаются и образуют единый символический комплекс.

Интерпретация победы во Второй мировой войне, всех связанных с ней процессов никогда не была политически нейтральной, оценка этого важнейшего события истории XX в. неизменно была связана и с расстановкой политических оценок, и с реализацией противоположных геополитических интересов.

«Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по

данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30 %). Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только «абстрактный» характер, но и всегда имело политическое значение» (Сенявский, Сенявская, 2009).

В 1980-х гг., особенно с началом Перестройки, на Западе стал формироваться образ общей победы союзников, но длительная идеологическая обработка западных обществ сделала свое дело, уже выросли целые поколения молодежи Западного мира, не представляющие себе реального масштаба участия Советского Союза во Второй мировой войне. Более того, довольно успешно был внедрен в общественное сознание образ СССР как тоталитарного государства, «империи зла». И временное потепление во время Перестройки не смогло существенно поколебать сложившиеся представления. Крушение Советского Союза и социалистического блока пошатнуло установленный после Второй мировой войны миропорядок, в частности нерушимость послевоенных государственных границ. Раскол государств и разрыв прежних соглашений нуждались в идеологическом оформлении, нужно было объяснить, легализовать нарушение послевоенных международных договоренностей.

«Ревизии или "корректировке" в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростным атакам подверглись представления о Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамская система. Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире. Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х годов, естественно, поставили под вопрос не только саму систему, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны не только основных побежденных стран и их союзников, но и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире» (Сенявский, Сенявская, 2009).

И вокруг истории Второй мировой до сих пор бушует информационная война, жертвами которой становятся надежды граждан всех стран на мирное и бесконфликтное развитие. Россия в этой войне – также только образ, а не реальная страна со своей историей, траге-

диями и достижениями, со специфической, объективно высоко значимой ролью в мировом развитии. Россия в этом информационном противостоянии – агрессивная, тоталитарная страна с культурой и традициями, противоречащими европейским ценностям.

Между тем в России Великая Отечественная война была и остается важнейшим сегментом исторической памяти, своего рода «точкой сборки нации», основным интегрирующим воспоминанием. Действительно, любое иное событие истории XX в. является, скорее, «яблоком раздора», стимулируя идеологические и политические споры: Октябрьская революция, репрессии Сталинского периода, 20-й съезд КПСС, Перестройка, образование СНГ и получение Россией независимости и т.д.

Такие исторические события, как, например, Первая мировая война, просто не занимают серьезного места в исторической памяти россиян, и в этом заключается заметное различие между общественной оценкой Первой мировой войны у нас и на Западе. Замалчивание, принижение Первой мировой войны укладывалось в идеологическую концепцию «империалистической войны», восторжествовавшей в России после Октябрьской революции. Кроме того, герои Первой мировой и Великой Октябрьской были по большей части оппонентами и даже врагами.

«Было приложено максимум усилий, чтобы "вытравить" все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем, в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.)» (Сенявский, Сенявская, 2009).

Вторая же мировая война и, главное, Великая Отечественная для всех периодов советской и постсоветской истории России остается важным историческим символом, своего рода аргументом в пользу величия России, ее национальной идеей и важнейшим элементом ее образа в различных конструкциях патриотизма.

«В течение долгого периода времени популярное сознание фокусировалось на трех легендаризированных событиях отечественной истории: Октябрьской революции 1917 г., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоении космоса. Со сменой идеологии внимание и интерес к свершениям Великого Октября ушли в прошлое, покорение космоса, которым мы, тем не менее, по-прежнему гордимся, также вышло из зоны актуализации, осталась память о ранах и орденах отцов и дедов и по-прежнему увеличивающийся интерес к победам и драмам Великой Отечественной войны» (Каменчук, Федоров, 2009).

Неправомерно утверждать, что образ Второй мировой и Великой Отечественной войны не подвергался в нашей стране сознательной идеологической обработке. Однако историческая память о Великой Отечественной и Второй мировой формировалась в России в рамках поколений, если выделять их в соответствии с определенными периодами советской истории. Мы воспользовались периодизацией советских поколений, предложенной политологом Владимиром Пастуховым (Пастухов, 2020), поскольку в ней в качестве критерия разграничения поколений используются события советской истории, оказавшие наибольшее влияние на общественное сознание и процесс социализации. В. Пастухов называет следующие поколения:

- фронтовики (1910–1925 годы рождения);
- шестидесятники (1925–1940);
- семидесятники (1940–1955);
- поколение Перестройки (1955–1970);
- разочарованное поколение (1970–1985);
- потерянное поколение (1985–2000);
- поколение без будущего (2000–2015).

При всей условности обобщений эта периодизация позволяет нам выявить не только этапы изменений самого советского общества, но своего рода реперные точки в динамике отношения общества к советскому государству и советской истории и, следовательно, в отношении к Великой Отечественной войне.

Поколение «фронтовиков» воспринимало войну как часть своей жизни, время потерь, достижений, побед и поражений. Подвиг и победа советского народа для большинства из них, при всем многообразии идеологических и политических представлений этой группы, были несомненными. То же самое можно сказать и о «поколении шестидесятников», для которых война – это детство и юность, это непосредственно переживаемая гибель близких, это голод, ужас и смерть.

Представители поколения «фронтовиков» и «шестидесятников» сделали очень много для художественного воплощения истории войны, для формирования ее образа в общественном сознании, который жив до сих пор. Так, согласно недавнему опросу известного отечественного сервиса «Кинопоиск» в тройку самых любимых россиянами военных фильмов вошли «В бой идут одни старики» (режиссер Леонид Быков), «А зори здесь тихие» (режиссер Станислав Ростоцкий) и «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой. Четвертое и пятое место в рейтинге зрительских симпатий заняли картины «Иди и смотри» Элема Климова и «Летят журавли» режиссера Михаила Калатозова (Россияне назвали любимые фильмы о Великой Отечественной войне, 2020).

Телеканал «Русский бестселлер» в апреле 2020 г. также провел опрос (Сенявская, 2009), выясняя зрительские симпатии и предпочтения молодежи в отношении военных фильмов. Пользователям задавали вопрос о том, какой фильм о Великой Отечественной войне у них самый любимый. Назвать можно было только одну картину. Всего было опрошено 367 человек в возрасте от 12 до 24 лет. Согласно результатам опроса, картины расположились следующим образом:

- «А зори здесь тихие» – 20 %;
- «В бой идут одни старики» – 14 %;
- «Они сражались за Родину» – 10 %;
- «Битва за Севастополь» – 8 %;
- «Т-34» – 7 %;

- «Офицеры» – 5 %;
- «28 панфиловцев» – 4 %;
- «Брестская крепость» – 3 %;
- «Семнадцать мгновений весны» – 3 %;
- «Иди и смотри» – 2 %.

Авторами самых любимых и у россиян в целом, и у молодежи фильмов являются представители поколений «фронтовиков» – Ростокский, Лиознова, Бондарчук и «шестидесятников» – Леонид Быков. И большинство названных в опросах фильмов сделаны представителями поколения 1910–1925 гг. рождения, «поколения фронтовиков». Таким образом, именно их впечатления и чувства, именно их восприятие войны является сегодня доминирующим фактором формирования общественных представлений о войне.

Четыре из десяти фильмов, которые молодые зрители назвали любимыми, – это фильмы режиссеров, принадлежащих в основном к «поколению Перестройки». Сформировавшийся у этого поколения образ Второй мировой и Великой Отечественной не может не быть противоречивым, он несет на себе отпечаток всех идеологических противоречий и политических трансформаций последних пятидесяти лет российской истории.

«С одной стороны, "поколение Перестройки", особенно старшие его представители, в 1970–80-х годах застали усиление культа Победы, расцвет ее художественного осмысления и иконизации. С другой стороны, именно это поколение вынуждено было наиболее радикально переосмысливать советский период истории России, в том числе и историю войн. На восприятие событий периода Второй мировой представителями "поколения Перестройки" сильное влияние оказала и компания "демифологизации" истории, целью которой является подрыв символов социальной памяти. Примером может служить попытка поставить под сомнение достоверность ряда хрестоматийных фактов, в первую очередь связанных с подвигами Н. Гастелло, З. Космодемьянской, 28-ми героев-панфиловцев, А. Матросова и др.» (Никифоров, 2009).

С начала XXI в., особенно к концу его первого десятилетия, мы можем наблюдать возрождение культа Великой Победы, который до-

стиг пика в 2014 г. на фоне актуализации и интенсификации идеологии патриотизма. 9 мая 2014 г. состоялось первое шествие Бессмертного полка, которое с того момента только набирает популярность, причем в первую очередь у молодых людей.

Однако периоды демифологизации и дегероизации истории не прошли даром, тем более что в новых художественных произведениях о войне почти обязательно делается упор на противоречиях, трагедиях и – довольно часто – преступлениях сталинского периода советской истории. Мультипликация информации и оценок, связанных с историей Великой Отечественной в сочетании с усилиями государственной пропаганды по регероизации военных событий, породили в общественном сознании в отношении к нашей великой победе своеобразное сочетание восхищения с невежеством.

Анализируя результаты социологических опросов 2009 г. по поводу знаний о войне, социологи отмечали:

«Как известно, историческое знание лежит не только в фактографической плоскости, а в случае со столь драматическими страницами истории народа жертвы и победы становятся символом. После безразличных и беспамятных 1990-х гг. пришло время, когда вновь пробудился значительный интерес к жертвам и подвигам военной поры. Остается надеяться, что глубоко впечатлившиеся в народную память символы со временем вернут себе частично утраченную оправу из имен и дат» (Каменчук, Федоров, 2009).

Согласно опросу ВЦИОМ, россияне в целом довольно хорошо осведомлены о событиях Второй мировой войны, еще лучше – Великой Отечественной. Однако в аналитическом докладе ВЦИОМ отмечается, что достоверность ответов зависит от возраста респондента:

«Точную дату начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) могут назвать 69 % взрослых россиян, однако наблюдается более чем существенная разница в ответах молодого, зрелого и старшего поколения: если в группе 18–24-летних верный ответ дают только 40 %, то среди 45–59-летних – 83 %» (ВЦИОМ, 2019).

В докладе утверждается также, что «в последние несколько лет внимание россиян к теме Великой Отечественной войны заметно усилилось: так, о встречах с ветеранами сообщили 45 % опрошенных

(в 2014 г. – 35 %), о посещении мест боевой славы, музеев, посвященных войне, – 61 % (против 30 % в 2014 г.), захоронений погибших воинов – 51 % (против 28 %). Подавляющее большинство граждан смотрели фильмы о войне (88 %), при этом востребованность тематической литературы в разы ниже: в течение года соответствующие книги прочли 23 % респондентов, причем с 2014 г. эта доля снизилась (с 30 %)» (ВЦИОМ, 2019).

Можно сделать вывод о том, что интерес к военной теме у россиян становится менее серьезным, менее глубоким, люди не интересуются историческими подробностями, но отдают все большее предпочтение ритуалам и увлекательным военным историям. Несмотря на это, можно сказать, что Великая Отечественная война и победа прочно укоренились в исторической памяти, и победа во Второй мировой войне остается предметом гордости и одной из немногих интегрирующих ценностей.

Таким образом, складывается ситуация, когда Великая Отечественная война, с одной стороны, – важнейшее для современной России историческое событие, несущее огромный воспитательный и интегрирующий потенциал, с другой – событие, являющееся «яблоком раздора» в политических спорах и в результате этого покрывающееся «идеологической пылью». С одной стороны, все большую популярность приобретают такие патриотические мероприятия, как «Бессмертный полк», «Вахта победы» и т.д., с другой стороны, падает, особенно у молодежи, интерес к подлинной истории Второй мировой и Великой Отечественной.

Социологические исследования позволяют увидеть некоторую двойственность в отношении молодых россиян к Великой Отечественной войне. С одной стороны, очевидно, что это важная часть исторической памяти молодого поколения, один из наиболее внятных и эмоционально окрашенных ее элементов. Так, например, в социологическом исследовании, проведенном в Педагогическом институте имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета, анкетирование показало, что

«Абсолютное большинство (83 %) опрошенных указали, что считают тему Великой Отечественной войны сегодня актуальной, а 14 % отметили, что ее значимость с каждым годом снижается; при этом 59,9 % понимают День Победы как день памяти по всем погибшим и на войне и пострадавшим от ге-

ноцида, 36,2 % – как праздник Великой Победы советского народа и только 2,1 % – как день памяти исключительно по погибшим на войне родственникам. При этом наиболее значимым морально-этический аспект в изучении и оценке ВОВ назвали 52,3 % участников анкетирования, а гражданско-патриотический – 38,6 %» (Нестеренко, Дашкина, Папшева, 2020).

При этом более подробное исследование представлений и настроений молодежи, связанных с Великой Отечественной войной, показало, что наиболее сильные эмоции у молодежи вызывают идеи пацифизма:

«49,3 % выбрали разоблачение негативных сторон войны (какой ценой далась победа, каково было положение отдельных групп населения), 26,7 % – разоблачение антигуманности войны, утверждение ценности жизни и пацифизма, 24 % – возвеличивание героизма народа-победителя».

Кроме того, фокус-группы позволили выявить сомнения студентов по поводу того, что у СССР не было планов завоевания и утверждения своего господства в результате победы, хотя большинство все же считают Советский Союз освободителем, а не захватчиком (Нестеренко, Дашкина, Папшева, 2020).

Нужно иметь в виду тот факт, что у молодого поколения сегодня очень большие возможности в получении информации, что противоречит их пока еще скромным способностям ее обработки. Однако заметна тенденция, согласно которой молодое поколение стремится к пониманию событий вне идеологических рамок и аксиом. Они хотят знать и понимать свою историю, и любые замалчивания и идеологические выверенные версии могут толкнуть молодых людей в противоположную от официальной сторону. Они могут качнуться к иной версии, принять ее за истину просто потому, что он не такая, как им навязывают.

Разумным представляется развивать тему Второй мировой войны в рамках общей кампании исторического просвещения. Причем сосредотачиваться нужно как на реальном знании, так и на личных историях, объединяя объективность исторического знания с субъективностью человеческого переживания. Так мы сохраним правду о войне и сбережем ее неприкосновенный святой образ в общественном сознании, используем сполна ее объединительный потенциал.

«Одним из механизмов поддержания и сохранения исторической памяти является функционирование общественных организаций и объединений ветеранов, блокадников, «детей войны»... Если событийная память может сохранять только положительные моменты, то реконструированная должна содержать только правду, вне зависимости от того, какой политический контекст она в себе содержит. Она не должна фальсифицировать поражения и просчеты, идеализировать победы» (Немирова, 2015).

Сохранить живую, личную память о войне, запечатлеть ее в культуре, одновременно углубляя знание и понимание событий тех трагических лет – вот рецепт актуализации сохранения памяти о Второй мировой и Великой Отечественной в ее подлинном социальном, национальном и международном значении. Для России сегодня это становится условием не только победы в холодной войне, но даже большего – ее преодоления.

Выводы

Новая информационная война ставит под угрозу надежды граждан всех стран на мирное и бесконфликтное развитие. Сегодня необходимы усилия народной дипломатии для противостояния пропаганде и налаживания взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества, в том числе и для решения глобальных проблем современного мира.

И, конечно, сегодня нужны не парады, а кампания по возвращению живой памяти о войне. Это должно быть интересно и искренне. Сегодня необходима не единая идеологически выверенная версия истории, а внимание и уважение к истории подлинной. Умение принять ее без купюр, любя или ненавидя, восхищаясь или осуждая. Государству этого не осилить. Значит, кампания должна быть общественной. Такая альтернатива параду, только длиною в годы.

Список литературы

ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176>.

Каменчук О. Н., Федоров В. В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИ-Мо-Университета, специальный выпуск. 2009. С. 311–318.

Морозов Ю. В. Фальсификация итогов второй мировой войны в рамках информационно-коммуникационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.

Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной Войне. Опыт качественного социологического исследования // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. № 4 (63). С. 157–165.

Никифоров Ю. А. Фальсификация истории второй мировой войны: к постановке проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 1–9.

Пастухов В. Б. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» – к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета. 18.07.2015. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-budushego-187-i-dalshe>

Пентагон опубликовал свою версию истории Второй мировой с вторжением СССР // Лента.ру (lenta.ru). 2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/07/pentt/>

Российская молодежь назвала свой любимый фильм о Великой Отечественной войне. 2020. URL: <https://www.filmpro.ru/materials/72197>

Россияне назвали любимые фильмы о Великой Отечественной войне // РИА Новости (ria.ru). 07.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200507/1571094381.html?in=t>

Сенявская Е. С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 38–51.

Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 1–32.

Ундалов А. М. Об основных концепциях фальсификации роли СССР в победе над фашизмом // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovnyh-kontseptsiyah-falsifikatsii-rol-i-sssr-v-pobede-nad-fashizmom/viewer>

Часть III
Политика и общество

Part III
Politics and Society

Отказ от политического выбора в России: причины и последствия

**Всеволод Валентинович Константинов,
Наталья Юрьевна Прохорова**

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Рассматривается проблема абсентеизма, т.е. отказа от политического выбора, как одной из форм политического поведения. Приведены примеры проявления абсентеизма в России и других странах. Проанализированы причины неучастия в политических выборах россиян в рамках пилотного исследования.

Ключевые слова: политика, политический выбор, избиратели, отказ от участия в выборах

Rejection of Political Choice in Russia: Causes and Consequences

**Vsevolod V. Konstantinov,
Natalia Yu. Prokhorova**

Penza State University, Russia

Abstract. The article deals with the problem of absenteeism, i.e. the rejection of political choice as a form of political behavior. The authors give examples of absenteeism manifestation in different countries, including Russia. The reasons for non-participation in political elections of Russians in the framework of a pilot study are analyzed.

Keywords: policy, political choice, voters, refusal to participate in elections

Введение

Выборы – это основной механизм осуществления демократии, которая строится на предоставлении народу права опосредованно управлять своей страной. На сегодняшний день голосование является одной из самых распространенных форм общественного участия. В связи с этим проблема роста числа граждан, проявляющих отказ от участия в выборах, являлась и является до сих пор объектом пристального внимания исследователей различных научных сфер.

Сегодня одной из главных характеристик общества по праву называют информатизацию, когда главными продуктами производства становятся преимущественно информация и знания. Информационная культура, в свою очередь, предполагает наличие у граждан и общества в целом способности, во-первых, эффективно использовать информационные ресурсы и средства информационных коммуникаций, а во-вторых, применять передовые достижения в области развития средств информатизации и информационных технологий.

Отказ от политического выбора как форма политического поведения

Влияние средств массовой информации на политические установки, как известно, трудно идентифицировать. Ученые связали пять тенденций с низким доверием к правительству:

1. Негативная рекламная кампания и ее освещение в средствах массовой информации (Geer, 2012, Lau, 2007).
2. Больше внимание стратегии и опросу при освещении выборов (Aalberg, 2012, Cappella and Jamieson, 1997).
3. «Нецивилизованный» подход в освещении новостей и блогосферы (Vorah, 2013, Mutz, 2005).
4. Внимание к «мягким» новостям (Boukes and Boomgaarden, 2015).
5. Больше освещение поляризации (Persily, 2017).

Политический процесс и тем более ситуация «предвыборной гонки» предполагает круговорот огромного количества информации.

Данное обстоятельство напрямую формирует потребность в навыках анализа этого общего потока и вычленения из него необходимого материала для принятия объективного решения (например, голосовать за определенного кандидата или отказаться от политического выбора). Так, В. Н. Лавриненко в качестве одной из причин отказа от участия в выборах отмечает «недостаток и противоречивость информации о кандидате и партиях». Из этого следует, что низкий уровень информационной культуры может являться косвенным фактором неучастия граждан в политических выборах.

Информационная культура тесно связана с культурой политической, так, Д. В. Ольшанский отмечает, что последняя предполагает наличие определенного уровня знаний о политической жизни страны. Отсюда можно сделать вывод, что человек с высоким уровнем политической культуры должен обладать навыками ориентации в информационной среде.

Формирование информационной культуры начинается с возникновения интереса к информации относительно конкретной сферы деятельности. В нашем случае этой сферой является политическая жизнь страны в целом и политических объектов (партий, кандидатов на выборах и т.д.) в частности. В последние годы исследователи констатируют снижение интереса граждан к политике. Современные СМИ во многом способствовали превращению общественно-политической жизни в зрелище, которое несет огромное количество разноаспектной информации, среди которой выбрать нужную и, главное, объективную, очень сложно.

По результатам эмпирического анализа данных, который был проведен в период с 2009 по 2019 г., мы можем говорить о том, что отношение российского населения к выборам представляется противоречивым. В 2009 г. в типичном российском регионе (Пензенская область) было проведено научное исследование, которое было посвящено долгосрочному снижению участия граждан в выборах с учетом основных факторов (социально-психологических, личных, гендерно-возрастных и др.), определяющих отказ от политического выбора (N = 970 респондентов).

Под выражением тенденции отказа от политического выбора мы подразумеваем частоту участия в выборах. Острота проблемы отказа личности от участия в выборах обусловлена содержанием деятель-

ности демократического государства, что подразумевает постоянный контроль динамики отказа от участия в выборах. Бесконтрольный рост числа избирателей в России, отказывающихся голосовать, может иметь серьезные последствия: от массовых обид и протестов до состояния тотальной пассивности и отсутствия какого-либо интереса к событиям страны.

Поскольку за последнее десятилетие в России наблюдалась определенная тенденция снижения электоральной активности во всех возрастных группах, в 2019 г. мы попытались пересмотреть причины отказа от политического выбора, используя аналогичные методы диагностики субъектов (N = 955 респондентов).

Около 60 % граждан считают, что выборы вообще рассматриваются как лучший способ передачи власти. С другой стороны, качество выборов рассматривается населением негативно: 30 % респондентов (в 2009 г.) и 15 % (в 2019 г.) считают, что выборы в России «имеют тенденцию проходить честно, без нарушений». Лишь 15 % респондентов (в 2009 г.) и 75 % (в 2019 г.) однозначно отвергают утверждение, что «как бы человек ни голосовал, все равно ничего не меняет».

Мы наблюдаем, что наиболее пассивными избирателями, к сожалению, являются молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Число граждан в возрасте от 18 до 35 лет, которые включены в списки избирателей, составляет 33,16 % от общего числа избирателей.

Сегодня значение молодежи в связи с экономическим бременем, которое она будет нести в дальнейшем, как никогда важно. Нынешняя молодежь – это те граждане, которые будут определять уровень жизни для себя, для старшего поколения и растущего поколения.

Отчуждение молодежи от политики в России некоторые ученые объясняют следующими факторами: само общество является причиной снижения активности молодежи. Второй фактор: интересы молодежи в настоящее время сосредоточены на проблемах сохранения ее существования и выживания в современных условиях. В третьем говорится о том, что молодежь, с одной стороны, не видит необходимости делать что-либо принципиально на жизненном пути, а с другой – не считает политическую деятельность значимой для себя, находя более перспективные пути и сферы самоутвержде-

ния и личной самореализации. Четвертый фактор – быстрое развитие средств массовой информации и потеря доверия к ранее популярным источникам информации.

Развернутый социально-психологический анализ формирования и проявления интереса к политической жизни страны приводит Г. Г. Дилигенский. Он отмечает, что «интенсивность интереса к политике во многом зависит от ряда личностных характеристик людей: особенностей биографии, интеллектуальных способностей и потребностей, словом, от сложной совокупности индивидуальных свойств, исследование которых выходит за рамки собственно социально-политической». Вместе с тем на интерес к макросоциальной и политической сфере влияют и определенные социальные переменные, среди такого рода объективных факторов выделяются: уровень образованности, социально-экономическое положение людей (а точнее – динамика этого положения). Если индивид или группа воспринимают свой экономический и материальный статус как относительно удовлетворительный, «нормальный» и стабильный, происходящее в «большом обществе» и политике может представляться им чем-то малозначащим для их собственной жизни. Нередко для подобного психологического разрыва между индивидуальной и общественной жизнью достаточно одной лишь стабильности: стабильная материальная бедность, как и стабильное благосостояние, воспринимается просто как имманентная константа данного индивидуального или группового бытия. Подобное «как бы счастье» способно замыкать интересы человека в рамках частной жизни, отгораживать от всего, что находится за этими рамками. Напротив, угроза индивидуальному или социальному статус-кво, исходящая извне: от политики властей или действий каких-то социальных сил, от сдвигов в международной ситуации или от макроэкономических процессов – может резко усиливать интерес к соответствующим сферам общественно-политической действительности (Дилигенский, 1996).

Кроме того, на интерес к этой действительности влияет практическая вовлеченность человека в общественную и политическую деятельность. Профессиональные политики, активисты, члены и участники политических и общественных организаций и движений, ответственные сотрудники госаппарата значительно отличаются в этом отношении от остальной массы граждан. Среди переменных, влияющих на интерес людей к познанию социально-политической

действительности и особенно его интенсивность, выступает оценка ими собственных возможностей влиять на политическую ситуацию.

Все названные факторы воздействуют не только на интенсивность интереса к общественно-политической жизни, но и на его конкретную направленность, способы его реализации. От того, почему человек интересуется политикой, зависит, что именно его интересует и как осуществляется процесс познания. Интеллектуальные и культурные факторы влияют, прежде всего, на широту и масштаб социально-политических интересов: чем сильнее действуют эти факторы, тем более свободен от эгоистических мотивов познавательный процесс.

Влияние типа общественно-политических познавательных интересов на качество и результаты познавательного процесса убедительно отражает типология, предложенная К. Г. Холодковским. Наряду с не интересующимися политикой этот автор выделяет активно и пассивно интересующихся ею (Холодковский, 1979).

На мнения пассивно интересующихся граждан массовая информация оказывает особенно сильное влияние в силу того, что они мало способны оценивать и отсеивать эту информацию сквозь призму своих собственных позиций и ценностей. Формируемые таким образом мнения неустойчивы, изменчивы, зависят от сиюминутной конъюнктуры, от последней «самой свежей» новости. «Пассивно интересующиеся» мало способны соединять представления, основанные на собственном опыте, с теми, которые они заимствуют из источников информации: их политическое сознание носит «ключковатый», мозаичный характер. То же можно сказать о тех, кто вообще не интересуется политикой, с той разницей, что в их системе представлений особенно велик удельный вес устойчивых, поддающихся лишь медленным изменениям стереотипов.

Пик проблемы отказа от политического выбора наблюдался в 1994 г., когда низкая посещаемость местных выборов в России привела к сокращению избирательного минимума до 25 %. В настоящее время с каждым днем растет число граждан, проявляющих отторжение к выборам.

Таким образом, демократическое общество действует по своей природе как ускоритель развития личности, предоставляя ему свободу выбора и действий, а также право принимать активное участие

в создании своей жизни и жизни страны. Проблема в том, что не каждый гражданин готов воспользоваться этими «привилегиями», не желая действовать самостоятельно и по собственной инициативе.

Отказ от участия в выборах – одна из форм политического поведения, наряду со стихийными и организованными акциями толпы, акциями в поддержку и против существующего государственного строя и т.д. Явление отказа от политического выбора на выборах часто рассматривается как общий термин «абсентеизм», который означает уклонение граждан от участия в политической жизни страны. Первыми исследователями абсентеизма стали представители Чикагской школы политических наук Ч. Е. Мерриам и Г. Ф. Госnell. В 1924 г. они опросили американских избирателей, чтобы определить мотивы неучастия в выборах. В дальнейшем проблема абсентеизма рассматривалась в рамках исследований избирательных процессов. Исследования в этом направлении проводили С. Липсет (1961), Э. Виастр (1978), С. Верба (1980), Р. Даль (2000) Г. Лассвель (2016) и другие.

Проблема абсентеизма характерна для многих стран мира. Так, в США в общенациональных выборах принимают участие, как правило, чуть более половины избирателей. При этом исследования массового политического поведения показывают, что только незначительное число людей в разных странах и политических системах руководствуется в своем поведении идеологическими соображениями. Американский политический психолог Ф. Конверс полагает, что число таких граждан в разных странах колеблется от 10 до 25 %.

Анализ результатов анкетирования

Под выражением абсентеизма мы подразумеваем частоту отказа человека от участия в выборах. Соответственно, мы выделили 3 градации этой тенденции: малую степень неприятия политического выбора («всегда голосую»), среднюю степень («редко голосую») и высокую степень неприятия выборов («никогда не голосую»). Для проведения пилотного исследования была разработана анкета, направленная на определение масштабов тенденции отказа от политического выбора и выявление основных причин отказа граждан от участия в выборах. Опросник включал открытые и закрытые вопросы, которые были объединены в 3 кластера: «Выражение отказа

от политического выбора», «Субъективные причины отказа от какого-либо политического выбора» и «Индивидуальные и демографические характеристики».

Выражение тенденции к отказу от политического выбора определялось в соответствии с ответами на вопросы первого блока анкеты. При этом следует отметить, что в анкете уточнялось, что речь идет об отказе от участия в выборах, что не было вызвано объективными обстоятельствами (болезнь, непредвиденные ситуации и т.д.). Мы провели личное интервью с респондентами по вопросу восприятия и оценки власти в России. В ходе собеседования респонденты должны были оценить достоверность источников информации, касающейся политических партий и кандидатов в законодательные органы, оценить степень нарушения исполнительной властью прав граждан в России, определить ценность каждого голоса и оценить прозрачность выборов.

Мы исходили из того, что чем ниже уровень социальной изоляции, тем выше вероятность неучастия индивида в выборах. Чем более эмоционально насыщена жизнь человека и чем выше степень удовлетворенности настоящим, чем ниже политическая деятельность и, наоборот, чем меньше эмоций в повседневной жизни человека и чем больше его не устраивает нынешнее состояние, тем реже он проявляет отказ от участия в выборах.

В ходе основного эмпирического исследования мы использовали следующие методы:

1. Анкета автора для определения проявления тенденции к отказу от какого-либо политического выбора, а также первичного выявления основных причин отказа граждан от выбора какого-либо политического лидера или партии и фиксации выбранных социально-демографических характеристик.
2. Методика диагностики уровня социального расслоения Л. И. Васермана.
3. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса.

4. Личное интервью с респондентами по вопросу восприятия оценки власти в России (те же вопросы, что и в 2009 г.).

Данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты качественной и количественной обработке.

Среди основных причин неучастия в политических выборах представители всех возрастных групп отметили отсутствие веры в возможность что-то изменить своим голосом (30 % в 2009 г., 75 % в 2019 г.); недоверие к власти (20 % в 2009 г., 55 % в 2019 г.). При этом опытные молодые люди также отмечали отсутствие интереса к политике, низкую вовлеченность в политическую жизнь страны (12 % в 2009 г., 37 % в 2019 г.). Кроме того, вторым по популярности ответом молодых людей стала лень (27 % в 2009 г., 25 % в 2019 г.), поэтому они не смогли заставить себя пойти в избирательный участок проголосовать. На первый взгляд этот мотив кажется довольно комичным, но в то же время распространенность его вызывает некоторую тревогу у нынешнего молодого поколения.

В ходе качественного анализа результатов все респонденты были разделены на три группы по степени электоральной активности: «всегда голосую», «редко голосую» и «никогда не голосую». При этом следует учитывать, что минимальный возраст респондентов – 22 года, то есть они уже 4 года имеют право голоса. В итоге 48 % из 955 респондентов «всегда голосуют» (из 970 – 28 % в 2019), 42 % редко голосуют (из 970 – 58 % в 2019) и 10 % (из 970 – 18 % в 2019) никогда не голосовали. Группа опрошенной молодежи требует более тщательного анализа, среди них всегда голосуют только 20 %, редко – 30 % и никогда – 50 %.

По данным пилотного исследования, у граждан, постоянно участвующих в выборах, чувство протеста не выражено ярко, самое явное чувство протеста у молодых людей, которые никогда не голосовали – почти 50 %. Люди с более высоким уровнем интереса и знаний, как правило, участвуют в политике с большей периодичностью. У редких избирателей протест не является определяющей причиной отказа от участия в выборах. Таким образом, число граждан, сознательно исключающих свое участие в выборах и негативно к ним относящихся, крайне мало и преимущественно включает молодежь. В то время как большинство тех, кто отказывается от участия в выборах, нейтральны и полностью исключены из политиче-

ской ситуации в стране, что в итоге выражается в отказе от участия в выборах.

Что касается путей политической активизации граждан, большинство опрошенных молодых людей заявили, что они должны быть заинтересованы (материально или через образование и участие в общественных организациях) или просто вынуждены. Таким образом, большинство подрастающего поколения занимает крайне пассивную позицию по отношению к политике государства, поэтому они ждут своего добровольного или принудительного включения в политическую жизнь страны, частью которой являются выборы.

Личное интервью демонстрирует смещение предпочтений к масс-медиа: в 2009 г. гражданин России склонен доверять телевидению (50 %), социальным сетям (28 %), газетам (23 %), но в 2019 г. социальные сети (65 %) заняли первое место, оставив позади телевидение (25 %) и газеты (10 %). В 2009 г. 13 % считали, что Россия – тоталитарное государство, в котором власть нарушает права граждан (72 % не согласились с утверждением, 15 % затруднились ответить), где, как и в 2019 г., цифра достигла 36 % (40 % не согласились с утверждением, 24 % затруднились ответить).

Таким образом, согласно результатам исследования в декабре 2019 г., среди основных причин отказа от участия в выборах были отсутствие веры в возможность что-либо изменить, недоверие, а также отсутствие интереса к политической жизни страны и низкая вовлеченность в нее.

В связи с этим мы выделили для дальнейшего изучения среди прочих такие факторы, как «Локус контроля-Я» и «Эмоциональная насыщенность жизни».

Числовые данные, полученные в ходе основного исследования, были преобразованы в порядковую и интервальную шкалы и помещены в матрицу исходных данных, которая была подвергнута математико-статистической обработке. Так, было определено, что степень выраженности отказа от политического выбора имеет положительную корреляцию с возрастом ($r_s = 0,343$ при $p = 0,01$), образованием ($r_s = 0,256$ при $p = 0,01$), локусом контроля ($r_s = 0,319$ при $p = 0,01$), степенью выраженности стратегии конфликтного поведения «Избегание» ($r_s = 0,170$ при $p = 0,01$) и отрицательную – с

полом ($r_s = -0,107$ при $p = 0,05$). Это означает, что большинство людей, проявляющих пассивную позицию по отношению к выборам, считают себя бессильными перед лицом трудностей, они не верят в возможность что-либо изменить в своей жизни и в жизни страны. Данный факт подтверждается ведущим мотивом отказа от участия в выборах (по результатам пилотного исследования) – неуверенностью в том, что своим голосом можно повлиять на ситуацию в стране. При этом чем старше человек, тем он политически активнее. Что же касается различий по степени электоральной активности между возрастными группами, было выяснено, что максимальную активность на выборах в Пензенской области проявляют лица послепенсионного возраста – от 55–60 лет, нижний предел не установлен, возможно, что в этом возрасте он в первую очередь зависит от состояния здоровья. Минимальная же активность была определена у молодежи в возрасте от 22 до 30. При этом люди с высшим образованием проявляют большую активность на выборах, чем граждане со средним. Соответственно, лица с низким уровнем образования чаще проявляют отказ от участия в выборах. Таким образом, принимаемые сегодня меры по политическому просвещению избирателей пока не привели к нивелированию разницы в уровне политической активности граждан с различным уровнем образования.

Проведенное исследование свидетельствует также о том, что частота отказа от политического выбора увеличивается с повышением уровня выраженности у граждан стратегии избегания конфликтного поведения и переходом от женской выборки к мужской.

Кроме того, были выявлены межфакторные корреляции. Так, удовлетворенность процессом жизни взаимосвязана с возрастом. Исходя из значений коэффициента корреляции, чем больше возраст, тем менее выражена удовлетворенность процессом жизни. При этом уже было отмечено, что с возрастом политическая активность повышается. Но в то же время с возрастом наблюдается тенденция понижения уровня негативизма. У молодых испытуемых данный фактор имеет максимальные значения, возможно, в том числе и поэтому молодежь чаще проявляет отказ от участия в выборах. Чем старше человек, тем ниже показатели по шкале процесса жизни ($r_s = 0,311$, при $p \leq 0,01$). Иначе говоря, большинство пожилых людей процесс своей сегодняшней жизни воспринимают как не столь интересный и эмоционально насыщенный, чем раньше. Это может

быть обусловлено как объективными факторами – ухудшающимся здоровьем, приобретением нового статуса «пенсионер», так и субъективными – ощущением зависимости от окружающих. При этом чем старше человек, тем ниже показатели по шкале locus контроля – жизнь ($r_s = 0,247$, при $p \leq 0,01$).

На основе полученных результатов нам удалось разработать социально-психологическую типологию электорального поведения граждан в данной выборке. Так, нами выделены основные социально-психологические типы электорального поведения:

– созидательно-активный – данному типу характерны: жизнестойкость, напористость, ответственность, активность почти во всех сферах деятельности. Представители данного типа уверенно идут вперед, точно зная, что «их благополучие зависит только от них самих», поэтому и участие в выборах они воспринимают как вклад в свое светлое будущее. В конфликтных ситуациях стремятся к продуктивному взаимодействию;

– лабильно-нейтральный – его действия во многом зависят от конкретной ситуации, он не обладает устойчивыми взглядами на мир, считая приспособляемость и гибкость залогом успешной жизни. Участие в выборах представителями данного типа не воспринимается как гражданский долг или обязательство, поэтому голосуют они от случая к случаю. Склонны к избеганию конфликтных ситуаций;

– разрушающе-пассивный – характеризуется низкой социальной активностью, малой включенностью в политическую жизнь страны, «плывет по течению», считая, что его голос и вообще какие-либо активные действия не приведут ни к каким позитивным сдвигам, постоянное ощущение бессилия перед трудностями, как правило, подкрепляется объективным фактором – низким уровнем образования. В «щекотливых» ситуациях стремится избежать выяснения отношений и контакта с противником.

Выводы

Сегодня молодежь имеет персональные инструменты для выхода в активное политическое поле страны: участие в выборах органов

власти, объединение в общественно-политические организации, выражение своих гражданских позиций в общественных акциях. Использование административного ресурса существенно снижает значение выборов как важнейшего процесса в политической жизни общества. Поэтому для поддержания устойчивых ценностей активного гражданского общества среди молодежи необходима разработка долгосрочных программ.

Таким образом, политическая жизнь страны как подсистема общества имеет очень сложную структуру, в рамках которой происходит круговорот огромного количества информации. Ситуация определения политических предпочтений и осуществления политического выбора – это лишь частный случай приложения элементов информационной культуры личности, без которых в современном, информационном обществе, объективно оценить явления не представляется возможным.

Список литературы

Aalberg T., Strömbäck J., Claes de Vreese. The Framing of Politics as Strategy and Game: a Review of Concepts, Operationalizations and Key Findings // *Journalism*. 2012. Vol. 13 (2). P. 162–178.

Borah P. Interactions of News Frames and Incivility in the Political Blogosphere: Examining Perceptual Outcomes // *Political Commun.* 2013. Vol. 30 (3). P. 456–473.

Boukes M., Boomgaarden Hajo G. Soft News with Hard Consequences? Introducing a Nuanced Measure of Soft Versus Hard News Exposure and its Relationship with Political Cynicism // *Commun. Res.* 2015. Vol. 42 (5). P. 701–731.

Cappella J., Jamieson K. *Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good*. Oxford Univ. Press, 1997.

Converse Ph. *The Nature of Belief Systems in Mass Public* // *Ideology and Discontent* / ed. by D. Apter. New York : Free Press, 1964.

Geer J. The News Media and the Rise of Negativity in Presidential Campaigns // *PS Political Sci. Politics*. 2012. Vol. 45 (3). P. 422–427.

Lau R. R., Sigelman L., Heldman C., Babbitt P. The Effects of Negative Political Advertisements: a Meta-Analytic Assessment // *Am. Political Sci. Rev.* 1999. P. 851–875.

Mutz D. C. *In-Your-Face Politics: The Consequences of Uncivil Media*. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 2005.

Persily N. Can Democracy Survive the Internet? // Democrat. 2017. Vol. 28 (2). P. 63–76.

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М. : Новая школа, 1996.

Лавриненко Н., Скрипкина Ж. Б., Юдина В. В. Политическая наука. М. : Волтерс Клувер, 2010.

Ольшанский Д. В. Психология современной российской политики. Хрестоматия по политической психологии. М. : Академический Проект, 2001. 650 с.

Холодковский К. Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая политика и международные отношения. 1979. № 6.

Формирование национальной идентичности и политические репрессии в СССР в 1920–1930-е гг.

Ольга Александровна Сухова

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Дана оценка деятельности известного политика, теоретика создания федерации всех тюркских народов СССР М. Х. Султан-Галиева в деле формирования новой советской идентичности в 1920–1930-х гг. Предложена объяснительная модель трансформации национальной политики советского государства в условиях нового этапа модернизации и развертывания борьбы за лидерство в партии. Проанализировано значение национального фактора в процессе усиления репрессий в СССР во второй половине 1930-х гг. В ходе исследования доказано, что формирование национальной идентичности в СССР в 1920–1930-х гг. было подчинено задачам легитимизации и укрепления власти, что не соответствовало интересам общества.

Ключевые слова: национальная идентичность, политические репрессии, национальная политика

Formation of National Identity and Political Repression in the USSR in 1920–1930

Olga A. Sukhova

Penza State University, Russia

Abstract. The article gives an estimation of the activities of M. Kh. Sultan-Galiev, the famous politician and theorist of creating an all Turkic peoples federation within the USSR, in the formation of new Soviet identity in the 1920s and 1930s. An explanatory model for the transformation of the national policy of the Soviet state in the context of a new stage of modernization and the deployment of the struggle for leadership in the party is proposed. The significance of the national factor in the process of increasing repression in the USSR in the second half of the 1930s is analyzed. The study has proved that the formation of national identity in the USSR in the 1920s and 1930s was subordinated to the tasks of legitimizing and strengthening power, which did not correspond to the interests of society.

Keywords: national identity, political repressions, national politics

Введение

Создание советской федерации в декабре 1922 г. продемонстрировало одновременно и значимость национального вопроса, и аморфность, неопределенность, двойственность толкований и интерпретаций его сущности в политике РКП (б). Дополнительным фактором, усугубившим противоречия в вопросах национально-государственного строительства, особенно по линии центр – национальные окраины, становится практическая реставрация буржуазной модели хозяйствования, вызванная переходом к новой экономической политике. Так, в представлениях отечественных теоретиков национал-коммунизма, для колониальных народов в их борьбе за коммунизм первичным и главным мериллом социального переустройства выступал национальный вопрос, все остальные сферы революционных изменений трактовались инструментально и были подчинены задаче освобождения угнетенных (Мухаметдинов, 2010). В то же время логика НЭПа на первый план выдвигала экономическую целесообразность районирования с опорой на «классовые пролетарские центры» (ГАРФ), и одновременно способствовала децентрализации управления.

При этом важно учесть, что объективно революция открыла для России перспективу ускоренного перехода к современному обществу, реализацию задач либерализации и эмансипации. Но после снятия ограничений и освобождения «угнетенных наций» естественным результатом стало встречное движение окраин к восприятию некогда враждебной для них, но более совершенной и могущественной имперской модели, а следовательно, рост молодых национализмов.

Совокупность указанных факторов вновь актуализировала национальную тематику в работе партийных форумов: итог процессу согласования «новой постановки» национального вопроса предстояло подвести на XII съезде РКП (б), состоявшемся 17–25 апреля 1923 г. Докладчиком по неудобному вопросу на съезде выступил И. В. Сталин, четко уловивший грань самого острого противоречия в системе управления и умело воспользовавшийся ею в целях борьбы за лидерство в партии. В своем выступлении Сталин напрямую связал «нэповские условия» и возрождение великорусского шовинизма, а также и шовинизма национального, угрожавшие разрывом «между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством ранее

угнетенных» (Сталин, 2014). Косвенным доказательством распространения шовинизма было признано одобрение центристских тенденций со стороны сменеховцев (Сталин, 2014). Основной «сотрудничества и братского сожительства» разобщенных народов, по словам И. В. Сталина, призван был стать Союз, построенный на принципах добровольности и правового равенства народов, вошедших в его состав, а также неукоснительная борьба с великодержавническими настроениями в советских учреждениях. В числе факторов, препятствовавших решению национального вопроса, будущий диктатор назвал отсутствие фактического равенства наций (и не только в смысле образования и культуры, но и в промышленном развитии), а также подъем национализма в республиках, чье распространение было напрямую обусловлено возвращением в экономику частного капитала (Сталин, 2014).

Формирование национальной идентичности: краткий экскурс

Призывы лидеров РКП (б) к фактическому равенству народов СССР вызвали одобрение у национальных элит и надежду на дальнейшее расширение властных полномочий и получение преференций. Резолюцию съезда в национальных республиках и областях стали называть «хартией вольностей» (Султанбеков, 2012). Поэтому одновременно с декларацией курса на борьбу с шовинизмом при посредничестве ОГПУ руководство РКП (б) начинает кампанию по политическому «воспитанию» национальной номенклатуры в союзных и автономных республиках, функциональному встраиванию этого уровня властной вертикали в жестко централизованную модель управления, лишавшую элиты даже намека на возможность сопротивления. Вскоре после XII съезда начинается подготовка к проведению специального совещания по вопросам национально-государственного строительства, намеченного на 4 июня 1923 г. Одним из ключевых моментов, запланированных для обсуждения на совещании, значился доклад ЦКК о М. Х. Султан-Галиеве, обвиненном в антипартийной и антисоветской деятельности и исключенном из рядов РКП (б). Весьма показательным, что член коллегии Наркомнаца и представитель АТССР при Наркомнаце Мир-саид Султан-Галиев был арестован ОГПУ незадолго до начала работы съезда, 4 марта 1923 г. Ему инкриминировали ни много ни мало обман партии, конспиративную переписку с

кемалистами и руководителями басмаческого движения, а также создание контрреволюционной организации за пределами СССР (РГАНИ). Основанием для задержания Султан-Галиева стал донос студента КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), члена РКП (б) Гасанова о беседе А. Янбаева (речь, по-видимому, идет о А. Енбаеве), заместителя наркомзема ТССР и М. Султан-Галиева, на которой он присутствовал. Разговор шел о необходимости восстановления справедливости и перераспределении земельного фонда с учетом бывшей дискриминации татар («до революции лучшие земли у городов и рек принадлежали русским помещикам, а после революции отошли к русским крестьянам»; Янбаев) и необходимости объединения мелких тюркских национальностей (Татарстана, Туркестана, Киргизии, Башкирии и пр.) в единую автономную республику и включения ее в состав СССР (Султан-Галиев) (РГАНИ).

Для руководства Татарской республики арест выдающегося представителя и защитника тюркской автономии стал настоящим потрясением. Пытаясь защитить Султан-Галиева, К. Мухтаров, А. Енбаев и другие ответственные работники ТССР в своем письме в ЦК РКП (б) от 17 мая 1923 г. констатировали, что в преддверии съезда были моменты, когда они «терялись» перед вопросом «В чем наша национальная политика?». «НЭП, – сообщалось в письме, – вызвавший к жизни националистически настроенное крестьянство, интеллигенцию и прочие элементы, казалось, окончательно задушит права национальных меньшинств». Их беспокоило появление при Наркомземе РСФСР «колониционных институтов», где укрепилось под видом ученых и спецов самое отвязанное черносотенное чиновничество, публичное тиражирование лозунга о единстве и неделимости России: «Каждый чиновник мало-мальски видный считал своим долгом пригрозить кулаком по адресу всяких эдаких сталинских автономий, нарушающих единство хозяйства великой России» (РГАНИ). Однако все обращения местных властей с просьбой об освобождении М. Х. Султан-Галиева остались без ответа.

Героя исламского мира, сторонника пантюркизма, активно пропагандировавшего идею Турана – создания федерации всех тюркских народов в составе СССР (Мухаметдинов, 2010), независимого политика, спорившего с вождями большевизма, превратили в политического изгоя, одно упоминание имени которого как обвинения было

равносильно в лучшем случае краху политической карьеры. На этом фоне чудовищным фарисейством выглядит обращение И. В. Сталина в марте 1926 г. к исключенному из партии политическому послушнику с просьбой написать статью в газету «Правда» с разоблачениями Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева как фальсификаторов ленинской национальной политики. Сталин дважды приглашал разъездного инструктора «Охотсоюза» М. Х. Султан-Галиева для личных бесед на эту тему. Стоит заметить, что заказ Сталина выполнен не был (Султанбеков, 2013). Арест одного из признанных авторитетов и идеологов тюркских народов России (о чем свидетельствует бесплодность попыток центра выпроводить Султан-Галиева из Москвы, предложив ему миссию укрепления партийной организации одного из кавказских регионов; а также неоднократные обращения руководства ТССР в мае 1923 г. в ЦК с просьбой об освобождении «заслуженного революционера») был результатом хорошо спланированной операции ОГПУ (Султанбеков, 2013).

Проект партийной платформы по национальному вопросу, одобренный на заседании Политбюро 4 июня 1923 г., ориентировал партийные организации на местах на «выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей» (РГАНИ). Инструкции, которые получили участники совещания, не оставляли ни капли сомнений: уступки местным национальным элементам, «которые хотят и могут лояльно работать в рамках советской системы» не исключают, а предполагают «систематическую идейную борьбу за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклona к национализму» (РГАНИ). Здесь же мы встречаем и четкую программу по формированию нужной идентичности: чистка государственного и партийного аппаратов от националистических элементов (русских, а также антирусских и иных националистов); систематическая и неуклонная работа по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях (ведение делопроизводства на национальных языках); «подбор и привлечение более или менее лояльных элементов местной интеллигенции в советские учреждения при одновременной работе наших ответственных работников в республиках и областях по выработке кадров советских и партийных работников из числа членов партии»; «устройство беспартийных конференций рабочих и крестьян с докладом наркомов и вообще

ответственных работников партии о наиболее важных мероприятиях советской власти» (РГАНИ).

В то же время партийное руководство признавало, что дело Султан-Галиева является в какой-то степени «реакцией на великодержавное колонизаторство, которое проявилось в среде русских работников как в национальных областях и республиках, так и в центральных государственных учреждениях» (РГАНИ). Заблаговременно уже в проекте платформы констатировалось, что совещание проявило «полное единодушие в необходимости решительной борьбы с колонизаторскими проявлениями как в центре, так и на местах» (РГАНИ).

В ходе совещания появился и зловецкий ярлык – «султангалиевщина» (Султанбеков, 2013), призванный маркировать любые отклонения от генеральной линии партии, ставший еще одним синонимом концепту «контрреволюция». Стоит отметить, что под это обвинение можно было подвести и апелляцию к решениям XII партсъезда, и любую критику директив центра.

После разгрома сепаратистов любая активность в деле расширения прав автономий на местах незамедлительно пресекалась. Так, в 1925 г. в Пензенскую губернию была направлена специальная комиссия ЦК РКП (б) для разоблачения деятельности «группы автономистов» во главе с инструктором отдела национальностей при президиуме ВЦИК Т. В. Васильевым (при участии уполномоченного подотдела нацменьшинств при Пензенском губисполкоме С. С. Шишканова, члена пензенского губкома Г. Н. Миронова и др.). Суть обвинений заключалась в организации массовых собраний «в целях инспирирования общественного мнения мордвы в пользу немедленного образования автономной единицы». Дело «автономистов» было рассмотрено расширенным пленумом ЦКК РКП (б), но серьезных последствий не имело: нарушения партийной дисциплины, «партневыдержанность» обернулись лишь отставками основных его фигурантов (Абрамов, 2007).

Однако по мере усиления внутрипартийной борьбы на рубеже 1920–1930-х гг. происходит фабрикация новых обвинений в отношении националистов. Так, 28 июля 1930 г. Коллегия ОГПУ приняла постановление по делу «султан-галиевской контрреволюционной организации». Всего к ответственности было привлечено 77 человек, 21 обвиняемому во главе с М. Х. Султан-Галиевым была

определена высшая мера революционной защиты – расстрел с конфискацией имущества. Казнь оказалась отсроченной во времени: 13 января 1931 г. высшая мера наказания была заменена десятилетним сроком заключения в концлагерь, а затем ссылкой, но 19 марта 1937 г. М. Х. Султан-Галиев был вновь арестован и 8 декабря 1939 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 января 1940 г. (Мозохин, 2014).

В 1937 г., когда маховик репрессий достиг предельных оборотов и стал неуправляем, тезис о пролетарском интернационализме приобретает крайнее выражение своего антисмысла: этническая идентичность, несмотря на прокоммунистическую окраску, была названа главным признаком принадлежности к «пятой колонне». И если в начале НЭПа идея борьбы с сепаратизмом путем репрессий и политического ostracism хотя бы имела под собой реальное основание (Султанбеков, 2013), то в конце 1930-х гг. возвращение к прежнему сценарию было вызвано скорее иррациональными соображениями и обернулось социальной катастрофой.

Первыми жертвами сталинского Молоха стали поляки, прежде всего члены ЦК компартии Польши, польской секции ИККИ, лица польской национальности, работавшие на ответственных должностях в системе государственного управления СССР, в том числе и в РККА и НКВД. Их, согласно приказу НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г., обвинили в диверсионно-шпионской и повстанческой деятельности под эгидой Польской войсковой организации. По данным О. Б. Мозохина, на основании этого приказа было репрессировано в течение года по национальному признаку (по существу директива требовала арестовывать всех поляков) 106 666 поляков, из них приговорено к расстрелу 84 471 человек (Мозохин, 2014). К концу года в страшной статистике НКВД появились клишированные выражения, возводившие в абсолют этническое происхождение репрессируемых: повсеместно в стране проводились операции НКВД «по полякам», «по немцам», «по харбинцам», «по грекам» и т.д. При этом рвение местных властей (дабы избежать обвинений в попустительстве врагам) в поисках шпионов и диверсантов польской, немецкой, латышской и других национальностей оказалось столь чрезмерным, что даже вызвало критику со стороны руководства НКВД. Так, в своей шифротелеграмме начальнику НКВД Свердловской области первый заместитель наркома НКВД М. П. Фриновский

отметил низкий уровень борьбы с вражеским контингентом: по немецкой операции из 4142 задержанных этнических немцев в области было арестовано только 390 человек, по харбинской – из 1249 арестованных харбинцев было всего 42, а по финской операции ни одного финна не нашлось вовсе (Мухаметдинов, 2010).

Выводы

Таким образом, манипулируя понятиями, отражавшими перипетии внутрипартийной борьбы, верхушка РКП (б) решала не столько национальный вопрос, сколько проблему укрепления вертикали власти и ее легитимизации. Вопрос об адекватности и обоснованности выбора средств достижения поставленной цели остается открытым.

Список литературы

Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2007.

ГАРФ. Ф. Р. 5677. Оп. 1. Д. 7.

Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ. М. : Кучково поле, 2011.

Мухаметдинов Р. Ф. Большевизм, национал-коммунизм и феномен М. Султан-Галиева // Вестник ТГГПУ. Филология и культура. 2010. № 3 (21). С. 137–139. URL: <http://elibrary.ru/download/28452584.pdf> (дата обращения: 05.08.2016).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 5.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 4.

Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. XII съезд РКП (б) // Сочинения : в 5 т. М. : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 2014. Т. 2.

Султанбеков Б. Ф. Дело Султан-Галиева. Взгляд из XXI в. (К 120-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы. 2012. № 3-4. С. 143–150. URL: <http://elibrary.ru/download/85321938>

Султанбеков Б. Ф. Дело Султан-Галиева. Взгляд из XXI в. (К 120-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы. 2013. № 1-2. С. 159–166. URL: <http://elibrary.ru/download/24945199>

Социальные конфликты в Англии начала XVII в.

Владимир Петрович Митрофанов

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Рассматриваются социальные конфликты в Англии в начале XVII в., причинами которых являлось огораживание пахотных земель, сопровождавшееся эвикцией крестьян. В результате данных конфликтов парламентом были восстановлены аграрные статуты по ограничению огораживаний пахотных земель крестьян и их эвикции.

Ключевые слова: социальный конфликт, огораживание пахотных земель, аграрное законодательство, восстание крестьян

Social Conflicts in England at the Beginning of the 17th Century

Vladimir P. Mitrofanov

Penza State University, Russia

Abstract. The article is devoted to social conflicts in England at the beginning of the 17th century, the reasons for which were the enclosure of arable land, accompanied by the eviction of peasants. As a result of these conflicts, the Parliament restored agrarian statutes (The Inclosure Acts) to limit the enclosure and peasants' eviction.

Keywords: social conflict, agricultural land enclosure, agriculture legislation, peasant revolt

Введение

В истории Англии эпохи средневековья было немало социальных конфликтов, активной стороной которых были как крестьяне, так и горожане. Особенно значимыми считаются такие конфликты, как восстание крестьян под предводительством Уота Тайлера в 1381 г., восстание Джека Кеда в 1450 г. (Юсим, 2012). В связи с активизацией процесса огораживаний пахотных земель крестьян лендлордами в XVI в. произошли социальные конфликты, где одной из сторон были крестьяне, которые выдвигали конкретные требования властям (1536–1537 гг., 1546–1549 гг.) (Семенов, 1949). Конфликты крестьян и лендлордов продолжались и во второй половине XVI – начале XVII вв. Наиболее значимым из них был конфликт, вылившийся в восстания крестьян в Центральном графстве (Мидленд) в 1607 г. (Martin, 1983). Для понимания его причин отметим политику государства в аграрной сфере. Она сводилась в основном к запрещению сгона крестьян с земли, но сами огораживания пахотных земель в полной мере не запрещались, а просто ограничивались (Mitrophanov & Aleshina, 2017). Правительство иногда даже преследовало злых лендлордов-огораживателей в судебном порядке. Однако в 1604 г. парламент не продлил действующее аграрное законодательство в отношении огораживаний пахотных земель крестьян, что привело к резкому росту их обезземеливания особенно в Центральном графстве (Gay, 1904).

Социальные конфликты в Англии начала XVII в.: краткий экскурс

Источники свидетельствуют, что социальный конфликт в 1607 г. в графствах Центральной Англии (Мидленд) имел причины в происходивших там огораживаниях пахотных земель, сопровождавшихся эвикцией местных крестьян (Stow, 1958). Конфликт крестьян и лендлордов на почве противоречия интересов в процессе огораживаний начался весной 1607 г. в Дербишире. Как только об этом стало известно в Лондоне, Тайный совет отправил местным властям депешу, в которой требовал незамедлительного подавления всяких «незаконных сборищ» с целью разрушения изгородей (The Victoria History of The Counties of England, 1907). Тем самым правительство Якова I Стюарта сразу показало, чью сторону оно заняло в начавшемся конфликте. Общепринятая дата начала конфликта – конец

мая 1607 г. — нуждается в уточнении. Датируя начало этого события концом мая, историки ссылались на хронику антиквария Джона Стоу о событиях в Нортгемптоншире, Лестершире и Уорвикшире. Его первая запись датирована 15 мая 1607 г. Логично предположить, что оно началось ранее указанной им даты. Дж. Стоу писал о сообщениях из Уорвикшира, Нортгемптоншира и Лестершира, «о неожиданном мятеже» большого количества крестьян, собравшихся в одном месте. «Они силой снесли и разрушили изгороди, засыпали канавы и сделали открытыми огороженные поля, которые с давних времен были открытыми и занятыми под пашней. В некоторых местах собралось мужчин, женщин и детей одна тысяча, а у Хил Норттона в Уорвикшире их было три тысячи, а в Котсбиче [Лестершир] их было пять тысяч. Они направили все усилия на уничтожение изгородей и открыли огороженные поля без применения какого-либо насилия по отношению к какому-либо человеку, имуществу или скоту, и куда бы они ни приходили, то получали помощь от местных жителей, которые посылали им не только телеги, нагруженные продовольствием, но еще хороший набор лопат и заступов». Далее антикварий называет несколько селений в Дербишире, в которых также произошли аналогичные выступления крестьян (Stow, 1958). Из этого краткого описания начала конфликта можно сделать выводы: социальный протест крестьян начался одновременно в четырех графствах Центральной Англии. Он носил явно антиогораживательный характер. Сразу появилось несколько центров конфликта, и быстро формировались своеобразные, оснащенные лопатами и заступами, крестьянские отряды, которым оказывали явную поддержку многие жители этого региона. Обращает на себя внимания мобильный характер этих отрядов, что можно расценивать как стремление уничтожить огораживания не только в своей деревне, но и в других местах.

Как сообщает антикварий, в Лестершире центром сбора восставших стало селение Котсбич, где собралось пять тысяч крестьян из различных селений. Очевидно, события конфликта там приобрели широкий размах уже в мае, поэтому 19 мая Тайный совет направил наместнику графства приказ, чтобы тот разогнал «незаконные сборища крестьян с целью уничтожения изгородей» (Gay, 1904). После этого местные власти решили сначала устроить крестьян. С этой целью 6 июня они воздвигли виселицы в Котсбиче. Очевидно, это означало их предупреждение о намерениях властей по пресечению конфликта репрессивными методами. Одновременно готовились

войска для силового подавления движения. Тем не менее крестьяне не разошлись по домам. Напротив, подобные действия властей лишь подлили масла в огонь конфликта. Возбужденные массы крестьян уже 8 июня сломали эти злополучные виселицы (The Agrarian History of England and Wales, 1967). Вскоре, 12 июня, в графство прибыл вооруженный отряд карателей, набранный из наемников и джентри во главе с графом Гантингдоном. Сам король назначил его командующим по усмирению местных крестьян. Ему было приказано по возможности не прибегать к массовым расправам, а наказывать лишь «зачинщиков и подстрекателей» (Stow, 1958). Когда он со своим отрядом прибыл в Лестершир, то «нашел все спокойным». Но вскоре собралось «около 80 мятежников», которые были разогнаны, и арестован один из их главарей. Им был некий Джон Рейнольдс. Его отправили в Лондон, как главного зачинщика мятежа. Затем граф приступил к наказаниям крестьян за участие в мятеже. Несколько человек были казнены, а остальные были подвергнуты какому-то иному наказанию (Stow, 1958). О личности Дж. Рейнольдса не раз писали историки, отмечая тот факт, что восставшие крестьяне называли его «Капитан Кошелек», так как он носил с собой большой кошелек, в котором якобы было средство против всех огораживаний. Но когда его обыскали, то нашли там лишь кусок зеленого сыра. Всем он говорил, что является уполномоченным от короля по разрушению изгородей и что сам Бог послал его к восставшим (Stow, 1958). Вряд ли можно сомневаться в том, что его агитация и некоторых других крестьянских лидеров сыграла значительную роль в подготовке их открытого выступления и его распространении по территории ряда графств. Эта агитация с самого начала придавала социальному протесту крестьян ярко выраженный антиогораживательный характер.

Так, известно, что в Лестершире к выступившим крестьянам присоединилась и какая-то часть жителей г. Лестера, хотя городские власти делали все возможное, чтобы воспрепятствовать уходу горожан за пределы городских стен (Martin, 1983). Если исходить опять-таки из свидетельства Дж. Стоу, в Нортгемптоншире в мае этот социальный конфликт тоже был в полном разгаре. Подтверждением этому является королевская прокламация от 30 мая «Против мятежников в Нортгемптоншире». В ней отмечались факты мятежей в этом графстве, где «тысячи недавно устроили сборища». Прокламация характеризовала их как «бунты против огораживаний, которые продолжались днем и ночью». Король предупреждал, что если они

(т.е. бунты) будут продолжаться и усиливаться, то их подавят силой оружия. Одновременно он обещал крестьянам принять меры против огораживаний и сгона их с земли, если они прекратят восстание (Tudor and Stuart Proclamations, 1910). Таким образом, государственная власть была готова уладить конфликт на указанных в прокламации условиях.

В мае конфликтом был охвачен ряд селений Нортгемптоншира (Martin, 1983). Судя по королевской прокламации и сообщению антиквара, крестьяне действовали крупными отрядами, которые были вооружены, но не применяли оружия против лендлордов. Одним из ярких эпизодов было массовое движение копателей (дигтеров), которое началось именно в Нортгемптоншире, а не в Уорвикшире, как это было принято считать. Так, в одном из писем граф Шрусбери сообщал, что «Сэр Энтони Милдмей и сэр Эдвард Монтегю узнали о том, что в Ньютоне [Нортгемптоншир] собралась одна тысяча мятежников, которые называли себя левеллерами и были заняты копанием, но при этом имели копья, длинные алебарды, самострелы, стрелы и камни» (Stow, 1958). По всей видимости, эти дворяне со своими отрядами должны были подавить там крестьянское выступление, но, прибыв на место, убедились, что имеющимися в их распоряжении силами не смогут этого сделать. Поэтому были вынуждены привлечь местных джентри и их слуг в качестве пехотинцев. Каратели попытались словесно убедить крестьян прекратить беспорядки, разойтись по домам и с этой целью дважды зачитывали королевскую прокламацию. Однако те категорически отказывались подчиняться, и тогда на них бросили конницу и пехоту. В результате «отчаянного сопротивления» крестьяне отбили первую атаку, но вскоре последовала вторая, которая «обратила в бегство мятежников». В результате этого сражения было убито 50 человек и большое число ранено. О потерях среди карателей официальные документы умалчивают. Известно лишь, что был смертельно ранен командир пехоты, некий Гарри Фукс (Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquess of Salisbury. Preserved at Hatfield House Hertfordshire, 1965).

Очевидно, вооруженное сопротивление крестьян стало возможным благодаря сложившейся к тому времени системе хранения оружия для ополчений графства в селения и городах страны (Митрофанов, 2014). Захватить это оружие для крестьян не составляло особого труда. Это сражение зафиксировано в бумагах монастыря Большой

Эддингтон. Оно датировано 8 июня 1607 г. В записях говорится о пленении многих участников протеста и их последующей казни, которую каратели устроили в Нортгемптоне, Оундли, Трестоне и в других местах (Gay, 1904). Таким образом, этот социальный конфликт не был разрешен мирным путем и вылился в вооруженное столкновение крестьян и правительственных войск с последующими репрессиями в отношении побежденных.

Однако после таких расправ конфликт еще не был завершен. Источники свидетельствуют, что другие крестьяне построили укрепленный лагерь и использовали его в качестве опорной базы, откуда отправлялись разрушать изгороди то в одно, то в другое место. Лишь 16 июля этот опорный пункт пал. Но и это еще не стало окончанием конфликта. Местные власти опасались вовлечения в конфликт близлежащего города, поэтому было установлено наблюдение «за всеми подозрительными лицами». Особенно пристально следили за католиками, полагая, что они попытаются использовать ситуацию в своих целях.

В Нортгемптоншире между тем в это время действовал еще один крестьянский лидер. Им был некий Барталамью Хелстон, который выдавал себя за сына казненной шотландской королевы Марии Стюарт. К сожалению, источники умалчивают о каких-либо подробностях в отношении этой персоны. Известно, что «часто вокруг него собирались люди». Очевидно, это своеобразное самозванство имело конфессиональную подоплеку, т.е. католицизм. Местные власти арестовали его и допросили. На допросе он говорил слова «хуже, чем бунтарские». Затем его заключили в тюрьму и дальнейшая его судьба неизвестна (Stow, 1958).

Таким образом, отмеченные нами события свидетельствуют о том, что в июне властям еще не удалось добиться окончания конфликта. Поэтому не случайно король 28 июня издал очередную прокламацию. В ней отмечался факт сопротивления крестьян, которое пришлось подавлять силой оружия и наказывать многих из его участников. Однако король выставлял себя защитником интересов крестьян, заявляя, что и он терпит убытки из-за огораживаний, а поэтому поручает своим судьям исправить такое положение вещей. Он вновь обещал провести «полное расследование», но крестьяне, со своей стороны, должны терпеливо ждать его завершения. В заключение прокламация угрожала, что «мятежи и незаконные сб-

рища будут наказываться как государственная измена» (Tudor and Stuart Proclamations, 1910). Кабинет Якова I Стюарта был явно обеспокоен разрастанием конфликта на соседние графства. Поэтому неслучайно Тайный совет срочно разослал письма мировым судьям ряда графств, напоминая им о необходимости принятия мер против «жуликов, бродяг и солдат, недавно прибывших из Нидерландов» (Calendar of State Papers. Domestic series, 1857). Лорд-канцлер Р. Сесиль лично предупреждал представителей местных властей о возможности восстания на их территориях, информируя их о событиях в Центральном графстве. В посланиях к властям Дербишира и Глостершира он советовал им немедленно подавлять в зародыше крестьянские мятежи, если они вдруг начнутся (Gay, 1904). Практически одновременно с событиями в Лестершире и Нортгемптоншире конфликт распространился и в Уорвикшире. По сообщению антиквара, там, в селении Хилмортон, собралось три тысячи крестьян, которые разрушили изгороди (Stow, 1958). Движение быстро распространилось по графству. Местные власти и здесь оказались бессильными в своих попытках подавить «мятежи». Степень организованности крестьян была довольно значительной. Они не только создавали повстанческие отряды, но и составили своеобразный документ «Диггеры Уорвикшира ко всем другим диггерам» (The Victoria History of the Counties of England, 1908). Сами крестьяне называли себя левеллерами, потому что считали своей важнейшей задачей сравнять изгороди с землей. В своем обращении они заявляли о желании бороться до конца. «Мы, со своей стороны, — говорилось в нем, — не ждем прощения и сохранения жизни: лучше мы мужественно умрем, чем потом зачахнем из-за недостатка того, что узурпаторы используют для откорма свиней и овец» (The Victoria History of the Counties of England, 1908).

Среди копателей Уорвикшира, видимо, было много беднейших крестьян и батраков. В документе просматривается их протест не только против захвата крестьянских земель, но и перспективы превращения в пауперов. «Они опустошили и снесли целые селения, — говорилось в нем, — и превратили их в пастбища, несколько не выгодные для нашего государства. Общинные поля, лежащие открытыми, будут более полезными не только тем, что дают зерно, на чем основана наша жизнь» (The Victoria History of The Counties of England, 1908). Это был документ, явно протестующий против огораживаний и апеллирующий к популярной в то время в правитель-

ственных кругах идее о всеобщей пользе земледелия для государства. Сам факт его появления свидетельствует о наличии элементов организованности у крестьян.

Показательно, что в Уорвикшире тоже были лидеры крестьян: йомены из Лендброка – Френсис Гарольд и Томас Гаррис. Кроме того, известны имена некоторых джентри, примкнувших по каким-то причинам к крестьянам (Martin, 1983). Там местные власти графства вели переговоры с крестьянами. В ходе них последние настаивали, чтобы короля ознакомили с причинами конфликта. Видимо, местные власти затягивали переговоры с целью подготовки войск для их силового разгрома, чем и объясняется их бездействие. Нельзя исключить и тот факт, что в Уорвикшир могли прибыть остатки разгромленных в Лестершире и Нортгемптоншире крестьянских отрядов. Источники свидетельствуют о пребывании в Уорвикшире «Капитана Кошелька». Очевидно, прав новозеландский историк Дж. Мартин, полагая, что «Капитан Кошелек» – это эпоним, который принимал целый ряд крестьянских лидеров. Джон Рейнольдс был лишь одним из них (Martin, 1983). Интересно, что по документам суда Звездной палаты под именем «Капитан Кошелек» фигурирует не какая-то одна конкретная личность, и этим объясняется нежелание крестьян верить официальным сообщениям об его аресте (Martin, 1983). Таким же образом можно объяснить свидетельства источников о появлении в различных графствах, охваченных протестом, «Капитана Кошелька», который руководил действиями крестьян. «Капитан Кошелек» был символом крестьянского единения и организованности. Видимо, Джон Рейнольдс был лишь первым из лидеров, принявших этот своеобразный повстанческий «титул». Он был и первым из этого ряда вожаков, кого власти арестовали. Именно этот факт и зафиксировал антикварий Дж. Стоу, и все историки вслед за ним считали Джона Рейнольдса единственным из тех, кто носил этот своеобразный «титул».

Между тем события конфликта заставили короля издать третью прокламацию. Издавая ее, он пытался расколоть крестьян, обещая амнистию всем тем, кто признает вину перед местными властями до дня Св. Михаила. Одновременно король вновь предупреждал, что «мятежи и незаконные сборища» будут наказываться как «государственная измена», и тут же заявлял, что создана комиссия по расследованию огораживаний, и необходимо терпеливо дожидаться результатов ее работы (Tudor and Stuart Proclamations, 1910).

Обещание амнистии лишь в третьей прокламации можно рассматривать как косвенное свидетельство трансформации восстания в завершающуюся фазу и стремление монарха окончательно расколоть единство крестьян.

Однако и после этого конфликт еще не был завершен. Так, в переписке правительственных кругов и местных властей центральных графств от августа – сентября 1607 г. нет указаний о том, что где бы то ни было крестьяне складывали оружие и прекращали разрушать изгороди вокруг их земель, возведенные джентри. В сентябре с мест приходили сообщения лишь о судебных расследованиях дел участников крестьянского выступления (*Calendar of State Papers. Domestic Series, 1857*). Только в октябре, когда закончился срок, установленный в прокламации, крестьяне начинают складывать оружие. В Нортгемптоншире, например, «подчинились согласно прокламации» 143 человека, из которых 62 были батраками и 21 состоятельными крестьянами (*Stow, 1958*), остальные – мясниками, портными, сапожниками и т.п. Эти цифры не слишком-то велики, если иметь в виду участие в конфликте тысяч крестьян. Предоставление амнистии отмечено и весной 1608 г. (*Calendar of State Papers. Domestic series, 1857*).

История данного социального конфликта показывает, что хотя ему предшествовало, как обычно, возникшее противоречие между крестьянами и лендлордами по вопросу огораживаний пахотных земель, но сам конфликт вылился в открытое столкновение крестьян и государственной власти. Лендлорды оказались во многом пассивной стороной конфликта, а государственная власть, действовавшая на их стороне – активной. Парадокс заключался в том, что государство своим законодательством в аграрной сфере стремилось поддержать крестьян, предохранить их от разорения и эвекции. Однако оно фактически встало в этом конфликте на сторону лендлордов, но внешне проявляя себя как третья сила, стремившаяся к прекращению конфликта не только путем применения вооруженной силы, но и законодательными мерами, которые не ограничились изданием трех королевских прокламаций, но еще и назначением комиссии по расследованию конверсии пахотных земель крестьян в пастбища (*Seventeenth Century Economic Documents, 1972*).

Данный конфликт имеет схожие черты с предыдущими конфликтами в аграрной сфере монархии Тюдоров и первых Стюартов. Однако имеются и некоторые отличия. Так, он все-таки географи-

чески был локальным конфликтом, а не региональным и тем более общенациональным. В нем практически не прослеживается влияние религиозного фактора, но прослеживается стремление одной из сторон, а именно крестьян, не применять насилие по отношению к самим лендлордам, но лишь к их недвижимой собственности (изгороди, каналы). Вооруженные действия в ходе конфликта произошли только после того, как государственная власть применила силу против крестьян. Наконец, хотя выступление крестьян было подавлено властями, но парламент все-таки восстановил аграрные статуты по ограничению огораживаний пахотных земель крестьян и их эвикции.

Список литературы

A Debate on Enclosures 1607. Seventeenth Century Economic Documents / ed. by J. Thirsk, J. P. Cooper. London ; Oxford : United Press, 1972.

Calendar of State Papers. Domestic series / ed. by M. A. Everitt Green. London : H.M. Stat. Off, 1857.

Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquess of Salisbury. Preserved at Hatfield House Hertfordshire / ed. by M. S. Gouseppi, J. Mc. N. Lochie and others : in 24 parts. London : Stat. Off, 1965. Part XIX.

Gay E. The Midland Revolt and the Inquisition of Depopulation of 1607. Transactions of the Royal Historical society. New series. London ; Oxford : United Press, 1904. Vol. XVIII.

Martin J. Feudalism to Capitalism; Peasants and Landlords in English Agrarian Development. London : Basingstoke ; Macmillan, 1983.

Mitrophanov V. P., Aleshina E. Y. English Peasants and Agrarian Policy of the Tudors and the First Stuarts: Outlines of Enclosure Legislation // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2017. № 8 (257), вып. 42. С. 65–70.

Stow J. Annales or General Chronicle of England. Second Jacobenian Journals. Being a Record of Those Things Most Talked of During the Years 1607 to 1610 / ed. by G. B. Harrison. London ; Oxford : United Press, 1958.

The Agrarian History of England and Wales / ed. by J. Thirsk. Cambridge : University Press, 1967. Vol. IV. P. 1500–1640.

Tudor and Stuart Proclamations / ed. R. Steel. Oxford : Clarendon Press, 1910. Vol. I.

The Victoria History of The Counties of England / ed. by W. Page. Warwickshire, 1908. Vol. II. L.

The Victoria History of the Counties of England / ed. by W. Page. Derbyshire, 1907. Vol. II. L.

Митрофанов В. П. Некоторые аспекты непроизводственной сферы жизни английских крестьян (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) // История Британии: современные исследования. 2014. Вып. 10 (33).

Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М. ; Ленинград : АН СССР, 1949.

Юсим М. А. Западная Европа в позднее средневековье // Всемирная история : в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М. : Наука, 2012.

Дискурс черно-белой памяти: прошлое и настоящее расовых отношений в США

Борис Викторович Николаев

Пензенский государственный университет, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы расовой дискриминации и межрасовых конфликтов в современных США. Изучение действующего законодательства, судебной практики, материалов официальной статистики, результатов опросов общественного мнения и последних научных публикаций по этому вопросу позволяет сделать вывод о наличии существенных различий в социально-экономической жизни расовых и этнических групп.

Ключевые слова: раса, дискриминация, афроамериканцы, рабство, сегрегация

Black and White Discourse: the Past and the Present of Racial Relations in the USA

Boris V. Nikolaev

Penza State University, Russia

Abstract. The article deals with the issues of racial discrimination and interracial conflicts in the modern United States. The study of current legislation, judicial practice, materials of official statistics, public opinion polls results and the latest scientific publications on this issue allows to conclude that there are significant differences in the social and economic life of racial and ethnic groups.

Keywords: race, discrimination, African Americans, slavery, segregation

Введение

Соединенные Штаты исторически формировались как общество переселенцев, вбирая в себя различные расы, этносы и культуры. Концепции «разделенные, но равные», ассимиляции, плавильного котла, мультикультурализма сменяли друг друга в описании сущности межрасовых и межнациональных отношений в США. Но все они признавали сложность расовой и этнической структуры североамериканского общества. История расовых отношений в США знает такие трагические страницы, как истребление североамериканских индейцев, вытеснение испаноязычных жителей присоединенных испанских колоний, а впоследствии и дискриминационная политика в отношении латиноамериканской иммиграции, притеснения и массовые депортации китайских иммигрантов, массовое интернирование американцев японского происхождения в годы Второй мировой войны. Тем не менее главной линией расовой истории США стали рабство и торговля африканскими рабами, а затем сегрегация в отношении afroамериканцев. Неудивительно, что и в XXI в. расовые отношения зачастую воспринимаются в черно-белом цвете, что ярко проявилось в активизации движения Black Lives Matter.

Дискурс черно-белой памяти: прошлое и настоящее расовых отношений в США

История развития расовых отношений в США трагична и поучительна. Действительно, еще на ранних стадиях европейской колонизации, а затем и становления новой государственности происходит депопуляция коренных народов Северной Америки, потерявших, по разным оценкам, до 90 % (Cook, 1998) или 95 % (Riley, 2016) своей численности. Одновременно происходит бурный рост численности ввозимых африканских рабов и их потомков: их доля в структуре населения составила к концу XVIII более 19 % (Зинн, 2006) (по данным переписи 2020 г. лишь 12,4 %). По свидетельству А. де Токвиля, «порабощение негров доходит до крайних пределов, свобода индейцев не знает границ, но и то, и другое приводило к одинаково трагическим результатам» (Токвиль, 2000).

Почему именно черно-белый контраст стал магистральным разломом в сложной противоречивой истории расовых отношений

США, изобиловавшей грубymi, циничными, масштабными формами дискриминации в отношении различных расовых, национальных, языковых, этнических групп: индейцев, американцев азиатского происхождения, испаноязычных, мусульман? Причин несколько. Во-первых, демографическая значимость афроамериканцев. С одной стороны, они уступают по численности (46,9 млн или 12,4 %) не только белым (191 млн или 57,8 %), но и испаноязычным жителям США (62,1 млн или 18,7 %), а также лицам, не определившимся со своей расовой/этнической принадлежностью (49,9 млн) (Schneider, 2021). Кроме того, афроамериканцы проигрывают в темпах роста не только испаноязычным и не определившимся, но и американцам азиатского происхождения. С другой стороны, афроамериканцы продолжают оставаться важной этнической группой в структуре городского населения Америки, составляя в некоторых городах более 60 (Балтимор, Мемфис, Новый Орлеан) или даже 80 % населения (Детройт, Джексон). Во-вторых, афроамериканцы имеют одни из худших социально-экономических показателей по сравнению с другими расовыми и этническими группами: количество неполных семей, уровень доходов, уровень образования, показатели безработицы, преступности и т.д. В-третьих, в отличие от испаноязычных и американцев азиатского происхождения, которые идентифицируются (в том числе самоидентифицируются) как иммигранты более ранние или поздние, черные рассматриваются и позиционируют себя как «почти коренные американцы», едва ли имеющие прочные связи со своей исторической родиной. В этом значении они, несомненно, в гораздо большей степени американцы, нежели африканцы. Кроме того, здесь в дело вступает пятый и, вероятнее всего, решающий «исторический аргумент». С самого начала формирование афроамериканской расовой группы в США было связано с преступной, с точки зрения современного права, практикой рабства и работорговли. Этот первородный грех со стороны американской государственности был впоследствии серьезно усугублен знаковыми циничными актами дискриминации в отношении черных жителей США: отказ признать американское гражданство в отношении потомков бывших рабов в решении Верховного Суда по делу *Дред Скотт против Сандфорда* (Dred Scott v. Sandford, 60 US 393 (1857)); потакание деятельности Ку-клукс-клана и массовым убийствам афроамериканцев (резня 1868 г. в Опелусасе и др.); принятие южными штатами так называемых «Законов Джимми Кроу», обеспечившими правовую основу режима сегрегации в

сфере избирательного права, места жительства, образования, здравоохранения, транспорта, трудоустройства; юридическое обоснование доктрины «разделенные, но равные» в решении высшего судебного органа страны по делу *Плесси против Фергюсона* (*Plessy v. Ferguson* 163 U. S. 537 (1896)) (Николаев, Емелин, 2013); введение расистских категорий в рамках переписи 1890 г. («quadroon» и «octoroon»: четверть и восьмая части «черной крови») и 1930 г. («правило одной капли» («one-drop rule»)), которое предписывало относить к категории «негры» всех лиц, имеющих даже самую незначительную долю негритянской крови (Brown, 2020). Все эти события оказали и продолжают оказывать влияние на современные социальные, политические и правовые процессы в области расовых отношений.

Только немногим более половины американцев, по данным опроса, проведенного Институтом Гэллапа, признают отношения между белыми и черными американцами «хорошими» (колоссальное падение более чем на 20 % по сравнению с 2004 г. (с 72 до 51 %) (Younis, 2019). Более 60 % опрошенных признают влияние института рабства на современное положение афроамериканцев. При этом существенно различаются количественные оценки современных нарушений принципа расового равноправия: 78 % черных против 48 % испаноязычных и 37 % белых американцев (Brown A., 2019). Наиболее уязвимыми с точки зрения дискриминации сферами афроамериканцы признают: судебную и пенитенциарную систему (87 % против 61 % белых), полицейскую деятельность (84 % против 63 %), трудовые отношения (82 % против 44 %), кредитование (74 % против 38 %), обслуживание в магазинах и ресторанах (70 % против 37 %), избирательный процесс (58 % против 28), здравоохранение (56 % против 26 %). Таким образом, следует отметить почти двукратное расхождение в оценке современных расовых отношений со стороны двух групп (Brown, 2019).

Пожалуй, наиболее «токсичной» сферой межрасовых отношений в последние несколько лет продолжает оставаться уголовно-правовая сфера. Черные респонденты в пять раз чаще белых заявляют о несправедливых задержаниях со стороны полиции именно в связи с их расовой и национальной принадлежностью (44 % против 9 %). О ситуациях, когда окружающие относились к ним с подозрением именно в связи с их расовой/этнической принадлежностью, заяви-

ли 65 % афроамериканцев, 37 % испаноязычных и 34 % американцев азиатского происхождения (вновь почти двукратный разрыв). Позитивно работу полиции оценивают 75 % белых респондентов и лишь 33 % черных, примерно так же они оценили равное отношение полиции к расовым группам (75 и 35 %). Со своей стороны, более двух третей опрошенных офицеров полиции заявили о том, что уличные беспорядки в связи со смертью афроамериканцев от рук полиции были связаны с общими анти-полицейскими настроениями, а не стремлением привлечь конкретных сотрудников к ответственности, причем более 92 % белых сотрудников полиции и лишь 29 % черных заявили о достаточности принимаемых в США мер по обеспечению равных прав для черных жителей Америки (Deilver, Lipka, Fahmy, 2020).

Нарастает поляризация по расовым вопросам и в политических отношениях. Так, 74 % процентов сторонников Дж. Байдена заявили о том, что «быть черным в США значительно сложнее, чем белым», в сравнении с лишь с 9 % сторонников Трампа, причем разрыв между ними увеличился на 19 % (с 46 до 65 %) всего за четыре года, прошедших с момента предыдущего опроса в 2016 г. (Voters' Attitudes, 2020). Подавляющее большинство белых сторонников Демократической партии признало несправедливое отношение к черным со стороны полиции и уголовно-правовой системы (88 и 86 %) в сравнении с меньшинством белых республиканцев (43 и 39 %) (Deilver, Lipka, Fahmy, 2020). Белые не испаноязычные американцы продолжают составлять в большей степени основу электората Республиканской партии, однако их доля в общем избирательном корпусе существенно сократилась за последние два десятилетия (с 85 % в 1996 г. до 69 % в 2019 г.). Этот показатель повышает значение избирателей, представляющих расовые и этнические меньшинства, причем их доля значительно больше в Демократической (около 40 %), чем в Республиканской партии (17 %) (In Changing, 2020).

Сходная дифференциация характерна и в высокой оценке («крайне важно» и «особо важно») значения расовой идентичности для различных групп: так считают 74 % афроамериканцев, 59 % испаноязычных, 56 % американцев азиатского происхождения и лишь 15 % белых респондентов (Barroso, 2020).

Существенное изменение претерпела и терминология в отношении черных американцев. Вплоть до переписи 2020 г. термин «негр»

(«negro») мог быть использован наряду с понятиями «черный» или «афроамериканец» (Brown, 2020). На протяжении второй половины XIX в. наиболее распространенным был термин «цветные» («colored people»), впоследствии вытесненный термином «негры» («Negro»). Эпоха массового движения за гражданские права 1950–1970-х гг. способствовала преимущественному применению категорий «черные» и «афроамериканцы». Однако среди самих черных американцев, как показывают данные опроса 1969 г., черные американцы назвали в качестве наиболее и наименее приемлемых термины «негры» (38 и 11 %), «цветные» (20 и 32 %), «черные» (19 и 26 %), «афроамериканцы» (10 и 11 %), шесть процентов заявили в качестве наиболее приемлемого ответа тот факт, что терминология не имеет значения. По результатам опроса 2019 г. последнюю позицию поддержали более 64 % опрошенных, тогда как предпочтение терминам «афроамериканцы» и «черные» отдали, соответственно, 18 и 17 % опрошенных (Saad, 2020).

Последний острый кризис расовых отношений в США прочно ассоциируется с полицейским произволом и масштабными протестами, активизацией движения «Черные жизни имеют значение» (The Black Lives Matter movement). Данное движение первоначально возникло еще в 2013 г., когда три чернокожие женщины (Алисия Гарза, Патрисия Каллорс и Опал Томети) впервые использовали хэштег «BlackLivesMatter» в Твиттере после оправдания Джорджа Циммермана по делу об убийстве Т. Мартина в штате Флорида, однако только после протестов в Фергюссоне (штат Миссури) после убийства полицейскими Майка Брауна этот лозунг получает миллионы твитов и приобретает общенациональную, а затем и мировую известность (Sohn, 2019), достигая кульминации после убийства полицейским Дж. Флойда и общенациональными акциями протеста с участием десятков миллионов американцев.

Действительно, различные формы и проявления расовой дискриминации в уголовно-правовой сфере охватывают не только проявления полицейского произвола, но и непропорциональное представительство афроамериканцев в структуре правоохранительных органов, в составе присяжных заседателей, а также с точки зрения применения уголовных наказаний, в том числе смертной казни.

Несмотря на такую общественно-политическую заостренность именно на проблемах непропорционально репрессивной в отно-

шении афроамериканцев уголовно-правовой политики, именно вопросы глубокой социально-экономической дифференциации и даже поляризации по расовому принципу остаются важнейшим фактором, способствующим сохранению своего рода «неосегрегации». Действительно, в отличие от американцев азиатского происхождения, которые демонстрируют высочайшие показатели социально-экономической адаптации, афроамериканцы продолжают оставаться в крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации, которая только усугубляется в условиях пандемии. Такая ситуация имеет глубокие исторические корни в многовековой системе эксплуатации со стороны имущих белых граждан в отношении зависимых бедных белых переселенцев, африканских рабов и их потомков, китайских и японских, а впоследствии латиноамериканских иммигрантов (Jones, 2009). Все это позволяет исследователям заявить об устойчивой системе «расового капитализма» (Leong, 2013).

Действительно, различные авторы говорят о разрыве в уровне доходов между белыми и черными домохозяйствами в 13 и 41 раз (доходы белых домохозяйств превышают доходы испаноязычных, согласно оценке тех же авторов, соответственно, в 10 и 22 раза) (Faizer, 2020).

Другой проблемой является нарастающая тенденция де факто раздельного проживания различных расовых групп и формирования «белых», «черных» и «латиноамериканских» районов. Более того, такая тенденция получает и правовое обоснование в практике издания специальных локальных актов («crime-free housing ordinances»), которые предписывают или побуждают домовладельцев отказываться в аренде жилых помещений лицам, имеющим контакты с правоохранительными органами. В действительности такие ограничения затрагивают, в большинстве случаев, именно афроамериканцев и латиноамериканцев (Deborah, 2019).

Традиционно репрезентативной для состояния расовых отношений является система образования (в частности, высшего образования). Многие важнейшие решения Верховного Суда США по вопросам расовой дискриминации были связаны именно с вопросами образования: *Плесси против Фергюсона*, *Браун против Совета образования (I и II)*, *Фишер против Университета штата Техас (I и II)*, *Бакке, Грюттер против Университета штата Мичиган* и другие. Кроме традиционных для системы высшего образования США существенных различий

относительно доступности и академических достижений представителей различных расовых и этнических групп, в последние годы существенную обеспокоенность вызывает взрывной рост студенческого долга (общий объем которого составил астрономическую цифру в 1,5 триллиона долларов) и его непропорциональное распределение. Так, долговые обязательства имеют 66 % белых студентов, 72 % учащихся латиноамериканцев и свыше 90 % афроамериканцев. Более того, согласно статистическим данным, по истечении 12 лет выплат, белые должники выплачивают до 65 % долга, тогда как задолженность афроамериканцев составляет за тот же период 113 % от суммы первоначального заимствования (Frotman, 2018).

С другой стороны, многие афроамериканцы, как и в случае с проживанием, склонны к расовой сегментации в сфере высшего образования, что получило выражение в устойчивом сохранении и даже развитии так называемых «исторически черных колледжей и университетов». Более того, последние стали своего рода моделью для возникновения специализированных институтов высшего образования, ориентированных на обучение латиноамериканцев, индейцев и американцев азиатского происхождения. Такая практика получила правовое закрепление в форме федеральных и региональных законов, а также исполнительных приказов президентов США.

Другим специфическим для США институтом, непосредственно связанным с «призраками» прошлого рабства и расовой сегрегации, является институт «аффирмативного действия». Рожденный по инициативе Президента Л. Джонсона в целях ускорения процесса десегрегации в 1960-е гг., данный институт получил неоднозначную оценку в последние три десятилетия в связи с практикой так называемой «обратной дискриминации». Попытки создать более благоприятные условия для обеспечения расового многообразия в сфере трудоустройства, образования и государственной службы нередко приводили к ограничению прав теперь уже представителей белого населения (Николаев, Емелин, 2014).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сохранении значительных различий социальных и экономических условий

жизни различных расовых и этнических групп современных США. Уровень доходов, занятости, образования, обеспеченности жильем, криминальности и виктимности существенно различаются для белых, черных, афроамериканцев, латиноамериканцев, американцев азиатского происхождения. Несмотря на расовое и этническое многообразие современных США именно черно-белый контраст определяет основу картины общественного восприятия проблем расового/этнического неравенства. Во многом этому способствуют «дискурсы исторической памяти»: трагические и позорные страницы торговли африканскими рабами, плантационного рабства, сегрегации, других форм расовой дискриминации. Все это обуславливает остроту восприятия не только самими афроамериканцами, но и в целом населением США любых появлений белого расизма, равно как и случаев так называемой обратной дискриминации. Широкое распространение взаимной стигматизации, укоренение в общественном сознании таких ярлыков, как «белый расист», «черный гангстер» способствует углублению существующих межрасовых противоречий, возрастающей поляризации, в том числе политической, населения в вопросах оценки современных межрасовых отношений в США.

Список литературы

Archer D. N. The New Housing Segregation: The Jim Crow Effects of Crime-Free Housing Ordinances // Michigan Law Review. 2019. Vol. 118, iss. 2. P. 173–231.

Barroso A. Most Black Adults Say Race is Central to their Identity and Feel Connected to a Broader Black Community. 2020. February 5. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/05/most-black-adults-say-race-is-central-to-their-identity-and-feel-connected-to-a-broader-black-community/>

Brown A. The Changing Categories the U.S. Census has Used to Measure Race. 2020. February 25. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/25/the-changing-categories-the-u-s-has-used-to-measure-race/>

Brown A. Key Findings on Americans' Views of Race in 2019. 2019. April 9. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/09/key-findings-on-americans-views-of-race-in-2019/>

Deilver D., Lipka M., Fahmy D. 10 Things We Know about Race and Policing in the U.S. Pew Research Center. 2020. June 3. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/06/03/10-things-we-know-about-race-and-policing-in-the-u-s/>

Faizer M. A. Bridging the Divide: A Proposal to Bring Testamentary Freedom to Low-Income and Racial Minority Communities // Texas Law Review Online. 2020. Vol. 99. P. 20–48.

Frotman S. Broken Promises: How Debt-Financed Higher Education Rewrote America's Social Contract and Fueled A Quiet Crisis. Utah Law Review. 2018. Vol. 4. P. 811–846.

In Changing. U.S. Electorate, Race and Education Remain Stark Dividing Lines/ Pew Research Center. 2020. June 2. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/06/02/in-changing-u-s-electorate-race-and-education-remain-stark-dividing-lines/>

Jones T. Race, Economic Class and Employment Opportunity // Law and Contemporary Problems. 2009. Vol. 72. P. 59–71.

Leong N. Racial Capitalism // Harvard Law Review. 2013. Vol. 126. P. 2151–2226.

Saad L. Gallup Vault: Black Americans' Preferred Racial Label. 2020. July 13. URL: <https://news.gallup.com/vault/315566/gallup-vault-black-americans-preferred-racial-label.aspx>

Schneider M. Census Data: US is diversifying, white population shrinking AP News. 2021. August 13. URL: <https://apnews.com/article/race-and-ethnicity-census-2020-7264a653037e38df7ba67d3a324fc90d>

Sohn G. B. Social Justice or Inequality: The Heart of the Net Neutrality Debate // University of Pittsburgh Law Review. 2019. Vol. 80. P. 779–788.

Voters' Attitudes. About Race and Gender Are Even More Divided Than in 2016. Pew Research Center. 2020. September 10. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/09/10/voters-attitudes-about-race-and-gender-are-even-more-divided-than-in-2016/>

Younis M. Most Blacks Rate Race Relations With Whites as Bad. 2019. February 21. URL: <https://news.gallup.com/poll/246899/blacks-rate-race-relations-whites-bad.aspx>

Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М. : Весь мир, 2006.

Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Проблема равноправия и обратной дискриминации в системе высшего образования США: Фишпер против Университета штата Техас // Право и образование. 2014. № 2. С. 61–65.

Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 45–52.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Весь мир, 2000. С. 239.

Информация об авторах

Алёшина Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» Пензенского государственного университета, член консорциума LEMEL, член Общества по изучению культуры США. Сфера научных интересов: политический дискурс, дискурс памяти, реализация языкового воздействия на массовое сознание в историческом аспекте.

Аренова Алмаша Арыстановна, академик Академии журналистики Казахстана, академик Международной Академии Информатизации, член Казахстанского Медиа Альянса, карьерный дипломат, имеет дипломатический ранг Советника I класса. Является членом Союза писателей народов мира «Әлем халықтары жазушылары Одағы» («World Nations Writers' Union») и членом Союза писателей, поэтов и переводчиков «Дүние таланттары Одағы».

Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, руководитель лаборатории прикладной и юридической лингвистики НИИ ФиПИ. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, сопоставительное языкознание, язык права, юридическая терминология.

Блох Марк Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой грамматики английского языка. Почетный академик Российской академии естественных наук, почетный академик Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Российского философского общества. Сфера научных интересов: грамматика текста, дискурсология, философия языка.

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая психология» Пен-

зенского государственного университета. Сфера научных интересов: проблемы адаптации мигрантов и беженцев в новых условиях жизни, психологические аспекты культурной трансляции, социально-психологические аспекты дезадаптации личности, трансформация идентичности мигранта, этническая принадлежность, методологические проблемы этнопсихологии, принимающее население, проблемы аддиктивного поведения.

Митрофанов Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Всеобщая история и обществознание» Пензенского государственного университета, член ассоциации британских исследований. Сфера научных интересов: история Британии, социальные связи и их трансформации в Западной Европе XVII в., аграрная политика Тюдоров и Стюартов. Автор более 130 научных, учебных и учебно-методических работ.

Николаев Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право» Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: международное уголовное право, уголовно-правовая защита экономических прав граждан, вопросы религиозной свободы и религиозной дискриминации в США, права расовых и национальных меньшинств в США, система высшего образования в США и Великобритании.

Николаенко Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания факультета иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. Сфера научных интересов: теория концептуальной метафоры, аспектология.

Нуржанова Шарипа Сыздыковна, доктор философии, старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Международная журналистика и медиа в обществе» факультета журналистики Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Сфера научных интересов: цифровая журналистика и освещение проблемы местного самоуправления в СМИ, имиджелогия и связь с общественностью.

Очкина Анна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Методология науки, социальные теории и технологии» Пензенского государственного университета. Заместитель директора Института глобализации и социальных движений (ИГСО), руководитель центра социального анализа

ИГСО, заместитель председателя редакционного совета журнала «Левая политика». Сфера научных интересов: теория и практика социального государства и социальная политика, мотивация социального и политического поведения, социальная структура и социальное неравенство, социальные проблемы современного образования, гендерные отношения и гендерное неравенство.

Павельева Ульяна Олеговна, аспирант Пензенского государственного университета (программа подготовки «Социальная философия»).

Пранцова Галина Васильевна, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: методика обучения литературе, речевое развитие школьников, технологии приобщения подростков к чтению, современные практики обучения школьников и студентов.

Прохорова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: глагол, валентность, явления инкорпорации и экскорпорации, фразеология, когнитивная семантика, метаязыки описания словарного состава языка.

Разуваева Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков», начальник отдела сопровождения международных проектов Пензенского государственного университета, координатор сотрудничества между Пензой и Фленсбургом, член консорциума LEMEL. Сфера научных интересов: отражение национальных особенностей народа в литературе и в журналистике.

Рева Екатерина Константиновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Журналистика» Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: журналистика и межнациональные отношения, репрезентация этнокультуры народов России в массмедиа, вопросы информационного сопровождения государственной национальной политики Российской Федерации.

Сейранян Маргарита Юрьевна, доктор филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Сфера научных интересов: критический анализ дискурса, просоциальный аспект устного речевого дискурса, стратегии и тактики политического дискурса, исследование конфликтного взаимодействия, способов управления и урегулирования конфликтов.

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: семиотика социальных представлений, символика и ритуалы крестьянской ментальности, социальная революция, общинные институты, сталинизм, манипуляция сознанием, гендерные аспекты крестьянского сопротивления; региональный уровень государственного управления в социокультурном и историко-антропологическом измерении.

Тимакова Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета. Сфера научных интересов: история и теория русской литературы XIX и XX вв., литературное краеведение, популяризация чтения.

Штробль Эржебет, доктор философии, доцент Института изучения английского языка Университета венгерской реформаторской церкви имени Кароли Гаспара (Венгрия). Сфера научных интересов: ранняя современная история культуры, политическая теория и дискурсы о женском авторитете, различные аспекты культа королевы Елизаветы I, работы Джорджа Гаскойна и Джона Лили.

Information about the Authors

Ekaterina Yu. Aleshina, Dr., Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages at Penza State University, member of the LEMEL network, member of the Society for the Study of US Culture. Research interests: political discourse, memory discourse and linguistic influence on public consciousness in the historical context.

Almasha A. Arenova, member of the Kazakh Academy of Journalism, the International Academy of Informatisation and the Kazakhstan Media Alliance; career diplomatic service officer, holds the diplomatic rank of the first class counsellor. She holds membership in the World Nations Writers' Union (Әлем халықтары жазушылары Одағы) and the Union of Writers, Poets and Translators (Дүние таланттары Одағы).

Olga V. Barabash, Dr., senior researcher at the Research Institute of Fundamental and Applied Studies, Penza State University, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Methods of the Teaching Russian Language, Head of the Laboratory of Applied and Legal Linguistics (Research Institute of Fundamental and Applied Studies). Research interests: cognitive linguistics, comparative linguistics, language of law, legal terminology.

Mark Y. Blokh, Prof. Dr., Honorary Professor at Moscow Pedagogical State University, Head of the Department of English Grammar. The Honorary Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of the International Academy of Pedagogical Sciences and Full Member of the International Academy of Information, Information Processes and Technologies. Member of the Union of Russian Writers, the Russian Union of Journalists and the Russian Philosophical Society. Research interests: grammar of text, discourse, philosophy of language.

Vsevolod V. Konstantinov, Prof. Dr., Head of the Department of General Psychology at Penza State University. Research interests: migrants and refugees' adaptation in new living conditions, psychological aspects of cultural transmission, social and psychological aspects of personality maladjustment, transformation of migrant's identity, ethnicity,

methodological problems of ethnopsychology, host population, addictive behaviour.

Vladimir P. Mitrofanov, Prof. Dr., Professor of the Department of World History and Social Studies at Penza State University, member of the Association for British Studies. Research interests: history of Britain, social ties and their transformations in Western Europe in the 17th century, agrarian policy of the Tudors and the Stuarts.

Elena M. Nikolaenko, Dr., Associate Professor of the Department of English and Methods of Teaching English at the Faculty of Foreign Languages, I. G. Petrovsky Bryansk State University. Research interests: conceptual metaphor theory and aspectology.

Boris V. Nikolaev, Dr., Associate Professor of the Department of Criminal Law at Penza State University. Research interests: international criminal law, criminal legal protection of economic rights, religious freedom and religious discrimination in the US, rights of racial and national minorities in the US, higher education system in the US and the UK.

Sharipa S. Nurzhanova, PhD, Senior Lecturer of the UNESCO Chair at the Faculty of Journalism, Al-Farabi Kazakh National University. Research interests: digital journalism and media coverage of challenges in local government, image studies and public relations.

Anna V. Ochkina, Dr., Associate Professor, Head of the Department of Methodology of Science, Social Theories and Technologies at Penza State University. Research interests: welfare state and social policy, motivation of social and political behaviour, social structure and social inequality, social problems of modern education, gender relations and gender inequality. Deputy director of Institute of Globalisation and Social Movements, Head of the Centre for the Social Analysis at the Institute, deputy head of the editorial board of the journal "Leflist Politics".

Uliana O. Pavelyeva, postgraduate student at Penza State University (postgraduate programme Philosophy, Ethics and Religious Studies).

Galina V. Prantsova, Dr., Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature at Penza State University. Research interests: methods of teaching literature, speech development of school-

children, technologies for attracting adolescents to reading, modern practices for teaching schoolchildren and students.

Natalia Yu. Prokhorova, Dr., Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages at Penza State University. Research interests: verb, valence, incorporation and excorporation, phraseology, cognitive semantics, meta languages for describing vocabulary.

Tatiana A. Razuvaeva, Dr., Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching Foreign Languages, Head of the International Projects Department at Penza State University, coordinator of Penza-Flensburg Cooperation, member of the LEMEL network. Research interests: representation of national characteristics of the people in literature and media.

Ekaterina K. Reva, Prof. Dr., Associate Professor, Head of the Department of Journalism at Penza State University. Research interests: journalism and interethnic relations, representation of the ethnic culture of the Russian people in media and information support of the state ethnic policy in the Russian Federation.

Margarita Yu. Seiranyan, Prof. Dr., Associate Professor of the Department of Phonetics and Vocabulary of the English Language at the Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University. Research interests: critical analysis of discourse, prosodic aspect of oral speech discourse, strategies and tactics of political discourse, conflict interaction, methods of managing and resolving conflicts.

Olga A. Sukhova, Prof. Dr., Dean of the Faculty of History, Languages and Literature at Penza State University. Research interests: semiotics of social representations, symbols and rituals of peasant mindset, social revolution, communal institutions, Stalinism, manipulation of consciousness, gender aspects of peasant resistance, regional government in social and cultural, historical and anthropological dimensions.

Anna A. Timakova, Dr., Associate Professor, Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature at Penza State University. Research interests: history and theory of Russian literature in the 19th and 20th centuries, literary study of local lore and promotion of reading.

Erzsébet Stróbl, PhD, Assistant Professor at the Institute of English Studies, Károli Gáspár University of the Reformed Church (Hungary). Research interests: early modern cultural history, political theory and discourses on women's authority, various aspects of the cult of Queen Elizabeth, works of George Gascoigne and John Lilly.

**Алёшина Екатерина Юрьевна
Разуваева Татьяна Александровна**

**Политический диалог
и глобальные конфликты
Анализ дискурса и медиа**

Под редакцией
Шурыгиной Юлии Александровны

Редактор *В. В. Устинская*
Компьютерная верстка *Ф. Д. Фафурин*
Дизайн обложки *А. Е. Журиной*

Подписано в печать 17.11.2021. Формат 70×100¹/16.
Усл. печ. л. 14,95.
Заказ № 602. Тираж 300.

Издательство ПГУ
Пенза, Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru

**Aleshina Ekaterina
Razuvaeva Tatiana**

**Political Dialogue and Global Conflicts
Discourse and Media Analyses**

Editor *V. V. Ustinskaya*
Computer layout by *F. D. Fafurin*
Cover design *A. E. Zburina*

Signed to the press 17.11.2021. Format 70×100¹/16.
Order № 602. Circulation 300.

PSU Publishing House
Penza, Krasnaya, 40.
Tel.: (8412) 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru